

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",
впервые издана в 1900 году,
здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года
<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого
Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

В этом файле - глава о мадам Ролан.

[Другие части книги моно скачать в нашей библиотеке.](#)

Мадамъ Роланъ.

Въ тюрьмѣ Сенъ-Пелажи, 9 августа 1793 года.

„Дочь художника, жена ученаго, сдѣлавшагося министромъ и остававшагося честнымъ и достойнымъ уваженія человѣкомъ, нынѣ арестантка, быть можетъ, обреченная уже на насильственную смерть, я научилась познавать счастье и скорбь, я была близка къ славѣ и претерпѣла несправедливости“.

„Получивъ жизнь отъ честныхъ, хотя и низшаго сословія, родителей, я провела свою юность среди изящныхъ искусствъ, очарованная науками, не вѣдая иного преимущества, кромѣ достоинствъ, никакого другого величія, кромѣ добродѣтели“.

„Въ возрастѣ, когда рѣшаютъ вопросъ о бракѣ, я потеряла виды на богатство, которое могла бы мнѣ доставить соотвѣтствующая моему воспитанію партія. Союзъ съ почтеннымъ человѣкомъ, казалось, вознаградилъ меня за этотъ ударъ судьбы, но онъ же готовилъ мнѣ новые удары“.

„Кроткій характеръ, сила воли, здравый умъ, весьма нѣжное сердце, внѣшность, все то, что отличало меня. дѣлало меня любимой тѣми, кто меня зналъ. Положеніе же, которое я занимала, принесло мнѣ много враговъ, я же лично никого не имѣла; тѣ изъ нихъ, кто дурно говорить обо мнѣ, никогда меня не видѣлъ“.

„Правда, что вещи рѣдко бываютъ такими въ дѣйствительности, какими онѣ кажутся; что отдѣльные періоды моей жизни, въ которые я познала величайшія

радости или испытала наивысшее горе, по своему существу совершенно противоположны составлявшимся о них сужденіямъ, такъ какъ счастье болѣе зависитъ отъ чувствъ, нежели отъ обстоятельствъ“.

„Я хочу воспользоваться досугомъ моего заключенія, чтобы вызвать въ своей памяти все, что касается меня, начиная съ моего нѣжнаго дѣтства и до настоящаго времени. Прослѣдивъ, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, всѣ событія своего жизненнаго пути, я буду, что называется, переживать вторично. И что можно сдѣлать лучшаго въ тюрьмѣ, какъ только какъ-нибудь иначе представлять себѣ свое существованіе, предаваясь счастливому обольщенію или интереснымъ воспоминаніямъ? Если опытъ вообще пріобрѣтается болѣе самими поступками, нежели размысленіемъ о томъ, что видятъ и что дѣлаютъ, то мой опытъ можетъ значительно расширяться посредствомъ затѣи, которую я теперь предпринимаю“.

„Текущія событія и мои собственные ощущенія, со времени моего двухмѣсячнаго ареста, помогли мнѣ обдумать и записать много матерьяла, безъ необходимости распространяться о болѣе отдаленныхъ временахъ. Первые пять недѣль были посвящены историческимъ замѣткамъ, сопоставленіе которыхъ могло быть весьма цѣннымъ, но именно онѣ-то и были уничтожены *)“.

„Я испытала всю горечь этой утраты, возстановить которую такъ хорошо я уже не могу; но мнѣ было бы досадно, еслибъ я допустила себя до отчаянія, какъ это часто случается. Во всѣхъ перенесенныхъ мною мученіяхъ, живѣйшее впечатлѣніе горя почти всегда сопровождалось во мнѣ стремленіемъ противопоставить тому страданію, предметомъ котораго я была, мои силы и преодолѣть его или посредствомъ рѣшенія дѣлать

*) Это ошибка. Одинъ отрывокъ былъ спасенъ и приведенъ въ началѣ I тома ея записокъ.

либо другимъ, или посредствомъ укрѣпленія собственнаго духа. При такихъ обстоятельствахъ можетъ прелѣдовать меня несчастье, но оно не заставитъ меня придти въ отчаяніе. Тираны могутъ пытаться меня, но унижить—никогда! Мои замѣтки погибли, такъ я издамъ мои мемуары, и въ то время какъ я, съ сознаниемъ моей собственной слабости, примѣняюсь къ болѣзненно удручающему меня моменту, я займусь сама собою, чтобы легче отъ этого избавиться. Я буду изображать свои хорошія и дурныя стороны съ одинаковой откровенностью. Тотъ, кто не отваживается писать о себѣ хорошее, почти всегда трусь, сознающій свои дурныя стороны и опасующійся того, что могутъ говорить о его личности. А тотъ, кто колеблется признать свои недостатки и не имѣетъ силы защищать себя, тотъ не въ состояніи отъ нихъ и освободиться. Я же буду говорить о другихъ съ тою же откровенностью, какъ и о самой себѣ. Отца, мать, друзей, мужа, всѣхъ я изображу такими, какіе они суть на самомъ дѣлѣ, или какими они мнѣ казались“.

„Пока я пребывала въ состояніи покоя, уединенія, до тѣхъ поръ моя естественная чувствительность скрывала всѣ другія мои свойства, такимъ образомъ, что только она одна и замѣчалась или надъ всѣми другими преобладала. Первою моею потребностью было нравиться и дѣлать добро. Я походила немного на добродушнаго Курвиля, о которомъ мадамъ Севиньи говоритъ, что его любовь къ ближнимъ, когда онъ высказывался объ этомъ, заставляла его глотать половину словъ. И я постараюсь заслужить то, что говорилъ обо мнѣ Сентъ-Леттъ: „что я, при всей своей способности, заострять наитончайшія эпиграммы, ни одной не дала возможности сорваться съ моихъ устъ“.

„Съ тѣхъ поръ, какъ обстоятельства, политическія и иныя превратности, развили дѣятельную силу моего характера, я стала прежде всего откровенна, и не об-

рашаю никакого вниманія на мелочныя придирки, считая ихъ мимолетными. Я не пишу болѣе эпиграммъ, такъ какъ онѣ допускаютъ удовольствіе предполагать, что критика оскорбляетъ, да я и не согласна бесѣдовать съ мертвыми о пустякахъ. Но я люблю усиливать значеніе истины; кому слѣдуетъ, я говорю ужасныя вещи прямо въ лицо, безъ страха, безъ раздраженія, даже безъ гнѣва, какое бы впечатлѣніе онѣ на него ни производили *)“.

Приведенныя строки составляютъ предисловіе къ третьему тому „Мемуаровъ“, которыми мадамъ Роланъ оставила по себѣ столь неувыдаемый памятникъ.

Отецъ мадамъ Роланъ, по имени Гатьенъ Флипонъ, былъ граверомъ по профессіи и вмѣстѣ съ тѣмъ живописцемъ. Онъ хотѣлъ даже совсѣмъ посвятить себя живописи эмалевыми красками, не столько по призванію, сколько изъ любви къ самой работѣ. Но слабость зрѣнія принудила его отказаться отъ этого, и онъ ограничился только занятіемъ гравировкой на мѣди. Хотя онъ былъ весьма трудолюбивъ, къ тому же и мода какъ разъ въ это время выдвигала этотъ родъ искусства, такъ что онъ могъ давать работу большому числу мастеровъ, въ немъ проявилось сильное желаніе къ торговлѣ, съ цѣлью разбогатѣть. Онъ скупалъ драгоценности, брилльянты, или обмѣнивалъ таковыя на произведенія собственнаго труда, чтобы, при благопріятномъ случаѣ, перепродавать ихъ. Это стремленіе, извлекаетъ изъ несвойственныхъ себѣ дѣлъ выгоды, мно-

*) Прочитавъ „Мемуары“ мадамъ Роланъ, въ 1820 году. Гете, въ „Tag-und Jahreshetten“ написалъ о нихъ слѣдующее: „произведенія мадамъ Роланъ вызываютъ чрезвычайное удивленіе. Что появляются такіе характеры и таланты, это, безъ сомнѣнія, представляетъ ту существенную пользу, которая передается отъ несчастныхъ временъ потомству. Они, въ нашихъ глазахъ, придаютъ важное значеніе даже наиболѣе обратительнымъ днямъ всемірной исторіи.

Прим. автора.

гихъ, кажется, портить. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ какой-нибудь счастливецъ и пріобрѣтаетъ такимъ путемъ баснословныя богатства, соблазняя своимъ примѣромъ многихъ другихъ; но послѣдніе, начиная подражать ему, впослѣдствіи позорно раззоряются. Его искусства было бы достаточно для безбѣднаго существованія; но онъ захотѣлъ сдѣлаться богатымъ, и кончилъ тѣмъ, что все дѣла свои привелъ въ упадокъ.

Господинъ Флипонъ былъ здоровый, сильный, трудолюбивый, словоохотливый человекъ, и имѣлъ склонность къ роскоши и украшеніямъ. Онъ не получилъ образованія и пріобрѣлъ нѣкоторую степень вкуса и знаній, благодаря занятіямъ изящнымъ искусствомъ, да и то только очень поверхностно. Но, придавая весьма большое значеніе богатству, а также и всему тому, что изъ него можно извлечь, съ купцами, однако, онъ имѣлъ только дѣловыя сношенія; дружбу велъ только съ художниками, живописцами и скульпторами. Онъ жилъ весьма аккуратно до тѣхъ поръ, пока его честолюбіе еще не выходило изъ извѣстныхъ предѣловъ и пока не испытывалъ никакихъ неудачъ. Нельзя было бы прямо утверждать, что онъ былъ человекомъ вполне безукоризненнымъ; но въ немъ не замѣчалось недостатка и чести. За свои произведенія онъ весьма часто бралъ значительно повышенныя противъ ихъ дѣйствительной стоимости цѣны; но онъ скорѣе могъ лишиться жизни, чѣмъ не заплатить долга за купленный имъ для себя какой-либо предметъ.

Его жена, Маргарита Бимонъ, принесла ему въ приданое немного денегъ; за то отдала ему свою божевственную душу и привлекательную внѣшность. Она была старшей изъ шести сестеръ, для которыхъ заступала мѣсто матери, и вслѣдствіе этого рѣшилась выйти замужъ только въ возрастѣ 26 лѣтъ. Ея чувствительное сердце и нѣжный характеръ могли бы сое-

динить ее съ болѣе просвѣщеннымъ и задушевнымъ человѣкомъ. Но ея отецъ представилъ ей честнаго чловѣка, талантъ котораго обезпечивалъ ей достаточное содержаніе, и она изъ скромности согласилась на этотъ бракъ.

За неимѣніемъ счастья, на которое она могла бы надѣяться, ей пришлось подчиниться доводамъ о возможномъ согласіи, которое могло отчасти замѣстить первое. Радости бываютъ обыкновенно рѣже, нежели полагаютъ; но никогда не бываетъ недостатка утѣхъ и въ добродѣтели.

Мадамъ Роланъ была вторымъ ребенкомъ отъ этого брака. Всего эта супружеская чета имѣла семь дѣтей, изъ которыхъ, однако, шесть умерли, частью вскорѣ же послѣ рожденія, частью въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. Ее же отдали чужимъ людямъ въ деревню на воспитаніе по обычаю, существующему во Франціи еще и до настоящаго времени.

Лишь только маленькой дѣвчкѣ исполнилось два года, какъ она возвратилась къ чуждымъ для нея родителямъ и она долгое время плакала по своей мнимои матери въ деревнѣ. Большое умѣнье и доброта понадобились мадамъ Флипонъ, чтобы сроднить дитя съ ея родительскимъ домомъ. Вскорѣ пріобрѣла она вліяніе надъ нѣжнымъ, мягкимъ характеромъ ребенка, которое она всегда только и употребляла въ пользу своей дочери. Но, дитя было все же настолько самостоятельнымъ, что мать, принимая всѣ мѣры къ его смягченію и дѣйствуя постепенно на разсудокъ ребенка, желая добиться покорности посредствомъ нѣкотораго обольщенія, должна была первое время холодно называть дочь свою „барышней“. Часто, въ послѣдствіи, вспоминая объ обращеніи къ ней ея доброй, нѣжными глазами смотрѣвшей на нее, матери со словомъ „барышня“, мадамъ Роланъ невольно содрогалась.

Мадамъ Роланъ носила имя Манонъ-Жанна. Въ сво-

ихъ мемуарахъ объ этомъ имени она говоритъ слѣдующее: „Да, Манонъ, такъ зовутъ меня, и мнѣ жаль любителей романовъ; это имя совсѣмъ не пристало къ лицу героини высшаго значенія. Однако, оно мое, это имя, и принадлежитъ моеи исторіи, которую я пишу. Впрочемъ, чувствительные люди примирились бы съ именемъ, если бы они могли слышать, какъ произносила его моя нѣжная мать, и если бы они видѣли ту, которая носила его!“

Манонъ была очень подвижна, но не суетлива; одаренная отъ природы богатымъ умомъ, она ни къ чему такъ не стремилась, какъ постоянно быть чѣмъ-нибудь занятой. Она быстро все воспринимала. Этотъ даръ въ ней былъ столь великъ, что она скоро начала читать, не будучи въ состояніи, однако, припомнить, когда же именно она этому научилась. Когда ей исполнилось четыре года, она уже прямо-таки зачитывалась. Послѣ книгъ, въ ней развилась и любовь къ цвѣтамъ. Вспоминая о своемъ дѣтствѣ, она находила его счастливымъ, такъ какъ могла проводить его среди книгъ и цвѣтовъ. Даже въ тюрьмѣ, незадолго до своей смерти, одинъ взглядъ на покрывавшія рѣшетку ея окна цвѣты заставлялъ ее забывать людскую несправедливость, а чтеніе книгъ облегчало ея душевныя страданія. Она настолько была любознательна, что легко изучила бы коранъ, если бы къ этому представлялся какой-нибудь поводъ.

Художники, посѣщавшіе родительскій домъ Манонъ, съ большою охотою занимались съ красивымъ, живымъ, любознательнымъ ребенкомъ и рассказывали ей разныя интересныя сказки.

Съ семилѣтняго возраста, каждое воскресенье ее посылали въ приходское училище, чтобы приготовить ее къ конфирмаціи. Одинъ изъ братьевъ ея матери былъ священникъ и занимался съ Манонъ въ этомъ воскресномъ училищѣ. Онъ до такой степени поражался ея

страстью къ чтенію и живостью осмысленнаго воспріятія прочитаннаго, что ему пришла въ голову мысль обучить ее латинскому языку. Дѣвочка пришла отъ этого въ восторгъ и радовалась, что для нея нашелся новый предметъ изученія. Дома она занималась съ различными учителями чистописаніемъ, географіей, музыкой и танцами. Отецъ обучалъ ее рисованію. Но всего этого ей было недостаточно. Она вставала въ 5 часовъ утра, пока въ домѣ всѣ еще спали и, одѣтая въ легкую юбочку, не заботясь о чулкахъ и башмакахъ, безшумно прокрадывалась къ столу въ углу комнаты своей матери, гдѣ хранились ея работы, и съ такимъ рвеніемъ начинала переписывать или повторять заданные ей уроки, что дѣлала замѣчательные успѣхи. Всѣ учителя восхищались ею и съ большою охотою вели съ нею продолжительныя занятія; это обстоятельство еще болѣе увеличивало прилежаніе маленькой Манонъ. Она была такъ привѣтлива съ ними, что они считали себя даже обязанными способствовать ея развитію; съ своей стороны, она была имъ чрезвычайно благодарна за то, что они стремились удовлетворять ея любознательности. Не было ни одного учителя, который послѣ немногихъ лѣтъ занятій ни признавался, что Манонъ нуждалась только въ простомъ присмотрѣ, но чтобы родители позволили имъ посѣщать ихъ домъ и не прекращать собесѣдованій съ ихъ дочерью. Отецъ не проявлялъ почти никакого вліянія на ея воспитаніе. Ея умная и предусмотрительная мать вскорѣ же замѣтила, что ею руководить можно только посредствомъ разума, или дѣйствуя на ея чувства. Она старалась никогда не вызывать въ дочери сопротивленія, тогда какъ отецъ, какъ глава семейства, рѣдко бывалъ послѣдовательнымъ въ своихъ настойчивыхъ иногда требованіяхъ. Когда онъ поступалъ уже слишкомъ деспотически и наказывалъ свое дитя, то до тѣхъ поръ нѣжное созданіе превращалось въ маленькую львицу. Она становилась непокорной, спорила съ нимъ

и непремѣнно старалась дѣйствовать наперекоръ его желаніямъ.

Когда однажды Манонъ захворала, то отецъ хотѣлъ насильно заставить ее принять прописанное лѣкарство. Съ своей обычной добротой и терпѣніемъ мать еще ранѣе старалась напрасно склонить ее къ этому. Вмѣшавшійся въ это отецъ, объяснившій отвращеніе больной къ лѣкарству простымъ упрямствомъ, посѣкъ ее розгами. Послѣ этого онъ снова протянулъ ей лѣкарство; и какъ она опять воспротивилась принять его, то сѣченіе повторилось. Сначала она громко кричала, но затѣмъ, когда ощущеніе боли стало почти невыносимымъ, она вдругъ умолкла, перестала плакать и тихій столбнякъ напалъ на нее, сосредоточивъ всѣ ея силы къ одному рѣшенію. Она вскочила съ постели, направилась къ стѣнѣ, наклонила къ ней свою голову и сама подставила свое обнаженное тѣло для ударовъ. Она сама рассказываетъ, что у нея остановилось дыханіе и что ее могли бы убить на мѣстѣ, не вызвавъ изъ нея хотя бы одного вздоха! Матери, наконецъ, удалось уговорить отца удалиться изъ комнаты. Она уложила истерзаннаго ребенка въ постель и въ теченіе двухъ часовъ не безпокоила ее. По прошествіи этого времени, мать снова подошла къ ней. Она со слезами на глазахъ умоляла Манонъ принять лѣкарство, чтобы не подвергать себя опасности усиленія болѣзни. Дитя пристально взглянуло на нее, взяло стаканъ и въ одинъ пріемъ опустошило его.

Мадамъ Роланъ, вспоминая объ этомъ несправедливомъ наказаніи, говоритъ въ своихъ мемуарахъ: „Всѣ подробности этой сцены такъ памятны мнѣ, какъ будто я только недавно перенесла ихъ. Всѣ испытанныя тогда мною ощущенія жестокости до сихъ поръ такъ ясны мнѣ еще, что и теперь, съ приближеніемъ настоящихъ торжественныхъ минутъ, я не поступлю иначе, чтобы съ гордостью вступить на эшафотъ, какъ поступила тогда, допустивъ себя до варварскаго обращенія, кото-

рое могло скорѣе умертвить меня, нежели принудить къ покорности“.

Послѣ этого случая, отецъ уже никогда болѣе не наказывалъ ее и даже не дѣлалъ ей ни малѣйшаго выговора. Онъ сталъ ласкать ее чаще прежняго, старался предупредить нѣкоторыя ея желанія, ходилъ съ ней гулять, и все это съ такою сердечностью, что Манонъ снова почувствовала его достойнымъ ея уваженія и, съ своей стороны, обеспечила ему полное послушаніе.

Ея седьмой день рожденія, какъ переходъ въ возрастъ развитія умственныхъ способностей, былъ торжественно отпразднованъ. Ея существованіе мирно протекало въ тихой домашней обстановкѣ и въ большой умственной дѣятельности. Мать рѣдко выходила изъ дома и сносила только съ немногими лицами. Два раза въ недѣлю онѣ ходили къ родителямъ ея отца. Часто посѣщали онѣ также и бабушку Бимонъ; это была высокая, красивая женщина, но еще въ молодыхъ годахъ разбитая параличемъ. Съ годами разсудокъ ея помутился и она была слабоумной. Маленькая Манонъ всегда тамъ сильно скучала; она не понимала этой ужасной болѣзни, и сердилась, когда видѣла что бабушка могла громко смѣяться, если она падала или причиняла себѣ какую-либо другую боль, и затѣмъ плакала, если ей было весело и она чему нибудь радовалась. Когда ей объяснили, что это происходило вслѣдствіе ея болѣзни, то отъ этого ей не становилось менѣе скучно. Рыданіе и безумные крики производили на нее тяжелое впечатлѣніе и отталкивали ее отъ нея съ ужасомъ. Это былъ жестокой опытъ терпѣнія, которому подвергали Манонъ. Когда однажды она ни за что не хотѣла итти туда, то матери ея было достаточно привести ее къ сознанию, что съ ея стороны это будетъ необходимою и похвальною обязанностью, если она раздѣлитъ ее съ нею. Мадамъ Флипонъ такъ сумѣла убѣдить ее, что сердце дитяти тронулось та-кимъ внушеніемъ и она рѣшилась покориться.

Уроки заполняли часы ея дня такимъ образомъ, что, если она хотѣла предпринять что-либо другое, то они всегда оказывались короткими. Но, вскорѣ однѣ учебныя книги стали для нея недостаточными и она начала брать изъ домашней бібліотеки одну книгу за другой, что представляло собою самое разнообразное чтеніе: біблія, которая въ особенности привлекала ее, жизнеописаніе святыхъ, историческія произведенія, театральныя пьесы, словомъ все печатное, попадавшееся ей въ руки. Страсть къ чтенію такъ овладѣла ею, что однажды она принялась даже за сочиненіе о геральдикѣ. Но, наконецъ, она познакомилась со всѣмъ, что находилось въ бібліотекѣ ея отца, и она стала искать новой пищи для своего ума. Случайно открыла она въ мастерской своего отца уголокъ, гдѣ ученики хранили свои книги. Она стала брать тайкомъ оттуда по одной книгѣ и, прочитавъ, клала ихъ всегда до прихода учениковъ обратно, такъ что тѣ ничего не замѣчали. Вообще, это были хорошія произведенія. Однажды Манонъ замѣтила, что и ея мать сдѣлала такое же открытіе какъ и она, причѣмъ въ рукахъ ея увидѣла уже знакомый ей томъ одного сочиненія. Послѣ этого она уже перестала стѣсняться и брала книги открыто.

Описаніе путешествій было для нея любимымъ чтеніемъ. Но ея главную духовную пищу составляли произведенія Плутарха.

Когда ей исполнилось девять лѣтъ, это было постомъ 1763 года, она по ошибкѣ, вмѣсто молитвенника, понесла съ собою въ церковь Плутарха! Съ этого времени начинаются у ней впечатлѣнія и мысли, которыя безъ ея вѣдома дѣлали ее уже республиканкой.

Нѣкоторое разнообразіе въ чтеніе Манонъ внесли Телемакъ и „Освобожденный Іерусалимъ“ Тассо. Чувствительный Фенелонъ затрагивалъ ея сердце, а Тассо воспламенялъ ея фантазію. Время отъ времени мать заставляла ее читать себѣ вслухъ, но та дѣлала это неохотно,

такъ какъ вслѣдствіе этого она отрывалась отъ излюбленныхъ ею авторовъ, да и не могла при этомъ сосредоточиваться на особенно интересныхъ мѣстахъ. Когда она читала про себя, то дѣйствительный міръ утопалъ для нея въ фантазіи, и она воплощалась то въ Евхарисъ Телемака, то въ Эрминію для Танкреда! Она углублялась въ созерцаніе только образовъ, самые же предметы получали въ ея воображеніи другія формы. Это былъ какъ бы сонъ безъ пробужденія!

Вслѣдъ засимъ въ ряды ея авторовъ попалъ Вольтеръ. Однажды у ея матери были въ гостяхъ пожилыя дамы и играли въ пикетъ. Манонъ сидѣла въ углу комнаты и читала „Кандида“; лишь только ея мать на нѣсколько минутъ покинула комнату, одна изъ пожилыхъ дамъ подозвала ее къ себѣ и попросила показать ей книгу, которую она только что читала. Тогда она обратилась къ вошедшей въ комнату мадамъ Флипонъ съ выраженіемъ своего удивленія относительно выбора предмета для чтенія Манонъ. Не отвѣчая ей, мадамъ Флипонъ сказала дочери, чтобы та поставила книгу на то мѣсто, откуда взяла ее. Съ этого времени маленькая, старая, чопорная дама уже не привлекала къ себѣ ни одного дружелюбнаго взгляда со стороны Манонъ. Но добрая, умная мадамъ Флипонъ нисколько не перемѣнилась въ своихъ отношеніяхъ къ ней и позволяла своей дочери продолжать читать все, что попадало ей въ руки, дѣлая видъ, какъ будто ничего не замѣчала, хотя и отлично все знала.

Къ тому же, въ домѣ вовсе не было книгъ безнравственнаго содержанія, и потому въ руки любознательнаго ребенка не могло попасть ничего развращающаго.

Господинъ Флипонъ дарилъ своей дочери почти исключительно книги. Но, какъ она сама говоритъ, въ выборѣ таковыхъ онъ не всегда былъ счастливъ; такъ, напримѣръ, онъ принесъ ей однажды Локке „О воспитаніи дѣтей“, или, въ другой разъ, Фенелона „Раз-

сужденіе о воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ“. Книги, предназначенныя для руководства воспитателей, давали воспитанницѣ! Но она была такъ не по лѣтамъ развита, любила самоуглубляться, изучала склонности своей души для самоопредѣленія; и вышло такъ, что нечаянный случай оказался для нея болѣе благоприятнымъ, нежели могли бы пособить ей въ этомъ самые точные расчеты. Она начала чувствовать, что въ жизни ей предстоитъ выполнить большое назначеніе и что поэтому она должна привести себя въ состояніе быть къ тому достойной. Это были неясныя предчувствія; но путь, по которому ей пришлось идти, былъ весьма замѣчательнъ, полонъ всякихъ приключеній и превратностей.

Она обладала совершенно особеннымъ даромъ къ изученію языковъ; напримѣръ, итальянскій—она изучила безъ всякой посторонней помощи и безъ затрудненій. Отецъ обучилъ ее также гравированію; лишь только первыя затрудненія были преодолены, она сразу же поняла, какъ слѣдуетъ обращаться съ грабштихелемъ. Она дѣлала большіе успѣхи; отецъ поручалъ ей даже не слишкомъ сложныя работы и хотѣлъ заинтересовать ее тѣмъ, что барыши будетъ дѣлать съ ней пополамъ. Съ этою цѣлью Манонъ должна была вести книгу и въ концѣ каждой недѣли выводить расчетъ. Но, ей это надоѣло и, въ концѣ концовъ, она перестала интересоваться и самой работой, предпочитая читать по одной книгѣ, чѣмъ закупить сразу много томовъ на вырученныя деньги. Она не старалась скрывать своего отвращенія къ этому занятію и ей не возражали. Итакъ, грабштихель и флихтштихель были уложены въ рабочій ящикъ, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе ихъ оттуда не вынимать.

Въ то время какъ мадамъ Флипонъ мало заботилась о своихъ костюмахъ, она большое вниманіе удѣляла этому въ отношеніи дочери. Мадамъ Роланъ не могла также равнодушно вспоминать и о тогдашней прическѣ,

которой украшали ея голову и которая каждый разъ раздражала Манонъ, хотя она на это и не жаловалась.

Итакъ, какъ мы уже видѣли, восьмилѣтнимъ ребенкомъ она читала серьезныя произведенія, умѣла обращаться съ грабштихелемъ, хорошо рисовала, была знакома съ астрономіей и въ обществѣ старшихъ дѣвицъ была лучшей танцоркой; неоднократно занимали ее и въ кухнѣ стряпаніемъ яичницъ, чистой овощей или сниманіемъ пѣнки съ супа. Благодаря заботливости мадамъ Флипонъ, Манонъ приобрѣла такія же хорошія познанія въ наукахъ, какъ и въ свободныхъ искусствахъ и домашнемъ обиходѣ. Это разностороннее воспитаніе, въ которомъ она ко всему проявляла необыкновенныя способности, могло напередъ предупредить возможность всякихъ превратностей въ ея судьбѣ и помогло ей все перенести. Она никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ ни въ чемъ не затруднялась и ее не считали лишней ни въ какомъ обществѣ. Даже всякую черную работу, будь это стряпаніе, колка дровъ, и этимъ она не пренебрегала, она выполняла съ такою расторопностью и умѣньемъ, что, заставъ ее за однимъ изъ такихъ занятій, можно было подумать, что ее ничему другому и не обучали.

Мадамъ Флипонъ была набожна, но безъ ханжества; она строго вѣровала или заставляла себя казаться вѣрующею. Съ полнымъ благоговѣніемъ однако передавала она Манонъ свои религіозныя воззрѣнія, которыя пробудили въ ней особое вниманіе и произвели на ея живую фантазію большое впечатлѣніе; хотя ея пылкій умъ и былъ смущенъ библейскимъ рассказомъ о превращеніи дьявола въ змѣю, тѣмъ не менѣе она старалась принять и его за истину.

Съ полнымъ сознаніемъ готовилась она къ конфирмаціи, обсуждая значеніе своихъ поступковъ и обдумывая свои обязанности. Лишь только заговаривали о приближеніи этого великаго момента, какъ она начи-

нала ощущать какой-то непонятный страхъ передъ предстоящимъ событіемъ; она усердно читала священное писаніе, стремилась постичь тайну безсмертія души, вѣчнаго блаженства или проклятія и, почти незамѣтно для себя, все болѣе и болѣе углублялась въ рѣшеніе религіозныхъ задачъ.

Большое влияніе на эту склонность ея возымѣлъ, къ сожалѣнію, одинъ посторонній случай, побудившій ее къ очень важному рѣшенію.

Въ мастерской ея отца занималось много молодыхъ людей въ качествѣ мастеровъ и учениковъ. Манонъ часто вступала съ ними въ разговоры, когда заходила туда, чтобы показать свою работу отцу, или когда ей нужно было отточить грабштихель, что случалось еще чаще. Между учениками находился одинъ, родители котораго проживали далеко отъ Парижа. Госпожа Флипонъ была расположена къ нему болѣе другихъ и, такъ какъ онъ былъ еще очень молодъ, то она, оберегая его отъ влиянія дурного общества, по воскресеньямъ оставляла его проводить вечера въ своемъ домѣ. Вслѣдствіе этого и Манонъ относилась къ нему довѣрчивѣе и дружелюбнѣе, нежели къ другимъ ученикамъ своего отца. При немъ она совершенно беззаботно и безъ всякаго страха навѣщала мастерскую, даже отецъ ничего не имѣлъ противъ этого.

Однажды вечеромъ она опять пошла въ мастерскую и застала тамъ только одного этого ученика, который, казалось, чѣмъ-то занимался при свѣтѣ лампы. Она подошла къ нему, спросила о чемъ-то, какъ вдругъ онъ схватилъ ее за руку и съ неприличными цѣлями потянулъ къ себѣ. Она была поражена, громко вскрикнула, стараясь высвободить свою руку; но онъ, смѣясь и не отпуская ея, совершенно спокойно произнесъ: „Замолчите же! Чего вы испугались, вотъ еще глупости какія! Развѣ вы меня не знаете? я не злодѣй; вашимъ же крикомъ вы заставите придти сюда вашу мать, которая

и начнетъ бранить меня, что я васъ испугалъ“. Она замолчала, но была страшно раздражена и требовала, чтобы онъ немедленно освободилъ ее. Однако, онъ продолжалъ ее крѣпко держать, повернулся на своемъ сидѣньи, такъ что она едва могла сохранить равновѣсіе, чтобы не упасть. Тогда она опять громко закричала, стараясь освободиться отъ него и бѣжать, такъ какъ то, что онъ продѣлывалъ, было дѣйствительно ужасно.

Онъ началъ извиняться передъ ней и увѣрять, что не имѣлъ никакого намѣренія причинить ей непріятность, а между тѣмъ онъ можетъ пострадать изъ-за нея. „Ахъ, Боже мой! я ничего не скажу, только отпустите меня“, отвѣтила она ему. Послѣ этого онъ освободилъ ея руку и она поспѣшно выбѣжала изъ мастерской.

Сильно взволнованная, она едва достигла своей комнаты, какъ услышала голосъ своей матери, которая ее звала къ себѣ. Она нуждалась въ нѣкоторомъ времени, чтобы придти въ себя и успокоиться, а между тѣмъ, надо было отозваться и на окликъ. Мать тотчасъ же замѣтила ея возбужденное состояніе и озабоченно спросила, что съ нею случилось и отчего она такая блѣдная. Манонъ дала уклончивый отвѣтъ, что сама не знаетъ, что ей нужно выпить стаканъ воды. На вторичный вопросъ, что она чувствуетъ, она сказала только, что ей немного нездоровится. При этомъ она вся дрожала, но, выпивъ стаканъ воды, она пришла въ себя и овладѣла собою настолько, что могла успокоить свою мать и отвѣчать на ея вопросы.

Это непріятное посѣщеніе мастерской долго не могло изгладиться изъ ея памяти и увеличивало ея мученія, такъ какъ о происшествіи она не отваживалась сообщить своей матери. Она просто не знала, съ чего начать! Долгое время Манонъ не рѣшалась послѣ этого ходить въ мастерскую и видѣла молодого человѣка, вмѣстѣ съ другими двумя учениками, только въ присутствіе родителей за обѣденнымъ столомъ. Ученику

это не правилось и онъ какъ-то, какъ бы случайно, зашелъ къ Манонъ въ кухню, когда она тамъ была занята. Онъ хотѣлъ заставить ее сказать ему, почему она не посѣщаетъ болѣе мастерскую, началъ снова извиняться за свой поступокъ и убѣждалъ относиться къ нему съ прежнимъ довѣріемъ. Но она сказала только „да“ и выбѣжала изъ кухни.

Постепенно, почти незамѣтно для себя самой, она стала забывать свой страхъ и приключеніе и, какъ прежде, заходила въ мастерскую, чтобы переговорить съ отцомъ или принести туда что-нибудь необходимое. При этомъ молодой человѣкъ пользовался удобнымъ случаемъ, чтобы выбѣжать ей навстрѣчу при ея выходѣ оттуда и въ шутовомъ тонѣ напомнить ей о происшествіи, какъ о простой ребяческой шалости; и онъ, наконецъ, довелъ ее до того, что она размѣялась. Послѣ этого, между ними установилась та искренность, которая, какъ это нерѣдко случается между молодыми людьми, возникаетъ по поводу, имъ однимъ только извѣстному, о чемъ они и дѣлятся своими впечатлѣніями, не довѣряя ихъ другимъ.

Однажды случилось, что Манонъ сидѣла въ мастерской рядомъ со своимъ отцомъ за работой, какъ вдругъ его вызвали оттуда; она намѣревалась тотчасъ-же послѣдовать за нимъ, но въ это время на улицѣ раздались звуки духовой музыки. Она немедленно поспѣшила къ высокому окну и взобралась на стоявшій тамъ рядомъ стулъ, такъ какъ иначе она не могла бы смотрѣть на улицу, будучи еще маленькой. Молодой человѣкъ посовѣтывалъ ей встать лучше на рабочій столъ и даже помогъ ей туда перебраться. Другіе ученики выбѣжали въ это время на улицу, чтобы посмотреть, что тамъ происходило. Лишь только Манонъ начала спускаться, какъ молодой человѣкъ схватилъ ее подъ руки, потянулъ къ себѣ и, снимая со стола, началъ усаживать къ себѣ на колѣна, опускаясь въ то же время на стулъ.

Когда она потребовала, чтобы онъ освободилъ ее, молодой человекъ затанулъ свою старую пѣсню, насмѣшливо спросивъ, ужъ не испугалась ли она опять; не отвѣчая на вопросъ, она сказала только, что хочетъ итти, но онъ отвернулъ ея платье, при чемъ безстыдно дотронулся до ея тѣла...

Она съ силой хотѣла отстраниться отъ него, ударила его, причемъ упала на полъ, и съ отвращеніемъ взглянула на него. Ея глаза, казалось, выступили изъ орбитъ, ноздри расширились и она была близка къ обмороку. Замѣтивъ это, онъ испугался, измѣнилъ свои намѣренія, засуетился и употребилъ всѣ усилія, чтобы успокоить ее и не хотѣлъ отпустить до тѣхъ поръ, пока это ему не удастся. Наконецъ, она могла подняться съ пола и удалиться. Съ этихъ поръ она смотрѣла на него не иначе какъ со злобой и присутствіе его вызывало въ ней отвращеніе. Долго она была скучной и озабоченной, чувствовала себя оскорбленной; она хотѣла все рассказать матери, но боялась и смущалась. Мадамъ Флипонъ стала серьезно беспокоиться, что Манонъ что то скрываетъ, и ея перваго вопроса по поводу перемѣны въ настроеніи дочери было достаточно, чтобы побудить ее рассказать все отъ начала до конца. Душевное волненіе и испуганный видъ матери причинили ей сильное огорченіе. Хорошая женщина была въ отчаяніи сознавать, что плоды ея попеченій и заботливости такъ неожиданно могли погибнуть; на нее напалъ страхъ и ей казалось, что дочь могла что-нибудь и утаить еще; она задавала ей тысячи косвенныхъ вопросовъ, опасаясь сказать болѣе того, что знала, и желая въ то же время удостовѣриться, что дѣло ограничилось только тѣмъ, что повѣдала ей сама Манонъ.

Мадамъ Флипонъ очень ловко воспользовалась отвращеніемъ и естественной стыдливостью дочери, разстроившими въ высшей степени ея спокойствіе; она упрекала Манонъ въ томъ, что та такъ долго скрывала

отъ нея это дѣло, какъ будто несслыханный поступокъ молодого человека могъ оставаться безнаказаннымъ. Но это послѣднее замѣчаніе, сдѣланное къ тому же не безъ излишняго порицанія его безнравственности, только усилило ея угнетенное душевное состояніе. Она говорила, что этотъ поступокъ противенъ религіи, разуму, чести, порядочности, но съ такою нѣжностью материнскаго сердца, какимъ она обладала, думая, что подобныя наставленія являются вѣрнымъ средствомъ предохранить дочь отъ подобныхъ случаевъ въ будущемъ и, неожиданно для себя, довела до того, что Манонъ почувствовала себя величайшей грѣшницей! Она не находила себѣ покоя, пока матери не пришло въ голову убѣдить ее итти на исповѣдь. Бѣдное дитя хотя и находило ужаснымъ, что должно рассказать на исповѣди подобныя вещи, но мысль, что это есть единственное средство спасенія, заставила Манонъ такъ или иначе воспользоваться совѣтомъ и, наконецъ, она рѣшилась; это значительно успокоило ее. Съ этого момента ею овладѣло религіозное настроеніе. Набожность, въ которую впала Манонъ, странно ее измѣнила. Глубокое смиреніе, сильная застѣнчивость напали на нее. На мужчинъ она смотрѣла съ какимъ-то ужасомъ, который еще болѣе увеличивался, когда они бывали съ нею любезны; этого было достаточно, чтобы она тотчасъ же насторожилась и мысленно уже рѣшала, что это непременно долженъ быть преступникъ.

Подъ разными предлогами мадамъ Флипонъ доби- лась того, что она и Манонъ перестали обѣдать за общимъ столомъ. Это было большимъ облегченіемъ для ребенка. Родители благоразумно рѣшили, что этимъ способомъ она совершенно устранялась отъ какого-либо общенія съ молодымъ человекомъ, которому предоста- вили продолжать его ученіе до назначеннаго срока, опасаясь непріятной огласки вслѣдствіе немедленнаго же удаленія его.

Замкнутая жизнь, которую вела Манонъ, казалась ей все еще довольно разсѣянной, чтобы достойно подготовиться къ причастію. Этотъ предстоящій великій шагъ къ спасенію ея души занималъ теперь все ея мысли. Она съ большимъ вниманіемъ сосредоточивалась на богослуженіи и торжественность его производила на нее сильное впечатлѣніе. Прилежно читала она объясненія церковныхъ службъ и ихъ символическаго значенія. Она съ увлеченіемъ читала жизнеописанія святыхъ и умилялась ихъ мученическимъ вѣнцомъ, который они претерпѣвали во времена язычества, благодаря твердости въ своей вѣрѣ. Однажды вечеромъ она упала передъ своими родителями на колѣни, умоляя ихъ согласиться отпустить ее на нѣкоторое время въ монастырь.

Добрая мать была растрогана и, навѣрное, испугалась бы, если бы не знала, что происходило въ душѣ ея дочери, такъ какъ въ послѣднее время она ни на минуту не покидала ее. Когда ее спросили, какія собственно причины привели ее къ такому намѣренію, она напомнила лишь, что до сихъ поръ вѣдь ни въ чемъ благоразумномъ ей не отказывали. Она сказала только, что подобное намѣреніе возникло у ней изъ желанія подготовиться къ принятію своего причастія съ полнымъ благоговѣніемъ. Отецъ похвалилъ ея набожное настроеніе и посовѣтовался съ матерью о выборѣ подходящаго монастыря. Вскорѣ послѣ этого, 7 мая 1765 года, 11 лѣтъ, вступила Манонъ въ монастырь Свѣ. Сентъ-Этьенъ, въ предмѣстьѣ Сентъ-Марсель.

Вся въ слезахъ разставалась она съ матерью; это была ея первая продолжительная разлука съ ней. Но ей казалось, что она слѣдуетъ велѣнію Бога и этими слезами приноситъ ему великую жертву, на которую только была способна; это являлось, дѣйствительно, ея первую жертвою.

Первую ночь она провела въ довольно возбужден-

номъ состояніи. Она уже не находилась болѣе подъ отцовскимъ кровомъ, болѣзненно чувствовала отсутствіе своей доброй матери, которая, конечно, думала о ней; вездѣ господствовала глубокая тишина, наводившая на нее какой-то непонятный страхъ. Высокія деревья повсюду бросали свою могучую тѣнь и сулили ей надежное убѣжище въ ея тихой молитвѣ и размышленіяхъ. Когда она поднимала глаза къ ясному небу, она чувствовала присутствіе тамъ божества, которое привѣтствовало ея жертву, и видѣла въ этомъ награду, которую оно ниспосылало ей съ своей небесной высоты. Тихія слезы медленно текли по ея щекамъ и она съ святымъ благоговѣніемъ возносила свои молитвы къ Богу.

До слѣдующаго вечера своего пребыванія въ монастырѣ она еще не видѣла всѣхъ своихъ монастырскихъ товарокъ, которыхъ тамъ было тридцать четыре, все воспитанницы отъ шести до восемнадцатилѣтняго возраста. За столомъ Манонъ была присоединена къ старшимъ. Нѣжное материнское воспитаніе, сдѣлавшее ее довѣрчивой, установленный порядокъ, къ которому она привыкла, манера кротко и искренно выражаться значительно отличали ее отъ прочей заносчивой, суетной и плохо воспитанной молодежи. Дѣти смотрѣли на нее, какъ на взрослую; взрослыя же не давали ей чувствовать большого различія въ возрастѣ и обращались къ ней даже съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Благодаря своему усердію къ ученію, она была образованнѣе многихъ находившихся тамъ старшихъ дѣвицъ. Скоро всѣ учительницы пришли въ восхищеніе отъ прилежанія и способностей Манонъ и охотно занимались съ ней внѣ урочныхъ часовъ. Это привело къ тому, что она сдѣлалась первой ученицей; но и при всемъ томъ она, благодаря своему усердію, находила еще достаточно свободнаго времени, чтобы не терять ни одной минуты на приобрѣтеніе новыхъ познаній. Въ часы отдыха она

не рѣзвилась съ другими и во время прогулокъ она почти всегда удалялась подъ тѣнь дерева съ книгой. Она любила природу и восхищалась ею; среди нея, какъ въ церкви, ею овладѣвало высокое чувство благодарности къ Творцу всего этого великолѣвія.

Уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ Манонъ жила въ тихой монастырской обители. Родители навѣщали ее только по воскресеньямъ и брали ее съ собою на прогулку. При разставаніи, она каждый разъ орошалась слезами; но это не были слезы горя въ ея положеніи, а слезы отъ избытка нѣжныхъ чувствъ, которыя она питала къ своимъ родителямъ. Когда она успокоивалась, то уходила въ себя, чтобы лучше воспользоваться своимъ уединеніемъ и часто садилась къ могилѣ какой-нибудь благочестивой монахини и читала эпитафію, которая была высѣчена на могильномъ камнѣ. Въ это время дѣвочка глубоко вздыхала и размышляла о завидной долѣ умершей въ ея вѣчномъ блаженствѣ! Къ такому меланхолическому настроенію присоединялся восторгъ и она начинала надѣяться, что когда-нибудь, также добьется подобнаго блаженства, въ которомъ она ощущала какую-то непонятную потребность.

Въ монастырь поступили двѣ новыя воспитанницы изъ Амьена; это были сестры Каннэ, съ которыми до самой своей смерти мадамъ Роланъ не прерывала дружественныхъ связей. Несмотря на то, что одной было восемнадцать, а другой четырнадцать лѣтъ, такая разница въ возрастѣ не мѣшала имъ все болѣе сближаться съ Манонъ: Въ одномъ имѣли сходство между собою всѣ воспитанницы: всѣ онѣ съ большою охотою вызывали Манонъ на бесѣды и спрашивали ее о чемъ-либо, но далеко не всѣмъ удавалось склонить ее къ откровенности. Истинно откровенной она могла быть только съ настоящими своими подругами; другія же могли ее только угадывать и лишь немногимъ наиболѣе ловкимъ изъ нихъ удавалось иногда узнавать отъ

нея что-либо изъ ея завѣтныхъ, хотя и не слишкомъ поразительныхъ мыслей.

При вступленіи въ монастырь, было установлено родителями, что Манонъ пробудетъ въ немъ одинъ годъ, такъ какъ она сама этого хотѣла, полагая, что этого срока будетъ достаточно для принесенія ею покаянія и жертвы разлученной жизни съ своею матерью. Когда срокъ этотъ прошелъ и ей пришлось разставаться съ излюбленнымъ уединеніемъ, съ хорошими подругами и съ привязавшимися къ ней воспитательницами навсегда, то всѣ были очень огорчены и плакали. Ей клялись въ вѣчной дружбѣ, и Манонъ обѣщала часто навѣщать монастырь, чтобы имѣть тамъ свиданія съ дорогими ей лицами. Мадамъ Флипонъ, вслѣдствіе частыхъ дѣловыхъ отлучекъ мужа, должна была подолгу находиться въ мастерской и наблюдать за работами учениковъ, а потому и рѣшила на нѣкоторое время помѣстить свою дочь у матери господина Флипонъ. Манонъ согласилась на это, тѣмъ болѣе, что здѣсь она все-таки чаще могла видѣться съ матерью, нежели во время пребыванія въ монастырѣ. У этой бабушки проживала также одна тетка Манонъ, дѣвица Ротиссэ, которую она называла Анжеликой. Она страдала одышкой, была очень набожна, добра какъ ангелъ и невинна какъ дитя. Она держала себя у своей старшей сестры, бабушки Манонъ, какъ преданная служанка. Заботы о домашнемъ хозяйствѣ лежали исключительно на ней; два раза въ день къ нимъ приходила одна простая женщина для болѣе грубыхъ работъ, все же остальное выполняла сама Анжелика. Она даже съ особою почтительностью помогала своей сестрѣ одѣваться. Въ то же время она приняла на себя обязанности бонны для Манонъ, раздѣливъ такимъ образомъ участіе бабушки Флипонъ въ ея воспитаніи. Данное въ монастырѣ обѣщаніе было исполняемо такъ часто, какъ только оказывалось возможнымъ Манонъ направляться туда въ сопровожденіи своей тетки

Анжелики. Но болѣе продолжительныя свиданія съ сестрами Каннэ затруднялись отчасти вмѣшательствомъ другихъ подругъ, которыя появлялись въ пріемной комнатѣ, чтобы повидаться съ Манонъ. Дѣвицы порѣшили установить между собою переписку обо всемъ, чего нельзя было передать другъ другу вслѣдствіе присутствія въ комнатѣ другихъ. Эта мысль была приведена въ исполненіе и послѣдствіемъ ея было то, что до сего времени сохранились два тома очень интересныхъ и замѣчательныхъ писемъ мадамъ Роланъ къ сестрамъ Каннэ.

Двѣнадцатый годъ своего рожденія Манонъ провела у бабушки. Царившій въ этомъ домѣ покой и набожность тетки Анжелики вполнѣ соотвѣтствовали ея чувствительному сосредоточенному душевному настроенію. Каждое утро она ходила съ теткой Анжеликой въ церковь къ обѣднѣ. Въ ней все время таилось сокровенное желаніе посвятить себя монастырской жизни, навѣянное ей жизнеописаніемъ одного изъ самыхъ добродѣтельныхъ святыхъ рая, Франсуа де Саля. Но такъ какъ она была единственнымъ ребенкомъ у своихъ родителей, и думала, что они едва ли дадутъ ей на это свое согласіе, то рѣшила выполненіе своего завѣтнаго желанія отложить до наступленія совершеннолѣтія.

Наконецъ, Манонъ могла опять водвориться въ домѣ своей матери, такъ какъ отецъ сталъ рѣже отлучаться. Но и отсюда она не перестала также усердно посѣщать церковь, каждое утро отправляясь къ обѣднѣ вмѣстѣ съ матерью. Послѣ этого, день посвящался другимъ занятіямъ и одинъ учитель приходилъ вслѣдъ за другимъ. Пообѣдавъ, она удалялась въ свою комнату, гдѣ проводила время въ чтеніи, писаніи и размышленіяхъ. Длинные вечера посвящались рукодѣліямъ, при чемъ мадамъ Флипонъ всегда читала что-нибудь вслухъ. Изъ всего того, что передъ ней прочитывалось, въ особенности же изъ того, что она сама читала, Манонъ

дѣлала выписки, выбирая тѣ мѣста, которыя болѣе всего ей нравились. Однако, при всемъ ея усердіи къ ученію и страсти къ самообразованію, она поступала безъ всякой системы; она стремилась къ цѣли накопленія знаній, увлекаемая природной дѣятельностью своего ума и своими склонностями, полагая въ полномъ развитіи своихъ способностей найти счастье, и ей казалось, что она его непременно обрѣтетъ путемъ постояннаго и упорнаго труда.

Послѣ долгаго размышленія, при изученіи установленій католической религіи, она никакъ не могла допустить понятія о вѣчномъ проклятіи и о догматѣ непогрѣшимости и, въ концѣ-концовъ, то и другое отвергла. Но, что же было истиной? Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ это было предметомъ ея усиленныхъ изысканій, производившихся съ такою ревностью и душевнымъ волненіемъ, которыя не поддаются описанію, тѣмъ болѣе, что самымъ любимымъ чтеніемъ ея тогда были преимущественно критическія, философскія, нравственныя и метафизическія сочиненія.

Незамѣтно проходило время, какъ вдругъ Манонъ вступила въ возрастъ совершеннолѣтія, когда удовольствіе правиться занимаетъ большое мѣсто въ мысляхъ.

Въ той части ея мемуаровъ, гдѣ она говоритъ объ этомъ, она такъ изображаетъ свою внѣшность: „Мое лицо, кромѣ юной свѣжести и большой нѣжности въ его чертахъ, не представляло ничего особеннаго; если разсматривать каждую черту въ отдѣльности, то можно задать вопросъ, въ чемъ же собственно заключается красота: нѣтъ ни одной черты правильной, сочетаніе же ихъ можетъ нравиться. Хотя мой ротъ и нѣсколько великъ, наблюдаются тысячи болѣе красивыхъ, но ни одинъ изъ нихъ не отражаетъ такой нѣжной и обольстительной улыбки. Глаза, напротивъ, не очень большіе и имѣютъ сѣровато-голубой цвѣтъ. Они выдаются нѣсколько впередъ и смотрятъ ясно, свободно, весело и

привѣтливо; брови темнорусыя, по цвѣту схожія съ цвѣтомъ волосъ, и хорошо обрисованы. Глаза мѣняются въ своемъ выраженіи, какъ и полная любви душа, волненія которой они отражаютъ; они иногда удивляютъ своимъ строгимъ и гордымъ взглядомъ, но послѣдній гораздо чаще бываетъ живымъ и ласковымъ. Носъ принадлежитъ мнѣ нѣкоторое огорченіе, я нахожу его слишкомъ заостреннымъ; но, если разсматривать всѣ черты лица вмѣстѣ, и, въ особенности, въ профиль, то онъ не портитъ остального. Широкій, открытый лобъ, сильно дугообразныя глазныя впадины, между которыми отчетливо выступаютъ очертанія жилъ, легко наполняющихся кровью при самомъ незначительномъ возбужденіи; это придаетъ ему больше выразительности, нежели у многихъ другихъ. Подбородокъ выдается кверху, кожа не столько бѣла, сколько нѣжна и мягка. Красивая, хорошо округленная рука, съ небольшою, но пухлою кистью, здоровые, хорошо содержимые, зубы, пышный станъ, вотъ тѣ сокровища, которыми надѣлила меня мать природа“.

Далѣе мадамъ Роланъ говоритъ, что съ нею часто писали портреты, но что ни одинъ изъ нихъ не дасть настоящаго понятія о ея личности, которую трудно изобразить, такъ какъ въ ней замѣтно болѣе душевныхъ качествъ, нежели красота лица, и больше выразительности, нежели самихъ чертъ. Ея черты оживлялись въ соотвѣтствіи съ возбуждаемымъ ею къ чему-либо интересомъ и въ связи съ настроеніемъ, которое на нее находило. Такъ, передъ глупцами она чувствовала себя удрученной, и наоборотъ, старалась проявлять свой умъ передъ людьми развитыми; но такія движенія души приписывала болѣе вліянію этихъ людей. Не всѣмъ, однако, удавалось оцѣнить ее и понимать ея способности. Она сама говоритъ, что нѣкоторые знали ее болѣе десяти лѣтъ, но не представляли себѣ, что ея познанія простирались далѣе правила сложенія или умѣнья

сшить рубашку. Передъ нѣкоторыми она была молчалива, холодна, даже иногда дерзка. Ухаживателей она не выносила, такъ какъ ненавидѣла ни любезностей, ни низкопоклонства, очень навязчивыхъ она ловко конфузила.

Она прежде всего искала вниманія и расположенія, не придавая большого значенія вѣншнему обольщенію; она стремилась быть понятой и любимой, и это удавалось ей у всѣхъ, кто въ своемъ сердцѣ питалъ истинное чувство.

На изученіе философіи, на которую смотрѣла какъ на познаніе нравовъ и основаній для высшаго блага, она затрачивала все свое усердіе и время. Изъ древнихъ философовъ она отдавала предпочтеніе стоикамъ: она пробовала подражать имъ въ развитіи положенія, что болѣзнь не есть зло, и она упорно трудилась надъ тѣмъ, чтобы никогда ей не поддаваться. И попытки ея убѣдили ее въ томъ, что она въ состояніи переносить большія страданія безъ стоновъ.

Довольно продолжительное время она съ живымъ интересомъ занималась также физикой и высшей математикой; но эти науки не могли долго плѣнять ее и вскорѣ она снова вернулась къ литературѣ.

Лѣтомъ, каждое воскресенье посвящалось прогулкамъ въ привлекательныя окрестности. Совершенно особенно полюбился ей Медонъ; тамъ имѣлись дико растущіе лѣса, уединенные пруды, сосновыя аллеи, старыя исполинскія деревья. Объ этомъ простомъ покоѣ на лонѣ природы она всегда вспоминала съ глубокимъ чувствомъ. Послѣ скромнаго обѣда, которымъ семья всегда пользовалась во время этихъ прогулокъ въ небольшомъ лѣсномъ ресторанчикѣ, Манонъ шла отыскивать уединенную лѣсную прогалинку для отдохновенія и не рѣшалась смыкать глаза, любясь и наслаждаясь окружающимъ ее великолѣпіемъ, и предавалась грезамъ наяву, или открывала захваченную съ собою книгу ка-

кого-либо изъ своихъ любимыхъ авторовъ и погружалась въ міръ такихъ представленій: „Восхитительный Медонъ, какъ часто въ тѣни твоей я вдыхала ароматный воздухъ, прославляя Творца моего земного существованія, и, съ полнымъ очарованіемъ, тихо мечтала о наступленіи того дня, когда золотой лучъ надежды освѣтитъ неизвѣстность моей будущности. Какъ любила я отдыхать подъ твоими высокими деревьями! Пока отдыхали мои родители, я созерцала величіе твоихъ молчаливыхъ лѣсовъ, наслаждалась природой и преклонялась передъ Провидѣніемъ, благодѣянія котораго я такъ сильно чувствовала. Огонь ощущеній окрашивалъ мои влажныя щеки и прелести земного рая казались мнѣ заключенными въ этомъ деревенскомъ уголкѣ. Описаніе моихъ прогулокъ и того счастья, которое онѣ заставляли меня испытывать, составляетъ часть переписки съ моей подругой Софіей Каннэ, въ прозѣ и стихахъ, навѣянныхъ счастливымъ, невиннымъ дѣтствомъ и на всю жизнь сохранившихъ всю свою прелесть. Софія находилась въ такой обстановкѣ, которая не доставляла удовольствій, испытанныхъ мною въ моемъ уединеніи. Лишь только я познакомилась съ членами ея семьи, какъ вполне оцѣнила значеніе моихъ условій жизни“.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что наше положеніе сильно вліяетъ на нашъ характеръ и на образъ нашихъ мыслей; но, можно сказать, что выпавшее на мою долю воспитаніе и пріобрѣтенныя мною идеи посредствомъ наукъ и споженій съ людьми соединились для внушенія мнѣ республиканскаго духа, заставляя меня осуждать все смѣшное и чувствовать всю несправедливость привилегій и сословныхъ различій въ положеніи массъ людей. Если я читала объ этомъ, то мое особенное расположеніе привлекали поборники уничтоженія неравенства. Когда мнѣ случалось присутствовать при вѣздахъ королевы или принцевъ, или при поздравленіяхъ съ благополучнымъ разрѣшеніемъ королевы отъ бремени, то

я сильно страдала отъ этихъ азіатскихъ церемоній, отъ этого безстыднаго торжества на ряду съ бѣдствіемъ и униженіемъ привлекаемаго такими событіями народа, изнуряющаго себя и спѣшащаго собраться для созерцанія созданныхъ его же руками кумировъ, и для рукоплесканія блестящей пышности, расходы на которую производитъ онъ же, принося ей въ жертву собственную свою нужду!“

Испорченные нравы, главнымъ виновникомъ которыхъ являлся королевскій дворъ, наполняли негодованіемъ ея сердце. Въ то время не существовало еще ни малѣйшаго признака революціи и она просто задавалась неоднократно вопросами о томъ, какъ это можно, чтобы уживались такія странныя противоположности. Изъ исторіи она знала, что государства, доходившія до такого состоянія испорченности, приходили въ упадокъ и разпадались. Но теперь ей приходится слышать, какъ французы сами же смѣются и издѣваются надъ собственными страданіями! Недаромъ англичане считали французовъ наивными дѣтьми, и они были правы.

Мадамъ Флипонъ сознавала необходимость развитія умственныхъ способностей своей дочери и не препятствовала ей въ ея стремленіи къ наукамъ. Только два предмета, исторія и философія, почти исключительно возбуждали въ ней интересъ. Даже ослабленіе религіозности, проистекающее отъ изученія ихъ, не служило для мадамъ Флипонъ поводомъ мѣшать дочери заниматься ими. Ей легче было переносить возникавшія въ умѣ дочери сомнѣнія, нежели видѣть ее страдающей физически, и она говорила: „какой напрасный трудъ отвлекать ее отъ ея судьбы!“ Ко времени достиженія совершеннолѣтія, опредѣлившаго физическое и нравственное развитіе молодой дѣвушки, за ней начала увиваться толпа поклонниковъ, подобная пчелиному рою, жужжащему вокругъ распустившагося цвѣтка розы. Манонъ была очень нравственна и вела весьма

скромный образъ жизни; несмотря на это, она не чувствовала недостатка въ женихахъ. Затруднительность доступа въ ея домъ не смущала ихъ; они старались обходить его путемъ письменныхъ посланій и ея отецъ всѣ письма такого рода аккуратно передавалъ ей. Она отвѣчала на всѣ письма отказомъ, давая переписывать ихъ отцу, что тотъ и исполнялъ весьма тщательно. Предложенія были отклоняемы съ полнымъ достоинствомъ, безнадежно, но и безъ оскорбленія. Такимъ путемъ отклонены были предложенія всѣхъ молодыхъ людей предмѣстья, въ которомъ она жила. Это нравилось и ея отцу, который придавалъ значеніе только богатству; всѣ тѣ, которые не имѣли обеспеченнаго положенія, или не владѣли прочно установившимися торговыми домами, не пользовались его одобреніемъ. Но, вотъ, появился одинъ такой, соотвѣтствующій его видамъ, человекъ и онъ опасался, какъ-бы и ему не отказала его дочь.

Съ этого времени все болѣе начали обостряться отношенія между нею и ея отцомъ. Онъ любилъ и уважалъ торговую дѣятельность, такъ какъ видѣлъ въ ней источникъ богатства; она же, напротивъ, презирала ее, такъ какъ, въ ея глазахъ, это было только источникомъ жадности и обмана. Ея отецъ никакъ не могъ понять, почему, на примѣръ, изящный ювелиръ, соприкасающийся только съ драгоценными предметами, имѣвшій старинный, благоустроенный торговый домъ и которому предстояла блестящая будущность, не удовлетворялъ видамъ его дочери и даже не нравился ей.

Воспитавшись въ строго нравственномъ духѣ и проникнутая великими примѣрами древности, стоило ли ей стремиться къ постиженію героевъ Плутарха для того, чтобы сочетаться съ какимъ-то купцомъ, который не сталъ бы разсуждать или чувствовать такъ какъ она?

Мадамъ Флипонъ, какъ предусмотрительная мать,

желала, чтобы она въ одинаковой степени познала и кухню и гостиную, умѣла бы ходить на рынокъ, такъ же какъ и на прогулку, а потому и брала ее съ собой, или же предоставляла ей самой заботиться о необходимомъ. Случались при этомъ и комическіе эпизоды. Такъ, одинъ мясникъ, имѣвшій около 50000 франковъ капитала и рассчитывавшій еще значительно увеличить его, овдовѣлъ. Манонъ объ этомъ ничего не знала, но стала замѣчать, что въ его лавкѣ ей особенно служивали, и очень удивлялась, что этотъ господинъ постоянно встрѣчался ей, во время ея воскресныхъ прогулокъ, въ изящныхъ костюмахъ и отвѣшивалъ ей почтительные поклоны. Такъ продолжалось все лѣто. Когда однажды Манонъ захворала, мясникъ предупредительно посылалъ каждое утро узнавать о состояніи ея здоровья и о нѣкоторыхъ ея желаніяхъ, которыя могли касаться его услугъ. Это участіе замѣчено было и ея отцомъ, которому оно доставило недурной поводъ къ шуткамъ и нѣкоторому развлеченію, пресерьезно увѣряя дочь, что онъ далекъ отъ мысли принуждать ея чувства. Онъ говорилъ, что мясникъ дѣлаетъ ей предложеніе, и что онъ хочетъ только узнать ея рѣшеніе. Тогда она впадала въ тотъ же тонъ и увѣряла его, что въ своемъ настоящемъ положеніи чувствуетъ себя очень хорошо, не желаетъ измѣнять его еще много лѣтъ, но дальнѣйшіе шаги въ подобныхъ дѣлахъ представляетъ ему.

Тогда, въ очень вѣжливой формѣ, отецъ далъ ей понять, что она слишкомъ разборчива; какого-же, въ сущности, мужа она ожидаетъ и чего требуетъ? На это Манонъ ему возразила, что онъ же самъ поощрялъ развитіе ея умственныхъ способностей, и не хочетъ ли теперь, чтобы она забросила свое образованіе? Хотя она еще и не обдумала, какого мужа она себя избереетъ, но знала только то, что возьметъ непременно такого, съ которымъ она могла бы обмѣниваться своими

мыслями и съ которымъ она бы дѣлила свои чувства. Отецъ говорилъ, что и купцы получаютъ воспитаніе и образованіе. Манонъ этого не оспаривала, но находила, что они не отвѣчаютъ ея видамъ. Ихъ воспитаніе ограничивается вѣжливымъ обхожденіемъ и поклонами, всѣ же познанія ихъ касаются только денежныхъ оборотовъ. При такихъ условіяхъ она не можетъ найти человѣка по своему вкусу. Ей не нравилось также, что богатство купцовъ пріобрѣтается путемъ барышничества, т.-е. продажею дорогою цѣною предметовъ, достоящихся имъ дешево, и нерѣдко съ обманомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что они сильно притѣсняютъ своихъ бѣдныхъ работниковъ. Сама бы она никогда не могла предаться подобной дѣятельности, или быть въ состояніи уважать того, кто только этимъ и занятъ съ утра до вечера.

Манонъ находила весьма забавнымъ сочинять письма съ отказами и ей нравилось наблюдать, съ какою тщательностью переписывалъ ихъ отецъ. Она вела съ нимъ нѣкоторую игру, обсуждая общіе интересы съ такою важностью, какую заслуживало дѣло, какъ въ отношеніи ея лично, такъ и въ отношеніи поддержанія отцовскаго благоразумія.

Дѣлали предложенія также многіе писатели и ученые, но никто изъ нихъ не имѣлъ счастья понравиться Манонъ. Одинъ изъ ея учителей влюбился въ нее, но ему немедленно же было отказано, какъ только это замѣтили ея родители.

Съ нѣкоторыхъ поръ мадамъ Флипонъ стала прихварывать. Съ ней приключился даже легкій ударъ, но она не хотѣла называть свою болѣзнь иначе какъ ревматизмомъ, чтобы ея дочь не слишкомъ беспокоилась. Она сдѣлалась очень серьезной и неразговорчивой, съ каждымъ днемъ замѣтно ослабѣвали ея силы и она старалась удалять отъ себя всѣхъ, кто мѣшалъ ей сосредоточиться въ самой себѣ. Но съ Манонъ она чаще

стала говорить о замужествѣ, выражая сожалѣніе, что та до сихъ поръ еще не остановила ни на комъ изъ дѣлавшихъ ей предложеніе своего вниманія. Однажды она начала убѣждать ее принять предложеніе нѣкогого почтеннаго человѣка, торговца ювелирными издѣліями, восхваляла его высокую честность, его богатство и безукоризненное воспитаніе, увѣряя, что онъ хорошо понялъ Манонъ, цѣнитъ ея необыкновенныя способности и почелъ бы для себя счастьемъ подчиниться ея вліянію. Супружество во всякомъ случаѣ лучше, еслибъ оно даже и не вполнѣ отвѣчало исканіямъ дочери, нежели скучный жребій старой дѣвы! Она ссылалась на возможность своей скорой смерти и сокрушалась о томъ, что могло предстоять Манонъ, когда она останется вдвоемъ съ отцомъ; онъ еще молодъ, и она не можетъ безъ опасенія предвидѣть, какія заботы тогда выпадутъ на ея долю. Какъ бы она была спокойна, еслибъ ея дочь, прежде чѣмъ ей предстоитъ покинуть этотъ свѣтъ, согласилась бы выйти замужъ за уважаемаго человѣка!

Такія разсужденія матери заставили Манонъ содрогнуться; ей казалось, что мать пророчески вскрываетъ завѣсу того мрачнаго будущаго, мысль о которомъ еще ни разу не приходила ей въ голову. Она никогда не представляла себѣ, что можетъ потерять свою мать. Одно напоминаніе объ этой потерѣ, о которой она говорила такъ, какъ будто она была уже очень близка къ этому, наполнило ее страхомъ; дрожь пробѣжала по ея тѣлу и она, со слезами на глазахъ, посмотрѣла на мать такимъ тревожнымъ взглядомъ, что та улыбнулась и сказала:

— Какъ, ты уже безпокоишься? Развѣ нельзя говорить о возможности того, что неизбежно должно когда-нибудь случиться? Я вѣдь не очень еще больна, хотя и нахожусь въ такомъ переходномъ состояніи, когда необходимо считаться со всякими случайностями. Это

только подходящій поводъ къ тому, чтобы серьезно предостеречь тебя отъ нихъ. Хорошій и достойный человекъ интересуется тобой. Тебѣ теперь болѣе двадцати лѣтъ, и съ этихъ поръ ты уже не можешь рассчитывать на столько ухаживателей, какъ въ предшествовавшія пять лѣтъ. Я могу умереть... не отказывай жениху..., который, правда, не обладаетъ всѣми искомыми тобою достоинствами, а они, вообще, весьма рѣдки, даже у тѣхъ, у которыхъ можно вполнѣ предполагать ихъ, но онъ будетъ любить тебя и ты будешь съ нимъ счастлива!

— Да, мама, такое счастье, какъ твое!—возразила Манонъ съ глубокимъ вздохомъ.

Мадамъ Флипонъ смутилась и замолчала. Съ этихъ поръ она уже никогда болѣе не говорила съ дочерью о бракѣ и не пробовала побуждать ее принять какое либо рѣшеніе. Вышеприведенный отвѣтъ Манонъ матери вполнѣ ясно показалъ, какъ правильно она опредѣлила взаимныя отношенія своихъ родителей и, въ то же время, выразила свои чувства къ мужчинамъ, вообще. Посторонніе видѣли, конечно, съ перваго же взгляда разницу между матерью и отцомъ; но никто не могъ оцѣнить превосходство первой такъ, какъ Манонъ. Молодая дѣвушка не могла, конечно, даже приблизительно, судить о томъ, что испытывала бѣдная женщина въ своемъ бракѣ, такъ какъ съ ранняго дѣтства привыкла видѣть въ домѣ царившимъ глубокой миръ, но не догадывалась, насколько тяжело было матери поддерживать его. Отецъ всегда былъ внимателенъ къ женѣ и очень любилъ свою дочь. На лицѣ мадамъ Флипонъ никогда не замѣчали и тѣни укоризны или неудовольствія; если она иногда и не соглашалась съ мнѣніемъ мужа, хотя и не могла его измѣнить, то представляли себѣ, что она безъ всякаго затрудненія покорялась ему. Въ послѣдніе же годы, когда отецъ сталъ раздражительнѣе, въ споры вмѣшивалась Манонъ, на-

чинавшая пріобрѣтать надъ нимъ нѣкоторое вліяніе, и онъ охотнѣе подчинялся ей, нежели женѣ. Въ присутствіи Манонъ онъ не осмѣливался придирается къ ней. Манонъ съ большимъ тактомъ умѣла обходить молчаніемъ непріятности, вызывавшіяся случаями отлучекъ отца изъ дома, и дѣлала видъ, что забывала о нихъ. Во время его отлучекъ, она умѣла защищать его передъ другими, какъ супруга своей матери; а такъ какъ это былъ ея отецъ, то посторонніе умолкали, если находили, что защиты онъ не особенно заслуживаетъ.

Съ нѣкотораго времени Манонъ стала замѣчать, что отецъ все болѣе и болѣе утрачивалъ охоту къ работѣ и чаще отлучался. Въ немъ начинала развиваться страсть къ игрѣ подъ впечатлѣніемъ усилившагося въ немъ желанія разбогатѣть; использованіемъ своего искусства достигъ этого ему не удавалось и онъ возложилъ надежды на благопріятный случай въ игрѣ. Дѣло дошло до того, что онъ упустилъ почти всѣхъ своихъ кліентовъ и его предпріятіе пришло въ упадокъ. Мадамъ Флипонъ очень задумывалась надъ этимъ и все чаще высказывала дочери свои опасенія; но послѣдняя старалась успокоивать ее и въ то же время подыскивала способы, какъ бы отвлечь надвигающуюся опасность. Она старалась во всемъ угождать матери. Такъ какъ мадамъ Флипонъ уже рѣдко и неохотно выходила, то Манонъ рѣшилась сопровождать отца, что очень радовало и успокоивало больную. Но, господинъ Флипонъ скоро пересталъ этимъ довольствоваться и, погулявъ съ дочерью и проводивъ ее домой, вновь отлучался. „На одну минутку“, какъ говорилъ онъ; однако, возвращался неранѣе полуночи. Тогда мать и дочь вмѣстѣ плакали. Иногда, при его возвращеніи, Манонъ упрекала его, но онъ не обращалъ на это вниманія или отшучивался; или же, иногда, ни слова не отвѣчая, немедленно же уходилъ опять. Такимъ образомъ, постепенно исчезало домашнее счастье въ этой

семь, по наружный видъ спокойствія ничѣмъ не нарушался, и чужой равнодушный взглядъ не могъ бы замѣтить перемѣны, которая ощущалась со дня на день все болѣе и болѣе.

Мать быстро приближалась къ своей кончинѣ; тѣмъ не менѣе, ея нѣжная, заботливая дочь не предугадывала скорого наступленія этого жестокаго удара.

Однажды, томимая какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ, Манонъ вдругъ прервала свою прогулку и заторопилась скорѣе возвратиться домой, несмотря на то, что, при ея уходѣ, она оставляла мать, какъ казалось, сравнительно хорошо себя чувствовавшей. Приближаясь къ дому, навстрѣчу ей попалась сосѣдняя дѣвушка и закричала:

— Ахъ, мадемуазель! ваша мать почувствовала себя очень нехорошо!

Въ страшномъ испугѣ, издавъ какой-то звукъ, она быстро вбѣжала въ домъ.

Она нашла мать сидящею въ креслѣ съ опущенной головой и повисшими руками; глаза не имѣли выраженія, ротъ полуоткрытъ. Лишь только мадамъ Флипонъ увидѣла дочь, какъ лицо ея нѣсколько оживилось и она хотѣла заговорить, но могла только съ трудомъ пробормотать нѣсколько словъ, изъ которыхъ едва можно было понять, что она ожидала Манонъ съ нетерпѣніемъ. Съ усиліемъ подняла она одну руку и вытерла слезы съ лица дочери, погладила ее, какъ бы желая успокоить, и опять попробовала заговорить, но напрасно. Ударъ обезсилилъ ее. Манонъ послала за докторомъ, сама сбѣгала въ аптеку, дѣлала различныя распоряженія, но тотчасъ же сама и приводила ихъ въ исполненіе; однимъ словомъ, она выказала такую расторопность, что казалось, какъ будто она вовсе и не отходила отъ постели больной и въ то же время дѣлала все необходимое въ такихъ случаяхъ. Въ 10 часовъ ночи мадамъ Флипонъ почувствовала себя уже настолько дурно, что

пригласили священника для совершенія таинства миропомазанія. Манонъ стояла у кровати и держала подсвѣчникъ, не сводя глазъ съ своей возлюбленной, умирающей матери; она была поглощена только одной мыслью и, наконецъ, силы ея не выдержали. Подсвѣчникъ выпалъ изъ ея рукъ и она безъ чувствъ упала на полъ.

Когда Манонъ пришла въ себя, то увидѣла, что находитесь въ другой комнатѣ, окруженная разными лицами. Нѣсколько времени спустя, въ комнату вошелъ отецъ, блѣдный и безмолвный, и на тихо заданный ему вопросъ, могъ только отвѣтить движеніемъ головы, что у всѣхъ вызвало глубокий вздохъ. Манонъ незамѣтно выбѣжала изъ комнаты и поспѣшила къ матери, но ея уже не стало!.. Она не хотѣла вѣрить дѣйствительности, взяла руку матери, подняла ея рѣсницы и опять опустила ихъ, такъ какъ скрытые подъ ними глаза уже никогда не будутъ смотрѣть; но этому она не хотѣла вѣрить!

Манонъ охватилъ ужасъ; ее душили рыданія и она думала, что задохнется; это были даже не рыданія, а какое то хрипѣніе, столь громкое, что его можно было слышать даже на улицѣ. Прошла цѣлая недѣля, но Манонъ не въ состояніи была во все это время пролить ни одной слезы.

Отецъ, въ траурной одеждѣ, подошелъ къ ея постели и принялся по-своему утѣшать ее. Конечно,—говорилъ онъ,—утрата ничѣмъ вознаграждаема, но судьба все-таки распорядилась милостиво, отозвавъ мать, воспитательное дѣло которой закончено, и оставивъ ей отца, который будетъ болѣе полезнымъ для ея счастья. Такимъ страннымъ, сухимъ утѣшеніемъ, совершенно несоотвѣтствовавшимъ ея душевному настроенію, Манонъ была страшно поражена. Въ первый разъ постигла она все то, что отдаляло ее отъ отца; ей казалось, что онъ нарочно вскрылъ тотъ покровъ почтенія, подъ ко-

торымъ она его наблюдала. Въ этотъ моментъ она сразу почувствовала себя совершенно осиротѣвшей; ея матери не стало и она видѣла, что отецъ никогда не пойметъ ее. Новое горе залегло на ея сердце и ею вновь овладѣло состояніе жестокаго сомнѣнія. Только благодаря добротѣ и усиленнымъ попеченіямъ близкихъ родственниковъ, Манонъ была избавлена отъ неминуемой смерти. Объ этомъ она сама говоритъ такъ: „Ахъ, еслибъ могъ наступить тогда конецъ моему существованію! это было мое первое горе, за которымъ послѣдовало уже сколько другихъ испытаній!“

Съ этого времени заканчивается мирная, свѣтлая эпоха счастливыхъ годовъ благоденствія, нѣги и любимыхъ наукъ, подобная прекрасному весеннему утру, когда ясное небо, чистота воздуха, нарожденіе молодой листвы, благоуханіе растений, все что живетъ и дышетъ, развивается, приводитъ въ восторгъ и сулитъ безконечное счастье.

Когда Манонъ уже значительно оправилась, къ ней начали допускать знакомыхъ, чтобы снова поставить ее въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ. Казалось, что онъ вовсе пересталъ существовать для нея; она не обращала никакого вниманія на происходившее вокругъ, не отвѣчала на вопросы, или отвѣчала только на собственные мысли, хотя какъ будто зарождавшіяся и не въ ея головѣ, и ее можно было принять за душевнобольную. Образъ ея возлюбленной матери неотступно виталъ передъ ея возбужденнымъ взоромъ и вызывалъ въ ея памяти ужасную утрату. Она часто отчаянно вскрикивала, ея растопыренные руки костенѣли и мутился разумъ.

Но, наконецъ, здоровье ея совершенно возстановилось. Ей исполнился уже двадцать-одинъ годъ, какъ въ первый разъ въ ея руки попалъ томъ сочиненій Руссо. Она увлеклась ими съ такимъ восторгомъ, что казалось, какъ-будто они именно и были ея настоящей

духовной пищей. Во время своей болѣзни она находилась въ домѣ своихъ добрыхъ родственниковъ; по выздоровленіи же ей пришлось возвратиться къ отцу. Сердце ея болѣзненно сжалось при видѣ наполовину опустѣвшаго жилища. Во избѣжаніе опаснаго вліянія на состояніе ея духа, сочли умѣстнымъ удалить со стѣны портретъ ея матери; но она потребовала возвратить его на прежнее мѣсто. Теперь заботы о домашнемъ хозяйствѣ всецѣло легли на нее, но она ими нисколько не тяготилась.

Наиболѣе важнымъ обстоятельствомъ въ ея жизни теперь были заботы о ея личномъ будущемъ. Она хотѣла быть сама кузнецомъ своего счастья и не любила, когда другіе вмѣшивались въ ея частныя дѣла. Первое время своего вдовства господинъ Флипонъ проявлялъ стремленіе удерживаться дома; но это вскорѣ же ему наскучило. Манонъ пробовала бесѣдовать съ нимъ, но мысли ихъ мало имѣли между собою общаго; кромѣ того, онъ избѣгалъ съ нею разговоры о такихъ предметахъ, по поводу которыхъ могъ встрѣтить серьезные возраженія дочери. Онъ зналъ, что его дочь ненавидѣла игру въ карты, и если иногда и играла съ нимъ, то только изъ желанія ему угодить. При такихъ условіяхъ, конечно, господинъ Флипонъ, имѣвшій сильное пристрастіе къ карточной игрѣ, не могъ безъ скуки предаваться ей съ дочерью; общество же, въ которомъ онъ вращался, казалось ему не достаточно для нея личнымъ.

Мать всегда предпочитала одиночество и объ этомъ Манонъ писала слѣдующее: „Въ бракѣ, въ которомъ супруги не подходятъ другъ къ другу, не можетъ быть соблюдаема добродѣтель согласія и мира; зато недостатокъ въ счастіи рано или поздно усиливается и приводитъ къ болѣе или менѣе полному разочарованію. Прочность такихъ связей походитъ на нашу государственную политическую систему, которой недостаетъ

твердости, и, въ одинъ прекрасный день, она должна обрушиться, несмотря на примѣненіе искусства въ ея созиданіи“.

Такъ и въ сожителствѣ родителей Манонъ все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока жена была молода и господинъ Флипонъ имѣлъ достаточно работы и находилъ утѣхи въ своемъ домѣ, что его вполне удовлетворяло. Но она была на цѣлый годъ старше его и рано начала прихварывать; самъ онъ, увлекаемый разными идеями и посторонними дѣлами, сталъ равнодушнѣ относиться къ настоящему своему призванію. Вскорѣ же по истеченіи годового траура онъ обзавелся любовницей, чтобы не дать своей дочери мачехи, и опять началъ вести игру, рассчитывая этимъ поправить свои разстроенныя дѣла. Но выходило такъ, что они еще болѣе приходили въ упадокъ. Манонъ видѣла, какъ въ рукахъ ея отца исчезало оставленное ей въ наслѣдство достояніе матери, но считала неприличнымъ дѣлать ему изъ-за этого упреки, молчала и избѣгала всякихъ столкновеній съ нимъ.

Итакъ, она была предоставлена самой себѣ, погруженная въ мелочи домашняго хозяйства и въ свои любимыя науки; но и отъ этихъ занятій ей приходилось постоянно отрываться, чтобы, въ отсутствіе отца, объясняться съ посѣтителями по его дѣламъ.

Научными занятіями она очень дорожила еще и потому, что въ нихъ находила единственное утѣшеніе. Оставаясь постоянно одинокой, часто грустно настроенная, она почувствовала потребность писать. Она любила отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, и ея перо отлично помогало ей въ этомъ. Такихъ записокъ у ней накопилось довольно много и она дала имъ одно общее заглавіе: «Труды досуга и различныя впечатлѣнія». Но изъ этого не вытекало для нея никакого желанія сдѣлаться писательницей; она находила, что женщина, приобрѣвшая такое званіе, скорѣе теряла, нежели

выигрывала. Мужчины не любятъ такихъ женщинъ, собственный ихъ полъ подвергаетъ ихъ критикѣ. Если работы ея плохи, то надъ нею смѣются, какъ это и быть должно; если, наоборотъ, онѣ оказываются хорошими, то ихъ у нея оспариваютъ.

Одинъ ея знакомый, Сентъ-Леттъ, съ которымъ она охотно вела бесѣды, такъ какъ онъ много путешествовалъ, много видѣлъ и умѣлъ хорошо рассказывать, однажды сказалъ ей:

— Мадемуазель, вы можете отнѣкиваться сколько вамъ угодно, но вы непременно издадите ваши сочиненія!

— Тогда они выйдутъ подъ чужимъ именемъ, отвѣтила Манонъ,—такъ какъ я лучше откушу себѣ пальцы, нежели сдѣлаюсь писательницей.

Въ декабрѣ 1775 года, когда Манонъ все еще не снимала траура по своей покойной матери, и находилась въ томъ грустномъ настроеніи, которое слѣдуетъ за страшнымъ горемъ, ей представился нѣкій господинъ и вручилъ рекомендательное письмо отъ Софін Каннэ; кто бы ни былъ являющійся при такихъ условіяхъ, могъ быть увѣренъ въ самомъ любезномъ пріемѣ. Подруга писала: „Податель настоящаго письма, философъ господинъ Роланъ де-ля-Платьеръ, о которомъ я часто говорила тебѣ. Это очень просвѣщенный и высоконравственный человѣкъ, которого можно упрекнуть развѣ только въ его излишнемъ пристрастіи къ древнимъ въ ущербъ современникамъ, которыхъ онъ не цѣнитъ, и, кромѣ того, за нѣкоторую слабость охотно говорить о себѣ“.

Манонъ нашла, что такое изображеніе было слишкомъ поверхностнымъ, но въ общихъ чертахъ выведено удачно и вѣрно. Господину Ролану въ то время было уже за сорокъ лѣтъ, онъ былъ высокаго роста, до нѣкоторой степени пренебрегалъ своей внѣшностью, не отличался особенной подвижностью, какъ человѣкъ, серьезно преданный наукамъ. Его обращенія были про-

сты и непринужденны, не обнаруживали свѣтскаго лоска; они были простою вѣжливостью благовоспитаннаго чело-вѣка въ связи со сдержанностью настоящаго философа. Онъ былъ худощавъ, имѣлъ смуглый цвѣтъ лица; его лобъ, благодаря недостатку волосъ казавшійся нѣсколько высокимъ, не вредилъ общимъ правильнымъ чертамъ его лица, но придавалъ ему видъ болѣе почтенный, нежели привлекательный. Тонкая улыбка и живое выра-женіе глазъ обращали на себя особенное вниманіе. Его разговоръ былъ дѣловитъ, голова полна идеями и была занята обдумываніемъ услышаннаго настолько, насколько оно того заслуживало. Въ теченіе года Манонъ нѣ-сколько разъ видѣлась съ Роланомъ. Онъ приходилъ къ ней не часто, зато каждый разъ охотно засижи-вался; онъ совершалъ свои посѣщенія не исключительно для бесѣдъ, но какъ чело-вѣкъ, котораго тянетъ болѣе туда, гдѣ онъ пріятно себя чувствуетъ. Его поучитель-ныя и откровенныя рѣчи не надоѣдали молодой дѣ-вушкѣ, а ему нравилось имѣть умную слушательницу. Она имѣла способность вдумываться, что, какъ это не-рѣдко бываетъ, не всегда встрѣчается, въ особенности у женщинъ. Когда господинъ Роланъ познакомился съ Манонъ, онъ только-что пріѣхалъ изъ Германіи; годъ спустя, онъ готовился къ продолжительной научной поѣздкѣ въ Италію. Передъ своимъ отъѣздомъ туда, онъ передалъ Манонъ объемистую пачку своихъ руко-писей, для прочтенія и сохраненія, на случай какого-либо несчастія. Этимъ знакомъ довѣрія она была очень польщена. Къ тому же, изъ прочтенія рукописей она надѣялась лучше понять его характеръ и душевныя качества, нежели то же самое могли дать ей частыя съ нимъ личныя сношенія.

Твердая душа, строгая честность, непоколебимыя убѣжденія, глубокія познанія и вкусъ обнаружили въ его сочиненіяхъ съ полною ясностью. Господинъ Роланъ происходилъ изъ почтенной, знатной семьи.

Родившись въ достаткѣ, ему пришлось, еще молодымъ чело-вѣкомъ, пережить разореніе своихъ родителей; причиной тому было, съ одной стороны, неумѣніе вести хозяйство, съ другой — ихъ чрезмѣрная расточитель-ность. Одно время, благодаря совѣтамъ и внушеніямъ родственниковъ, онъ очутился на перепутьѣ между мо-нашеской рясой и званіемъ купца, и, безъ всякихъ средствъ, на девятнадцатомъ году своей жизни ему при-шлось покинуть родительскій домъ. Стремленіе къ на-укамъ и далекія путешествія привели его къ разно-стороннему образованію. Покидая родительскій домъ, онъ намѣревался совершить путешествіе въ Индію; но болѣзнь помѣшала ему выполнить задуманный планъ. Онъ отправился въ Руанъ къ одному родственнику, инспектору мануфактуръ, и поступилъ къ нему въ кон-тору на службу, выказавъ себя весьма способнымъ и пригоднымъ въ этомъ дѣлѣ. По смерти родственника, Роланъ занялъ его мѣсто.

Вернувшись изъ Италіи, Роланъ нашелъ себѣ въ Манонъ подругу, которая очень обрадовалась его прі-ѣзду; его серьезность, обращеніе, образъ жизни, все-цѣло посвященный наукамъ — все это дѣлало его въ ея глазахъ какъ бы безполымъ существомъ, или философомъ, который только и жилъ однимъ разсудкомъ. Какая-то особенная искренность установилась между ними, и онъ чаще сталъ навѣщать Манонъ. Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился съ ней, какъ вдругъ однажды онъ объяснился ей въ любви. Она не отнес-лась къ этому равнодушно, такъ какъ цѣнила его выше всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ ей приходилось до сихъ поръ изучить. Она откровенно отвѣтила ему, что пред-ложеніе его чрезвычайно льститъ ей, но не думаетъ, что можетъ составить ему хорошую партію, и разска-зала, ничего не скрывая, о своемъ положеніи. Она го-ворила, что отецъ ея разоренъ, но сама она горда для того, чтобы подвергаться упрекамъ семьи, которая не

будетъ чувствовать особой чести отъ связи съ нею, или чтобы прикрываться великодушiемъ супруга, который вынужденъ будетъ терпѣть изъ-за нея только одни оскорбленiя. Манонъ совѣтовала Ролану не думать о ней и не интересоваться ею, какъ-будто она была для него лицомъ постороннимъ. Но онъ настаивалъ. Ее это тронуло, и она дала свое согласiе, но съ тѣмъ, чтобы онъ просилъ ея руки у отца. Было рѣшено, что онъ отправится домой и оттуда пошлетъ къ ея отцу письмо.

Господинъ Флипонъ нашелъ письмо сухимъ; онъ не любилъ сдержанности Ролана, не хотѣлъ имѣть такого строгаго зятя, за взгляды котораго на жизнь онъ называлъ его судьей нравовъ. Онъ отвѣтилъ ему холодно и даже дерзко, но сообщилъ объ этомъ дочери уже послѣ того, какъ написалъ отвѣтъ. Въ свою очередь, она также рѣшила написать Ролану, что ея опасенiя относительно отца сбылись и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая подвергать его неприятностямъ и со стороны его родныхъ, она проситъ его отказаться отъ своихъ намѣренiй. Затѣмъ она сказала отцу, что его поведение ставить ее въ такое положенiе, которое заставляетъ ее принять нѣкоторыя мѣры, и предупредила, чтобы онъ не удивлялся послѣ этого ея рѣшенiю удалиться въ тотъ монастырь, въ которомъ она провела цѣлый годъ, будучи еще ребенкомъ.

Это намѣренiе она не замедлила привести въ исполненiе и переселилась туда. При этомъ ей пришлось ограничиться тѣми небольшими средствами, какiя были въ ея распоряженiи. Картофель, рисъ, бобы, съ небольшимъ количествомъ масла и соли, составляли ея пищу, не требовавшую большой затраты времени для ея изготовленiя. Два раза въ недѣлю она выходила: одинъ разъ къ бабушкѣ, другой разъ къ отцу, чтобы помочь ему въ его хозяйствѣ и привести въ порядокъ его бѣлье; вещи, требовавшiя починки, она брала съ собой. Остальное время она проводила въ своихъ четырехъ

стѣнахъ, всецѣло погружаясь въ любимыя науки. Она рѣшила покориться своей жестокой участи и какъ бы мстила себѣ за то, что вознамѣрилась отвоевать себѣ счастье, до котораго не хотѣла допустить ее судьба. Нерѣдко она впадала въ состоянiе меланхоли; но и оно имѣло для нея свою особую привлекательность, и если Манонъ не была счастлива, то, по крайней мѣрѣ, имѣла все необходимое, чтобы быть таковой. Она начала гордиться даже своимъ умѣнiемъ обходиться безъ того, чего ей не доставало.

Господинъ Роланъ былъ очень удивленъ и огорченъ, но продолжалъ писать къ ней какъ влюбленный, не смотря на нанесенное ему отцомъ ея оскорбленiе. По прошествiи полугода, онъ появился у рѣшетки прiемной комнаты въ монастырѣ и, къ своему удивленiю, нашелъ Манонъ въ цвѣтущемъ состоянiи здоровья. Онъ просилъ ее покинуть монастырь и еще разъ предложилъ ей свою руку. Тогда ей пришла въ голову довольно оригинальная мысль. Она находила, что другой мужчина, если бъ не былъ въ возрастѣ сорока-пяти лѣтъ, не сталъ бы ждать цѣлыхъ полгода для возобновленiя своего предложенiя. Одно это такъ расхолодило ея чувства, что отъ иллюзиi не осталось уже никакого слѣда. Съ другой стороны, рассуждала она, такое благоклонное возобновленiе сдѣланнаго ей предложенiя доказывало, что онъ цѣнилъ ее и преодолѣлъ свою обиду посторонними обстоятельствами, которыя долженъ былъ принять въ расчетъ при связи съ нею. Она сказала себѣ: „Если бракъ, какъ я его себѣ представляю, есть дѣйствительно честный союзъ и соглашенiе, когда женщина обыкновенно на себя переноситъ счастье обоихъ людей, то не лучше ли испытать свои способности и силу воли въ этой почтенной задачѣ, нежели глушить ихъ въ уединенiи, въ которомъ я живу?“

Итакъ, она рѣшилась и стала его женой. Чѣмъ болѣе онъ узнавалъ ее, тѣмъ сильнѣе разгоралась въ

немъ любовь къ ней. Она строго обсудила свое вступленіе въ бракъ и не нашла ничего, что бы могло ее отворотить отъ этого. Она посвятила себя ему всецѣло, руководствуясь скорѣе сердцемъ, нежели разсудкомъ. Но чѣмъ болѣе казался счастливымъ ея мужъ, тѣмъ сильнѣе она замѣчала, что чего-то недостаетъ для полноты ея счастья. Несмотря на это, она не переставала видѣть въ Роланѣ достойнѣйшаго изъ мужей, чувствуя, однако, что онъ не обладаетъ достаточною твердостью характера; между тѣмъ, такія превосходства, какъ его властолюбивый нравъ и разница въ возрастѣ на двадцать лѣтъ должны были бы способствовать къ укрѣпленію ея. Размышленія надъ тѣмъ и другимъ мучительно занимали ея время, когда она находилась дома; когда же они вмѣстѣ отправлялись въ гости, то она замѣчала, что эти качества ея мужа могли быть для нея небезопасными. Поэтому она предпочитала болѣе сидѣть дома и погружаться въ его работы. Но отсюда протекалъ другой вредъ. Онъ такъ сильно привыкъ къ ея сотрудничеству, что ни за что на свѣтѣ и ни одной минуты не хотѣлъ оставаться безъ нея.

Она любила и уважала своего мужа, какъ покорная дочь почитаетъ своего добродѣтельнаго отца, для котораго готова была бы пожертвовать даже своимъ возлюбленнымъ. Она оставалась вѣрна своему долгу, но ея невинность не позволяла ей скрывать тѣхъ чувствъ, которыя она къ нему питала. Роланъ же былъ чрезвычайно обидчивъ и самолюбивъ и не могъ выносить ни малѣйшаго нарушенія въ своемъ превосходствѣ. Онъ мучился предчувствіями, ея же сердила его ревность; онъ боготворилъ свою жену, она жертвовала ему собою, и оба были несчастливы!

Роланъ занимался просмотромъ и подготовкой къ печати своей рукописи объ Италіи. Мадамъ Роланъ была переписчицей и корректоршей печатныхъ оттисковъ и выполняла эту работу съ покорностью, но не

могла воздерживаться иногда отъ смѣха. Это тянулось годами, пока она, наконецъ, не возмутилась, постигнувъ, что онъ далеко не все знаетъ лучше, чѣмъ она!

Въ то время она ходила на лекціи общей естественной исторіи и специально ботаники, и это было единственнымъ развлеченіемъ трудолюбивой женщины между ея секретарскими и хозяйственными занятіями. Они жили въ Парижѣ, въ меблированномъ отелѣ. Такъ какъ здоровье Ролана было довольно слабое, то она сама стряпала для него кушанья.

Затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшіе четыре года, въ теченіе которыхъ они проживали въ Амьенѣ, гдѣ мадамъ Роланъ сдѣлалась матерью; сама ухаживая и вскармливая грудью своего ребенка, она не прерывала сотрудничества въ работахъ мужа, который принялъ тогда участіе въ составленіи многихъ отдѣловъ большой энциклопедіи. Участвовавшія заболѣванія Ролана прибавили ей заботъ и работы; но, благодаря ея попеченіямъ, возникали новыя связи и онъ еще сильнѣе полюбилъ ее за ея самоотверженіе и ту доброту, которыя она такъ беззавѣтно отдавала ему.

Затѣмъ они поселились въ Вильфраншѣ, въ родительскомъ домѣ Ролана. Въ немъ проживала его мать вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ, и часть дома имъ пришлось уступить. Мадамъ Роланъ разсказывала, что могла бы очень многое написать по поводу обычаевъ этого маленькаго городка и ихъ вліянія на нее, въ особенности же о той страшной скукѣ, которая царила въ домѣ вслѣдствіе совмѣстной жизни со старою, но своенравной и прихотливой женщиной и ея неменѣе сумасброднымъ сыномъ.

Многіе больные, отчаявшіеся въ благотворной помощи мѣстнаго врача, обращались къ мадамъ Роланъ за медицинскими совѣтами, и послѣдніе часто принесли болѣе пользы, нежели предписанныя врачомъ лѣкарства. Такъ, вслѣдствіе своихъ усиленныхъ заботъ,

ей удалось, въ 1789 году, спасти отъ смерти и своего мужа. Двѣнадцать дней и ночей она безсмѣнно дежурила у его постели, не раздѣваясь, и, чувствуя сама себя нездоровой, продолжала въ теченіе шести мѣсяцевъ неотступно ухаживать за нимъ во время возстановленія имъ своихъ силъ.

Но, предоставимъ мадамъ Роланъ самой говорить о ея замужествѣ: „Боже мой! какую плохую услугу оказали мнѣ тѣ, кто открылъ завѣсу, за которой я любила пребывать. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ моей жизни я работала вмѣстѣ съ мужемъ такъ, какъ и ѣла, потому что для меня было естественно и то и другое. Когда кто либо ссылался на какое либо мѣсто его трудовъ, которое имѣетъ болѣе плавный стиль, нежели другое, когда хвалили ихъ академическій вздоръ, то мнѣ не нравилось воспоминаніе о томъ, что это я ихъ сочиняла. Если дѣло касалось необходимости сочинить для министерства длинную, обличительную рѣчь, то въ нее я вкладывала всю свою душу; само собою понятно, что отъ этого получались лучшія выраженія, нежели ихъ могли бы создать самыя усердныя старанія любого секретаря. Я любила свою страну, я была воодушевлена стремленіемъ къ свободѣ, и не знала никакого другого интереса, никакой другой страсти, которые могли бы сравниться съ этой любовью; мой способъ выражаться долженъ былъ быть яснымъ и вдохновеннымъ, такъ какъ онъ исходилъ изъ глубины моего сердца! Важность предмета захватывала меня такимъ образомъ, что я сама себя забывала!“

Зимой 1787 года, на 88 году своей жизни, умеръ отецъ мадамъ Роланъ. Онъ не женился вторично. Проматавъ свое имущество, а затѣмъ и имущество бабушки Флипонъ, ему пришлось прекратить свои дѣла, при чемъ Роланъ положилъ ему небольшую пенсію и уплатилъ его долги. Онъ былъ вообще недоволенъ своей дочерью и ея мужемъ и въ высшей степени несправедливъ къ

нимъ; это усиливалось еще тѣмъ, что онъ не могъ выносить сознанія необходимости очутиться въ зависимомъ отъ нихъ положеніи.

Когда возгорѣлась революція, Роланъ былъ еще генераль-инспекторомъ фабрикъ и заводовъ въ Лионѣ. Отъ одной мысли о революціи онъ и его жена были въ сильномъ возбужденіи. Какъ друзья человѣчества и свободы, они вѣрили въ возрожденіе рода человѣческаго и надѣялись принять дѣятельное участіе при освобожденіи тѣхъ классовъ народа, о судьбѣ которыхъ они такъ часто печалились. Ихъ свободолюбивыя мысли смущали многихъ людей ихъ круга, привычныхъ къ своимъ торгашескимъ разсчетамъ и не понимавшихъ, что лица съ философскимъ взглядомъ могутъ одобрять преобразование существующаго порядка въ пользу однихъ и во вредъ другимъ; вслѣдствіе этого, онъ нажилъ себѣ много враговъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобрѣлъ и нѣкоторыхъ друзей.

Роланъ и его жена всю зиму прожили въ Лионѣ; они были членами ученыхъ и литературныхъ обществъ этого города. Ролану было поручено сельскохозяиственнымъ обществомъ составить нѣсколько наказовъ для собранія генеральныхъ штатовъ. Его характеръ и убѣжденія какъ разъ соотвѣтствовали тому, чтобы съ радостью встрѣтить революцію, которая обѣщала устраненіе столь тяжелаго положенія народа. Своими способностямъ и воззрѣніямъ онъ былъ обязанъ приглашеніемъ участвовать въ образованіи перваго собранія общиннаго совѣта, которымъ онъ былъ уполномоченъ представлять интересы города, находившагося тогда въ безвыходномъ положеніи задолженности.

Какъ чрезвычайный депутатъ учредительнаго собранія, онъ завязывалъ сношенія съ различными членами, которые посвятили себя народнымъ дѣламъ.

Ко времени его возвращенія домой, въ его положеніи произошла перемѣна, такъ какъ должность гене-

раль-инспектора, которую онъ до сихъ поръ занималъ, была упразднена и ему приходилось позаботиться объ устройствѣ своего положенія на будущее время. Учредительное собраніе, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ засѣданій, вообще упразднило много разныхъ должностей. Ему представлялся выборъ между переселеніемъ въ имѣніе, чтобы жить тамъ на счетъ своихъ литературныхъ трудовъ, и возвращеніемъ въ Парижъ, чтобы привести въ порядокъ накопившійся за его тридцативосьмилѣтнюю государственную дѣятельность матеріалъ для осуществленія своего права на вознагражденіе пенсію. Онъ предпочелъ послѣднее, и въ декабрѣ 1791 года возвратился въ Парижъ. Но общее положеніе дѣлъ не было таковымъ, которое бы давало надежду, что законодательное собраніе, только на-дняхъ образовавшееся, тотчасъ же займется частными вопросами. Роланъ былъ знакомъ съ Бриссо и вслѣдствіе этого онъ могъ познакомиться съ разными членами законодательнаго собранія. Онъ часто также посѣщалъ засѣданія въ клубѣ якобинцевъ. Вскорѣ онъ былъ избранъ секретаремъ этого общества. По вечерамъ онъ часто возвращался домой съ большимъ пакетомъ писемъ. Трудъ по составленію на нихъ отвѣтовъ большею частью принимала на себя мадамъ Роланъ, такъ какъ эта работа представлялась ей всегда пріятною и легкою. Такимъ образомъ, оба они очень усердно работали; но, со стороны казалось, что эту работу производилъ одинъ Роланъ и ее считали чрезвычайной.

По поводу назначенія Ролана министромъ въ своихъ мемуарахъ мадамъ Роланъ говоритъ слѣдующее: „Быть можетъ, меня спросятъ, знала ли я всѣ ближайшія обстоятельства, какимъ образомъ Роланъ былъ приглашенъ въ министерство. Могу увѣрить, что я, дѣйствительно, ихъ не знаю, и что мнѣ самой не приходила въ голову мысль наводить объ этомъ справки. Мнѣ казалось, что это произошло такъ же просто,

какъ и многое другое на свѣтѣ. Кому нибудь одному пришла такая мысль, другіе узнали объ этомъ и одобрили ее, и такимъ образомъ выдвинулся и онъ. Я не знаю, кто первый предложилъ Ролана, какъ единственнаго, о которомъ можно было подумать при назначеніи. Его имя пробудило воспоминаніе о свѣдущемъ человѣкѣ, который писалъ о различныхъ дѣйствіяхъ правительства, который въ этомъ отношеніи имѣлъ большой опытъ и который прежде всего пользовался извѣстностью по своей честности; его возрастъ, нравы, вполне выраженный характеръ, литературные труды еще до революціоннаго періода о его взглядахъ на порядокъ вещей громко и ясно свидѣтельствовали о немъ и показывали его приверженцемъ свободы, дѣлали его достойнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Конечно, и королю не были незнакомы всѣ эти соображенія или, по крайней мѣрѣ, были имъ приняты къ свѣдѣнію при своемъ рѣшеніи. Итакъ, все это вышло весьма естественно; но мы узнали объ этомъ лишь за три дня до образованія новаго министерства. Бриссо зашелъ ко мнѣ; я была одна и онъ повѣдалъ мнѣ, что думаютъ о Роланѣ. Я улыбнулась и спросила его, что дало ему поводъ для подобной шутки; но онъ увѣрилъ меня, что вовсе не шутитъ и что пришелъ именно справиться, согласится ли Роланъ взять на себя такую обузу. Я обѣщала ему переговорить съ Роланомъ и на слѣдующій же день поставить его въ извѣстность о рѣшеніи послѣдняго. Разнообразіе дѣлъ не могло служить препятствіемъ къ усердію Ролана. (Роланъ, также какъ и я, былъ застигнутъ врасплохъ этимъ сообщеніемъ). Онъ, смѣясь, сказалъ мнѣ по этому поводу, что неоднократно видѣлъ посредственныхъ людей, облеченныхъ властью сановниковъ, и что не можетъ особенно удивляться обыкновенному ходу вещей, само же по себѣ дѣло это его не страшитъ. Критическимъ является оно только въ отношеніи интересовъ двора

и неизвѣстности намѣреній короля. Но каждому, кто не хочетъ ничего другого какъ выполненія своихъ обязанностей и кто мало беспокоится о потерѣ своей должности, не представляется опасности для принятія таковой. Кромѣ того, трудолюбивый человѣкъ, сознающій свои способности и надѣющійся своей службой принести пользу отечеству, не могъ бы оставаться равнодушнымъ къ этому. Такимъ образомъ, Роланъ рѣшилъ дѣло въ положительномъ смыслѣ и сообщилъ объ этомъ Бриссо. На другой день, въ 11 часовъ ночи, явился Бриссо въ сопровожденіи Дюмурье, по окончаніи засѣданія домашняго совѣта у короля, и сообщилъ Ролану о его назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ. Дюмурье, самъ только недавно назначенный министромъ, говорилъ объ искренней благоклонности короля поддерживать конституцію, о его надеждѣ на хорошее состояніе механизма государственнаго управленія, если совѣтъ министровъ поведетъ дѣла съ полнымъ благоразуміемъ. Ролану онъ высказалъ свое особое удовольствіе, что къ управленію призывается такой добродѣтельный, какъ онъ, человѣкъ и явный патріотъ. Бриссо замѣтилъ, что департаментъ внутреннихъ дѣлъ въ настоящее время находится въ полномъ разстройствѣ и что для друзей свободы представится успокоеніе вслѣдствіе порученія его такимъ твердымъ и чистымъ рукамъ. Условились также о томъ, что какъ представленіе его королю, такъ и принесеніе присяги передъ вступленіемъ въ совѣтъ министровъ должны произойти на слѣдующій день. Когда Роланъ въ первый разъ явился во дворецъ въ своемъ обыкновенномъ, съ давнихъ поръ привычномъ ему, костюмѣ, съ вьющимися, просто причесанными, волосами, въ круглой шляпѣ на своей почтенной головѣ и въ башмакахъ со шнурками, то придворные лакеи, придававшіе большое значеніе питавшему ихъ придворному этикету, взглянули на него съ раздраженіемъ,

даже въ нѣкоторомъ родѣ съ отвращеніемъ. Одинъ изъ нихъ съ серьезнымъ видомъ приблизился къ Дюмурье и прошепталъ ему на ухо, указывая глазами на предметъ своего смущенія: „Боже мой, башмаки безъ пряжекъ“! Дюмурье съ комичной серьезностью воскликнулъ: „Ахъ, все погибло“! Вотъ, чѣмъ занимались еще при дворѣ; и какъ только эти слова стали извѣстными, они многихъ, кто былъ къ этому расположенъ, заставили смѣяться. Самъ же Людовикъ XVI, несмотря на несоотвѣтствующую этикету внѣшность, принялъ своего новаго министра чрезвычайно любезно.

Когда Роланъ сталъ министромъ, мадамъ Роланъ жила такъ же уединенно, какъ и прежде. Она работала вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и сохранила свои привычки. Такимъ образомъ, она придерживалась заведеннаго ею ранѣе порядка въ домашнемъ быту и уклонялась отъ неудобства быть окруженной толпой любопытныхъ, которые постоянно вьются около высокопоставленныхъ лицъ. Въ министерскомъ дворцѣ она никогда не окружала себя большимъ обществомъ. Два раза въ недѣлю она приглашала къ столу министровъ, депутатовъ и такихъ лицъ, съ которыми ея мужу нужно было переговорить или поддержать сношенія. Среди послѣднихъ она выказывала особое расположеніе къ жирондисту Бюзо. Въ ея присутствіи говорили о всѣхъ обстоятельствахъ, не стѣсняясь, такъ какъ она не имѣла обыкновенія вмѣшиваться; къ тому же, она образовала для себя такой кружокъ, который не могъ бы возбудить недовѣрія. Изъ всѣхъ обширныхъ покоевъ министерскаго дворца, она избрала для себя небольшую гостиную, куда помѣстила свои книги и свой письменный столъ. Часто случалось, что товарищи ея мужа, желавшіе говорить съ министромъ по секрету, вмѣсто того, чтобы итти въ официальные комнаты, гдѣ ихъ могли окружать чиновники и другіе посѣтители, заходили къ ней и просили ее пригласить его сюда. Благодаря этому, она

всегда была осведомлена о текущих дѣлахъ, но не проявляла никакого желанія быть излишне любопытной. Къ тому же Роланъ самъ имѣлъ удовольствіе, въ частной затѣмъ съ нею бесѣдѣ, передавать ей обо всемъ съ тѣмъ довѣріемъ, которое постоянно господствовало между ними, и всегда охотно принималъ къ свѣдѣнію ея познанія и взгляды. Случалось также, что товарищи Ролана, имѣвшіе надобность сдѣлать какое-либо обыкновенное сообщеніе ему, приходили къ ней просить, какъ можно скорѣе самой передать извѣстіе ея мужу; часто въ ея комнатѣ происходило даже совѣщаніе министровъ. Всякая другая женщина могла бы оказаться на ея мѣстѣ совѣмъ въ другомъ положеніи, но она вовсе не вмѣшивалась въ споры, большею частью садилась за свой письменный столъ, писала письма и, вообще, казалась занятою другими дѣлами, несмотря на то, что не теряла ни одного слова. Иногда она и проявляла желаніе вступить въ разговоръ, но воздерживалась, находя неприличнымъ выступать изъ границъ, свойственныхъ ея полу.

Присутствовавшій въ тайныхъ засѣданіяхъ совѣта министровъ, Людовикъ XVI держалъ себя всегда довольно странно. Онъ нелегко утверждалъ постановленія, никогда не дѣлалъ этого въ первомъ же засѣданіи и всегда откладывалъ свое утвержденіе на слѣдующее засѣданіе совѣта министровъ. Онъ всегда приходилъ затѣмъ съ своимъ уже готовымъ мнѣніемъ, но дѣлалъ видъ, какъ будто предоставляет вопросъ всестороннему обсужденію посредствомъ преній. Въ вопросахъ высшей политики онъ часто избѣгалъ подавать свое мнѣніе и уклонялся отъ ихъ обсужденія. Если толковали о войнѣ, онъ говорилъ о путешествіяхъ; когда касались дипломатическихъ вопросовъ, то онъ распространялся объ обычаяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ шла рѣчь, или же интересовался живописнымъ положеніемъ тѣхъ странъ. Когда говорили о состояніи внутреннихъ дѣлъ,

то онъ вдавался въ подробности о сельскомъ хозяйствѣ или промышленности. Ролана спрашивалъ о ходѣ его работъ, съ Дюмурье говорилъ анекдоты и такъ далѣе. Тайный совѣтъ скорѣе походилъ на кафе-ресторанъ, въ которомъ время проводили въ болтовнѣ. Не имѣлось никакой книги для протоколовъ засѣданій, ни секретаря, который бы ихъ составлялъ. Послѣ трехъ или четырехъ часовъ засѣданія, удалялись ничего не сдѣлавъ, лишь подписавшись подъ нѣсколькими актами, и это происходило три раза въ недѣлю. Мадамъ Роланъ чувствовала себя этимъ очень удрученной. Ей хотѣлось, чтобы Роланъ заполнялъ свое время побольше размышленіями о важныхъ вопросахъ своего вѣдомства, нежели расточалъ его на пустую болтовню.

Между тѣмъ, внѣшніе враги готовились къ походу. Нужно было объявить войну; требовалось рѣшеніе, о которомъ съ живостью препирались, но на которое король согласился только послѣ упорнаго сопротивленія. Онъ слишкомъ затягивалъ утвержденіе рѣшенія и казался только вынужденнымъ уступить уже ставшему общезвѣстнымъ взгляду большинства учредительнаго собранія и единогласному постановленію совѣта министровъ. Вскорѣ нужно было принять мѣры противъ увеличившихся религиозныхъ волненій, чего министръ внутреннихъ дѣлъ уже давно требовалъ. Съ другой стороны, смѣлыя наступленія иностранныхъ войскъ были все болѣе угрожающими и безпокойными. Это заставило военного министра придти къ мысли, выставить войска, на что съ воодушевленіемъ согласилось и рѣшилось учредительное собраніе.

Правда, что оба постановленія, одно изъ которыхъ было выставить военный лагерь въ 20000 человекъ вблизи Парижа, а другое—принять мѣры противъ дворянства, представлялись весьма рѣзкими. Дворъ видѣлъ въ этомъ разрушеніе своего тайнаго замысла, рассчитаннаго на содѣйствіе религиознаго фанатизма и

вторженіе непріятельскихъ войскъ, которымъ онъ покровительствовалъ. Король былъ очень склоненъ отказать въ своемъ утвержденіи; онъ находилъ различные предлоги, въ силу которыхъ онъ могъ уклоняться отъ этого въ теченіе четырнадцати дней. Пренія по этому поводу возобновлялись неоднократно. Роланъ и Серванъ твердо настаивали на своемъ, такъ какъ каждый изъ нихъ понималъ важное значеніе постановленій для порученныхъ имъ департаментовъ. Общій интересъ былъ для всѣхъ очевиденъ, и всѣ шесть министровъ относились къ этому совершенно одинаково. Мадамъ Роланъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: „Я испытывала нѣкоторое безпокойство, которое трудно выразить, очарованная революціей, и была убѣждена, что, несмотря на всѣ недостатки, конституція должна продолжаться. Проникнутая желаніемъ видѣть мое отечество процвѣтающимъ, я не могла спокойно относиться къ общественнымъ событіямъ, причинявшимъ мнѣ какую-то нравственную нервную горячку, которая не давала мнѣ покоя. Нерѣшительность короля доказывала его лживость, въ чемъ, наконецъ, пришлось убѣдиться и Роланду. Министру предстоялъ только одинъ исходъ, чтобы остаться достойнымъ уваженія человѣкомъ: выйти въ отставку, если король будетъ продолжать упорно отказываться отъ рѣшенія принимать необходимыя мѣропріятія на благо государства“.

„Этотъ простой и откровенный поступокъ явился бы вѣроятно достаточнымъ для признанія робкаго человѣка; но гражданину, готовому на самопожертваніе, нельзя отказаться только отъ своей должности, гдѣ уже невозможно болѣе сдѣлать ничего хорошаго; онъ долженъ энергично высказаться, обличая несправедливость въ общественномъ управленіи такъ, чтобы его отставка также принесла пользу. Мы, Роланъ и я, были очень огорчены слабостью его товарищей. Мы полагали, что, при медлительности короля, имѣло бы большое значе-

ніе препровожденіе къ нему письма, содержащаго уже высказанныя въ совѣтѣ основанія и подписаннаго всѣми министрами; при этомъ они всѣ должны были бы требовать для себя отставки, если бы его величество нашелъ ихъ представленія недостаточно подходящими“.

Однако, каждый министръ избралъ для себя другой исходъ, такъ что Роланду предстояло ограничиться своимъ собственнымъ рѣшеніемъ. Мадамъ Роланъ сама сочинила это письмо и написала его сразу, какъ и всегда поступала такъ въ подобныхъ случаяхъ. Сознавать необходимость и умѣстность дѣйствій, обдумывать ихъ хорошія послѣдствія, желать ихъ осуществленія въ извѣстной формѣ для упроченія дальнѣйшихъ обстоятельствъ, всегда было для нея любимымъ дѣломъ.

Мадамъ Роланъ говорила, что многіе, умаляя достоинства ея мужа, приписывали исключительно ей большое вліяніе на разрѣшеніе важнѣйшихъ случаевъ въ его практикѣ, но что это безусловно не соответствовало дѣйствительности. Привычка и любовь къ научнымъ занятіямъ позволяли ей раздѣлять труды ея мужа, когда онъ былъ еще простымъ частнымъ лицомъ; такъ какъ она заботилась о его счастья, то дѣлала все, что могло доставить ему удовольствіе. Она не отрицаетъ того, что нѣкоторыя изъ поручавшихся ей работъ были довольно скучны. Когда же онъ сталъ министромъ, то она совсѣмъ не вмѣшивалась въ дѣла управленія, но случалось, что охотно составляла набросокъ какой-либо дѣловой бумаги, послѣ основательнаго взаимнаго обсужденія предмета. Она увѣряетъ, что тамъ, гдѣ нужно было проявить справедливость и сообразительность, самъ Роланъ, по своему характеру и убѣжденіямъ, легко преодолевалъ всякія затрудненія и что онъ могъ быть такимъ же хорошимъ министромъ и безъ нея. Его трудолюбіе, познанія и правдивость составляли его собственные свойства, и она скромно говоритъ только о томъ, что ея сотрудничество усиливало лишь его впе-

чатлѣнія, такъ какъ въ свои сочиненія она вкладывала ту смѣсь силы и нѣжности, авторитета, разума и привлекательности, которые, пожалуй, только и свойственны чувствительной женщинѣ съ здравымъ челоувѣческимъ разсудкомъ. Она съ восхищеніемъ набрасывала дѣловыя бумаги, но дѣлала это втихомолку, находя въ этомъ болѣе удовольствія, нежели въ томъ, чтобы прослыть сочинительницей. Довольствуясь исканіемъ счастья въ стремленіи дѣлать добро, она совсѣмъ не гналась за славой. Мадамъ Роланъ говоритъ, что она не препятствовала злонамѣреннымъ людямъ объяснять такое ея признаніе дерзостью и не предпринимала ни одного шага къ тому, чтобы доказывать имъ противное.

10 іюня Роланъ отправился въ тайный совѣтъ министровъ короля, съ письмомъ въ карманѣ, которое намѣревался прочесть вслухъ передъ товарищами и затѣмъ вручить королю. Открылись пренія по поводу утвержденія двухъ постановленій, но король перебилъ ихъ, сказавъ своимъ министрамъ, чтобы каждый изъ нихъ письменно изложилъ свое мнѣніе и представилъ его затѣмъ въ слѣдующее засѣданіе тайнаго совѣта. Роланъ могъ бы сдѣлать это немедленно же; но, не желая ставить въ неловкое положеніе своихъ товарищей, воздержался. По возвращеніи домой, онъ и мадамъ Роланъ порѣшили тотчасъ же отправить письмо къ королю съ нѣкоторой припиской.

На слѣдующій день вечеромъ къ мадамъ Роланъ пришелъ министръ Серванъ и сказалъ:

— Поздравьте меня; я получилъ отставку.

Мадамъ Роланъ отвѣтила:

— Я мучительно тронута, что эта честь оказана вамъ первому: но, я надѣюсь, что таковую не замедлятъ признать и за моимъ мужемъ.

Лишь только Роланъ получилъ секретное письмо, содержавшее объявленіе о его отставкѣ, онъ, смѣясь,

воскликнулъ, что его слишкомъ долго заставили ожидать свободы!

Злой рокъ руководилъ королемъ, когда онъ отказался поступить согласно указаніямъ Ролана. Событія теперь быстро слѣдовали одно за другимъ. Возстаніе 30 іюня поколебало королевскую власть, осада Тюилъери 10 августа окончательно ее уничтожила. День спустя послѣ этого законодательное собраніе составило новое министерство изъ Ролана, Клавьера, Сервана, Лебрэна, Монжа и Дантона.

Но обстоятельства, со времени перваго министерства Ролана, ужасно измѣнились. вмѣсто подвижной политической жизни съ ея волненіями, наступила лихорадочная, смертельная борьба двухъ партій изъ-за преобладанія. До 10 августа жирондисты съ якобинцами шли рука объ руку въ нападеніи на королевскую власть; но отъ этого числа послѣдніе открыли гоненіе на первыхъ и взяли верхъ надъ ними, что продолжалось до 31 мая 1793 года, когда имъ, нанесено было окончательное пораженіе. Это была просвѣщенная, искренняя, честная партія, насчитывавшая въ своей средѣ не мало гордыхъ, безстрашныхъ и правдивыхъ характеровъ и выдающихся талантовъ; но это были не государственные люди, которые могли бы правильно преслѣдовать опредѣленную цѣль.

На каждомъ шагу сталкивались они съ послѣдствіями своихъ собственныхъ дѣйствій. Среди этихъ сценъ борьбы, во время втораго министерства Ролана, мадамъ Роланъ дѣйствительно являлась душою жирондистской партіи, но наружно она всегда казалась безразличной, какъ будто не желала прослыть женщиной политики. Положеніе Ролана въ такомъ сосѣдствѣ съ самой выдающейся женщиной, оставалось, такимъ образомъ, незамѣтнымъ. Она превосходила его словомъ и совѣтами, силою разсудка и вдохновеніемъ, изъ-подъ ея пера исходили прокламаціи и циркуляры; только одно про-

глядѣла разсудительная женщина: какъ она совершенно безсознательно предала своего мужа извѣстной о немъ шуткѣ! Дантонъ однажды сказалъ: „Нужны министры, которые смотрѣли бы не глазами своихъ женъ“. Во второе министерство Ролана начались неслыханныя сентябрьскія убійства. Уже къ 1 сентября распространился въ Парижѣ слухъ о взятіи Вердюна, и опасеніе, что враги, самое большее дня черезъ три, могутъ очутиться передъ Парижемъ, сдѣлалось всеобщимъ. Законодательное собраніе поэтому уполномочило городскія власти предпринять домовые обыски и всѣхъ, кто сколько-нибудь могъ казаться подозрительнымъ, арестовывать. Въ такіе моменты возбужденная и запуганная толпа соглашалась на все; но, представлялся вопросъ, могъ ли быть въ состояніи самъ Роланъ, даже если бы онъ проявилъ большую энергію, остановить убійства въ тюрьмахъ. 23 января 1793 года Роланъ подалъ въ отставку изъ министерства, такъ какъ долженъ былъ убѣдиться, что его взгляды не помогли ему противиться обстоятельствамъ. Ему слѣдовало бы лучше всего покинуть Парижъ, но онъ опасался, какъ бы изъ этого не усмотрѣли, что онъ желалъ избѣгнуть отчета, и, такимъ образомъ, они переѣхали въ свою прежнюю квартиру въ улицѣ де-ля-Гарпъ. Въ это время дружба мадамъ Роланъ къ Бюзо превратилась въ любовь. Несмотря на то, что тогда разводы и вторичные браки были обыкновеннымъ явленіемъ, мадамъ Роланъ не хотѣла покинуть своего мужа и сама говорила, что „такая душа, какъ моя, не можетъ принести неполную жертву“.

Она готова была на все, но только не на ложь или притворство, даже тѣнь измѣны приводила ее въ сдроганіе. Съ тою откровенностью, которая составляла лучшую черту ея характера, призналась она мужу въ своихъ новыхъ чувствахъ. Бѣдный супругъ былъ очень пораженъ этимъ сообщеніемъ, такъ какъ былъ самолюбивъ и сильно любилъ ее. Но ему льстила мысль о

жертвѣ съ ея стороны; когда же онъ совершенно ясно увидѣлъ, что ея жертва была слишкомъ велика, онъ почувствовалъ, что его счастье окончательно разрушено. Ему пріятнѣе было бы эту жертву удержать, нежели потерять. Ко времени революціи, мадамъ Роланъ достигла полнаго расцвѣта своей зрѣлости, не испытывъ еще страсти въ любви, но имѣла душу, которая сотворена была для этого.

Роланъ видѣлъ ея мучительную борьбу и заявилъ о своей готовности удалиться, если она не будетъ въ состояніи превозмочь своей страсти. Но она не хотѣла принять съ его стороны такой жертвы. Она имѣла миниатюрный портретъ Бюзо и на бумажкѣ, проложенной между портретомъ и картономъ, написала слѣдующій біографическій набросокъ.

„Франсуа Николай Леонардъ Бюзо родился въ 1760 году въ Эвре. Въ 1789 году онъ былъ депутатомъ учредительнаго собранія, председателемъ верховнаго уголовного суда департамента Эры, въ 1792 году депутатомъ національнаго Конвента“.

„Природа одарила его любвеобильной душой, гордымъ умомъ и благороднымъ характеромъ. Его чувства заставляли его предпочитать миръ и прелести уединенной, скромной жизни, къ его сердечной грусти присоединялась меланхолія, къ которой онъ имѣлъ нѣкоторую склонность. Обстоятельства вовлекли его въ политическое теченіе и онъ внесъ въ него неудержимое мужество и непреклонную честность“.

„Сотворенный для прекрасныхъ временъ Рима, напрасно надѣялся онъ создать таковыя же и для націи, у которой, казалось, зарождалась уже свобода; испорченные французы недостойны ея. Они не умѣли цѣнить своихъ заступниковъ, и тѣхъ, кого имъ слѣдовало бы любить и уважать, они, подъ руководствомъ собранія изъ малодушныхъ трусовъ приняли за шайку разбойниковъ. Бюзо былъ объявленъ измѣнникомъ оте-

честву, которому приносилъ себя въ жертву, домъ его былъ разрушенъ до основанія и все его имущество конфисковано. Но позоръ обратится на зачинщиковъ и пассивныхъ свидѣтелей этого злодѣянія. Бюзо будетъ продолжать жить въ воспоминаніи честныхъ людей. Его замѣчательныя мысли и мудрыя указанія будутъ еще осуществлены. Его оба письма отъ 6 и 22 января 1793 года къ своимъ избирателямъ будутъ постоянно перечитываться. Потомство будетъ чтить его память, современники же не замедлятъ пожелать его возвращенія. Когда-нибудь разыщутъ его портретъ и помѣстятъ среди другихъ портретовъ тѣхъ великодушныхъ друзей свободы, которые вѣрили въ добродѣтель, твердо провозглашали ее единственнымъ основаніемъ для упроченія республики и стремились доказать это на дѣлѣ“.

Ни мадамъ Роланъ, ни Бюзо не испытывали угрызений совѣсти изъ-за чувствъ, которыя они питали другъ къ другу. Это такое обстоятельство, въ которомъ одни видятъ характерную черту упадка нравовъ тогдашняго времени, другіе же, вѣроятно, посмотрятъ на него съ большею справедливостью, какъ на лучшее доказательство чистоты въ ихъ страсти.

Здѣсь мы приведемъ одно мѣсто изъ автобіографіи самого Бюзо, которое прекрасно его характеризуетъ: „Одаренный природой независимымъ характеромъ и мужествомъ, которое не можетъ подчиняться ни чьему приказанію, какъ могъ бы я совмѣщать понятія о наследственномъ королѣ и неприкосновенномъ человѣкѣ? Наполнивъ голову и сердце исторіей Греціи, Рима и тѣхъ великихъ мужей, которые въ этихъ двухъ древнихъ республикахъ въ высокой степени почитали родъ людской, я почувствовалъ себя уже съ самаго ранняго возраста близкимъ къ ихъ убѣжденіямъ. Я погрузился въ изученіе ихъ добродѣтели. Въ юности я росъ почти дикаремъ; страсти клокотали въ моемъ горячемъ и чувствительномъ сердцѣ и они были бурны и безграничны;

если они сосредоточивались на какомъ-либо предметѣ, то посвящались ему всецѣло. Никогда распутство не запятнало моей души своимъ нечистымъ дыханіемъ; кутежи всегда вызывали во мнѣ отвращеніе и до настоящаго моего возраста ни одна безстыдная рѣчь не осквернила устъ моихъ. Очень рано я научился познавать несчастье, и потому сильнѣе привязывался къ добродѣтели, которая служила мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ. Съ какимъ восторгомъ вспоминаю я еще ту счастливую эпоху моей жизни, которая уже не можетъ вернуться, когда я молчаливо бродилъ въ окрестныхъ горахъ и лѣсахъ моего родного города, при чемъ съ восторгомъ перечитывалъ произведенія Плутарха или Руссо, или предавался мыслямъ о морали и философіи. Иногда я садился на цвѣтушій лугъ, подъ сѣнь густолиственныхъ деревьевъ и впадалъ въ грустныя воспоминанія о попеременно тревожившихъ меня горѣ и радостяхъ въ первые годы моей жизни. Часто сочиненія Плутарха и Руссо были предметомъ занятій и бесѣдъ по вечерамъ, которые я проводилъ съ однимъ моимъ другомъ и сверстникомъ, разлученнымъ со мною смертью на тридцатилѣтнемъ возрастѣ, но уваженіе къ памяти котораго оберегало меня отъ нѣкоторыхъ заблужденій. Съ такимъ характеромъ и такими воззрѣніями, увлеченный возбужденіемъ человѣческихъ страстей, попалъ я въ водоворотъ революціи и въ учредительное собраніе“.

„То, что первоначально я тамъ замѣтилъ, не заставило меня потомъ переменить своихъ убѣжденій. Дворянство, духовенство, наиболѣе развращенный дворъ въ Европѣ. Я показалъ себя тамъ другомъ народа, неустрашимымъ поборникомъ человѣческихъ правъ. Вездѣ меня уважали, почитали и заискивали у меня; но вскорѣ я замѣтилъ, что не всѣ съ одинаковой душой стремились выполнить свое назначеніе и больше вниманія удѣляли своимъ личнымъ интересамъ. Тогда

я снова погрузился въ грустныя размышленія и очутился на краю пропасти; въ моментъ, когда я замѣтилъ, что число истинныхъ патріотовъ чрезвычайно убавилось, я рѣшилъ снова заговорить, чтобы еще болѣе не уменьшить ихъ числа. Въ особенности, я началъ выказывать отвращеніе къ королевской власти и открыто возмущался бѣгствомъ короля. Какъ только учредительное собраніе привело къ концу свои засѣданія, я возвратился въ Эвре, гдѣ, по мѣрѣ силъ своихъ, старался дѣлать людямъ добро“.

Вернемся же опять къ сентябрьскимъ событіямъ. Въ воскресенье, 2 сентября, около 5 часовъ пополудни, мадамъ Роланъ показалось, что она слышитъ крикъ въ задней части своей квартиры. Она направилась въ выходившую на дворъ комнату и увидѣла большое стеченіе народа на просторномъ дворѣ. Она вышла въ сѣни и справилась о причинѣ этого. Ролана не было дома, но тѣ, которые о немъ спрашивали, остались недовольны полученнымъ свѣдѣніемъ, такъ какъ хотѣли говорить съ нимъ во что бы то ни стало. Слуги воспротивились попыткѣ народа проникнуть въ квартиру, при чемъ подтвердили, что Ролана дѣйствительно не было дома. Мадамъ Роланъ распорядилась вызвать десять человекъ, которымъ предложила войти въ комнаты. Когда они вошли, мадамъ Роланъ мягко спросила, что имъ нужно. Они начали увѣрять, что, будучи храбрыми гражданами, хотѣли бы отправиться въ Вердюнъ, но что у нихъ нѣтъ оружія, поэтому они явились къ министру, чтобы потребовать таковое отъ него. Мадамъ Роланъ замѣтила, что министръ внутреннихъ дѣлъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи оружія и чтобы съ такимъ требованіемъ они обратились къ военному министру. Тогда они сказали, что уже были у него и получили свѣдѣніе, что тамъ никакого оружія нѣтъ; что всѣ министры измѣнники и что они непремѣнно желаютъ говорить съ Роланомъ. Мадамъ Роланъ

еще разъ повторила, что Ролана нѣтъ дома, но что, безъ сомнѣнія, онъ сказалъ бы имъ то же самое. Она предложила этимъ людямъ отправиться вмѣстѣ съ ней обыскать министерскій домъ, чтобы убѣдиться въ его отсутствіи, что нигдѣ не спрятано никакого оружія и что здѣсь не такое мѣсто, гдѣ бы оно могло храниться. Она еще разъ предложила имъ обратиться къ военному министру и изложить передъ нимъ свои требованія. Роланъ долженъ былъ въ это время находиться въ морскомъ министерствѣ и если они непремѣнно хотятъ говорить съ нимъ, то могутъ направиться туда. Но отъ этого они отказались и, проклиная измѣну министровъ, удалились, захвативъ съ собою одного изъ слугъ въ качествѣ заложника, котораго гоняли въ теченіе часа по улицамъ, затѣмъ пустили.

Лишь только толпа скрылась изъ глазъ, мадамъ Роланъ поспѣшно сѣла въ карету, чтобы ѣхать въ морское министерство и рассказать тамъ своему мужу о случившемся. Совѣтъ министровъ еще не былъ въ полномъ сборѣ; недоставало министровъ военнаго и юстиціи. Когда она говорила о происшествіи, каждый истолковывалъ его по-своему. Большинство разсматривало его, какъ непредвидѣнное слѣдствіе современнаго положенія дѣлъ и какъ простое броженіе умовъ. Министры окончили засѣданіе совѣта въ 11 часовъ ночи, но только на другое утро узнали о тѣхъ мерзостяхъ, свидѣтелемъ которыхъ была ночь и которыя имѣли свое продолженіе уже въ тюрьмахъ.

У Ролана и мадамъ Роланъ сердца кровью обливались по поводу этихъ постыдныхъ событій и полного безсилія въ распоряженіяхъ остановить ихъ, а равно и несомнѣнно очевиднаго соучастія въ нихъ городского совѣта и военнаго начальства. Они пришли къ заключенію, что для министра, какъ лица, долженствующаго внушать къ своей особѣ уваженіе, ничего не остается болѣе, какъ предать ихъ жестокому публич-

ному обвиненію, назначить собраніе, арестовать ихъ и возбудить противъ нихъ негодованіе всѣхъ честныхъ людей, смывъ съ себя этимъ способомъ пятно въ томъ, что они своимъ молчаніемъ какъ-бы способствовали такимъ мерзостямъ. Если понадобится даже, то лучше ужъ прямо подставить себя подъ ножи убійць, нежели какимъ-либо образомъ считаться ихъ соучастниками. Тогда то Роланъ и написалъ свое знаменитое письмо національному собранію. Мадамъ Роланъ подтверждаетъ это въ своихъ мемуарахъ: „Это, адресованное 3 сентября національному собранію, письмо было одинаково знаменито, какъ и то, которое было адресовано къ королю“. Национальное собраніе приняло его съ восторгомъ, постановило прочесть, отпечатать и развѣсить по городу.

Между тѣмъ, рѣзня продолжалась въ тюрьмахъ: въ Аббатствѣ съ воскресенья вечера до утра вторника, въ Ля-Форсѣ еще дольше, а въ Бисетрѣ четыре дня подрядъ и т. д. Возбужденный вслѣдствіе всѣхъ этихъ ужасовъ и мерзостей, Роланъ заболѣлъ, не могъ ни ѣсть, ни спать, и, несмотря на это, не переставалъ работать.

Когда Роланъ хотѣлъ сложить съ себя званіе министра, то къ нему явилось нѣсколько депутатовъ, съ цѣлью убѣдить его не покидать своего поста, краснорѣчиво доказывая ему, что его должность является жертвой, которую онъ долженъ принести отечеству. Но отставка Ролана не усмирила его враговъ. Онъ покинулъ министерскій дворецъ, несмотря на рѣшеніе прекратить мятежъ и не отступать ни передъ какими опасностями, такъ какъ совѣтъ министровъ въ возрастающей степени утрачивалъ свое значеніе и всѣ дѣйствія его казались ему глупыми или ошибочными, позорность которыхъ онъ не хотѣлъ дѣлать съ нимъ. Ему никакъ не удавалось достигнуть того, чтобы его мнѣнія и доводы, если они не согласовались съ рѣ-

шеніемъ большинства, были включаемы въ протоколы. Онъ отказывался подписывать проекты законовъ. Такъ случилось 15 января. Отъ Конвента онъ также не ожидалъ никакой поддержки, такъ какъ одного его имени было тамъ достаточно, чтобы вызвать волненіе и разногласіе. Дѣло дошло до того, что тамъ нельзя было произносить его безъ опасенія.

Послѣ отставки, Роланъ нанесъ своимъ противникамъ жестокой ударъ, обнародовавъ свой отчетъ такъ, какъ не сдѣлалъ этого еще ни одинъ министръ. Но онъ напрасно ожидалъ его провѣрки и утвержденія, такъ какъ это называлось бы признаніемъ несправедливости распространенныхъ противъ него клеветъ, которое обнаружало бы позоръ его извѣтчиковъ и слабость Конвента, не осмѣливагося защитить его. Нужно было продолжать его посрамленіе, не приводя доказательствъ, поколебать его положеніе, вслѣдствіе очернить его и ложно направить противъ него общественное мнѣніе, но свергнуть его, не подвергая наказанію, чтобы такимъ образомъ избавить себя отъ непріятнаго свидѣтеля столькихъ мерзостей, которыя нужно было бы скрыть или оправдать, чтобы сохранить виновникамъ ихъ деньги и власть, которую онѣ имъ доставляли.

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, Роланъ семь разъ писалъ Конвенту, требуя разсмотрѣнія отчета о его административныхъ дѣйствіяхъ; но это было совершенно напрасно. Якобинцы продолжали называть его измѣнникомъ.

Роланъ написалъ Конвенту восьмой разъ, но и теперь письмо осталось не оглашеннымъ. Тогда мадамъ Роланъ, обдумавъ положеніе дѣлъ, порѣшила, вмѣстѣ съ дочерью, уѣхать на дачу, куда, къ тому же, призывали ее и домашнія обстоятельства, ея разстроенное здоровье и многія другія причины, вслѣдствіе чего она представила въ ратушу свой паспортъ для отмѣтки.

Между прочимъ, она принимала въ соображеніе и то, что Ролану, когда онъ останется безъ семьи, легче будетъ освободиться отъ преслѣдованія своихъ враговъ, если бы дѣло дошло до такой крайности.

Но отмѣтка паспорта замедлилась изъ-за ненужныхъ затрудненій слишкомъ усердныхъ чиновниковъ, въ глазахъ которыхъ мадамъ Роланъ казалась подозрительной. Когда, наконецъ, ей предложили взять паспортъ обратно, она слегла въ постель больная и въ теченіе цѣлой недѣли не могла покинуть ее. По прошествіи этого времени, она рѣшила сама отправиться за нимъ, это было въ пятницу; но, разслышавъ на улицѣ шумъ народнаго волненія, нашла моментъ неподходящимъ. Радавалась пушечная пальба. Волненія дня возбудили въ ней тотъ интересъ, который навѣваютъ великія событія, но не поражаютъ своей мучительной чувствительностью. Энергичные характеры ничего такъ сильно не ненавидятъ, какъ неизвѣстность. Униженіе Конвента, его ежедневныя проявленія слабости и раболѣпства, казались ей столь прискорбными, что она даже предпочла происходившія смятенія, надѣясь, что они скорѣе выяснятъ положеніе дѣлъ. Къ ней начали забѣгать друзья, извѣщавшіе ее о состояніи волненій. Находили благоразумнымъ, чтобы Роланъ переночевалъ у друзей. Въ половинѣ пятого часа вечера, Ролану представились шесть вооруженныхъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ прочиталъ вслухъ приказъ „революціоннаго комитета“, въ силу котораго они объявляютъ его арестованнымъ.

— Я не знаю закона, устанавливающегоъ власть, на которую вы ссылаетесь,—возразилъ на это Роланъ,—и я не подчинюсь приказу, исходящему отъ нея. Если вы примѣните насиліе, то я могу оказать вамъ лишь слабое сопротивленіе мужчины моего возраста. Но, до послѣдней крайности, я протестую противъ этого.

Говорившій сказалъ, что онъ не получилъ приказа

примѣнить насиліе. Онъ отправится въ общественный совѣтъ для сообщенія тамъ отвѣта Ролана, товарищей же своихъ пока оставитъ здѣсь.

Лишь только этотъ человекъ ушелъ, какъ мадамъ Роланъ пришла въ голову мысль сообщить Конвенту о происшествіи и предупредить этимъ арестъ Ролана или, по крайней мѣрѣ, немедленно же освободить его, если бы онъ все-таки лишился свободы. Развить этотъ планъ передъ мужемъ, написать письмо предсѣдателю и отправиться, для мадамъ Роланъ было дѣломъ лишь нѣсколькихъ минутъ. Находившійся тутъ случайно одинъ изъ ихъ друзей согласился на всякій случай остаться при Роланѣ. Она наняла карету и поѣхала въ Каруссель. Дворъ въ Тюильери былъ наполненъ вооруженными людьми, черезъ толпу которыхъ ей едва удалось протиснуться; она была одѣта въ домашній капоть, накинула на себя только шаль и закрылась вуалью. Всѣ двери въ залъ были заперты. Она просила пропустить ее, но сторожа посылали ее напрасно отъ одной двери къ другой. Тогда она пригинулась сторонницей Робеспьера и сказала:

— Но, какъ же это, граждане, въ этотъ день спасенія отечества, среди измѣнниковъ, которыхъ мы должны опасаться, вы не хотите представить себѣ, что сообщенія, которыя я имѣю сдѣлать президенту, могутъ быть весьма важными!

Вдругъ она увидѣла одного знакомаго, нѣкогого Роза. Она рассказала ему обо всемъ, передала ему письмо и настаивала, чтобы онъ добился его прочтенія. Прошелъ цѣлый часъ, въ теченіе котораго она большими шагами измѣряла длину коридора въ оба направленія, заглядывая въ залъ каждый разъ, какъ только отворялась какая-нибудь дверь. Въ это время въ залѣ происходила страшная суматоха и когда Роза снова появился въ коридорѣ, то сообщилъ, что прочтеніе письма при господствовавшемъ шумѣ оказалось совер-

шенно невозможнымъ. Узнавъ, что предсѣдательское мѣсто занималъ теперь Геро-де-Сешелль, она поняла, что письмо ея вовсе не будетъ прочитано и просила вызвать къ себѣ Верньо.

Послѣдній вышелъ къ ней и тоже сказалъ о невозможности прочтенія письма. Онъ посовѣтовалъ ей самой войти въ залъ и стать за эстраду, что ей, какъ женщинѣ, принесетъ по всей вѣроятности больше пользы. Къ тому же, въ настоящее время обсуждается проектъ одного закона, состоящаго изъ шести статей, и прочтеніе ея письма врядъ ли можетъ произойти ранѣе, какъ часа черезъ полтора. Но она рѣшила воспользоваться этимъ промежуткомъ времени, чтобы съѣздить домой и посмотреть, что тамъ творится.

При входѣ въ подвѣздъ своего дома, привратникъ шепнулъ ей, что Роланъ отправился на квартиру хозяина дома, на заднемъ дворѣ; она спѣшитъ туда, обливаясь потомъ, взволнованная; ей предложили стаканъ вина и сообщили, что присланные съ приказомъ объ арестѣ приходили снова, не получивъ въ общественномъ совѣтѣ инструкцій по поводу протеста Ролана, а такъ какъ онъ и теперь на этомъ настаивалъ, то они, порѣшивъ составить объ этомъ протоколъ, снова удалились. Роланъ же куда то ушелъ, но ей непремѣнно хотѣлось повидаться съ нимъ, поставить его въ извѣстность о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, и она направилась въ поиски. Найдя его въ домѣ одного изъ друзей, она рассказала ему обо всемъ и, несмотря на поздній часъ, было уже болѣе 10 часовъ вечера, и что такіе выходы ея слѣдовали за освобожденіемъ отъ перенесенной ею болѣзни, очутившись на освѣщенной, но опустѣвшей улицѣ, рѣшила снова ѣхать въ Каруссель. Но засѣданіе оказалось уже закрытымъ.

Садясь въ карету, она замѣтила довѣрчиво ласкающуюся къ ней не имѣвшую пристанища собаку, кото-

рую, изъ состраданія, взяла къ себѣ. Едва она проѣхала нѣкоторое разстояніе, какъ кучеръ, по оклику патрульнаго, долженъ былъ остановиться; дверцы кареты съ силою открылись.

— Кто тутъ?

— Гражданка!

— Откуда вы?

— Изъ Конвента.

Кучеръ подтвердилъ ея слова, какъ будто онъ бо-
ялся, что ей не повѣрятъ.

— Куда теперь вы направляетесь?

— Домой.

— Имѣете ли вы при себѣ цѣнности?

— Я ничего не имѣю, общителе!

— Но, засѣданіе уже закрыто?

— Именно, что и причиняетъ мнѣ горе, такъ какъ я должна была доставить туда жалобу.

— Женщина, и въ такой часъ, это непонятно, это весьма неосторожно!

— Конечно, это не можетъ происходить ежедневно и для меня ничего пріятнаго не представляетъ; только весьма важныя причины вынудили меня къ этому.

— Но, мадамъ, вѣдь, вы совсѣмъ одна?

— Какъ, милостивый государь, одна? Развѣ вы не видите въ моемъ обществѣ невинности и правды? что же нужно болѣе?

— Такъ и быть, я уступаю вашимъ убѣдительнымъ доводамъ.

— И хорошо сдѣлаете, а то вы очень настойчивы,— сказала болѣе любезнымъ тономъ мадамъ Роланъ.

Наконецъ, она опять дома. Едва она успѣла при-
сѣсть, это было уже въ полночь, какъ въ дверь ея постучались. Ей представилась многочисленная депутація общественнаго совѣта и потребовала Ролана.

— Но, гдѣ же онъ можетъ быть, — спросилъ одинъ изъ этихъ людей въ офицерской формѣ;— вамъ должны

же быть извѣстны его привычки и вы не можете не представить себѣ времени его возвращенія?

— Мнѣ неизвѣстно, — отвѣчала мадамъ Роланъ, — уполномочиваетъ ли васъ вашъ приказъ задавать мнѣ подобные вопросы; но я знаю, что ничто не заставитъ меня отвѣчать вамъ на это. Роланъ вышелъ изъ дому въ то время, когда я была въ Конвентѣ; къ тому же, онъ могъ и не предупредить меня и мнѣ больше ничего добавлять вамъ!

Послѣ этого, весьма недовольная такой неудачей, банда удалилась, оставивъ часового у дверей квартиры и караульных у домовыхъ воротъ. Мадамъ Роланъ почувствовала, что теперь уже ничего болѣе не оставалось какъ собраться съ силами, чтобы по возможности защищаться противъ всего, что еще можетъ случиться. Она изнемогала отъ усталости; немного поѣвъ и написавъ письмо, которое довѣрила своей преданной служанкѣ, она легла въ постель. Проспавъ въ теченіе одного часа довольно крѣпко, она должна была встать, такъ какъ въ комнату вошла служанка и сказала, что пришли члены партіи и хотятъ говорить съ ней.

— Я понимаю, что это значитъ, — отвѣтила она. — Ступайте, дитя мое, я не заставлю ихъ долго ждать.

Она вскочила съ постели и быстро одѣлась. Служанка была удивлена, увидѣвъ ее не въ капотѣ, а въ платьѣ.

— Надо же быть прилично одѣтой, если собираешься выходить, — замѣтила мадамъ Роланъ.

Бѣдная дѣвушка пристально посмотрѣла на нее и глаза ея наполнились слезами. Она вышла въ другую комнату. Одинъ изъ толпы приблизился къ ней и сказалъ:

— Мы пришли, гражданка, чтобы арестовать васъ и, согласно закона, опечатать ваше имущество.

Мадамъ Роланъ спросила:

— Гдѣ ваши полномочія?

— Вотъ они, — сказалъ онъ, вынимая изъ кармана приказъ революціоннаго комитета, въ которомъ, однако, не было упомянуто никакого повода къ аресту и препровожденію ея въ тюрьму Аббатства. На это мадамъ Роланъ замѣтила:

— Я могла бы сказать вамъ то же самое, что и Роланъ, что комитета этого я не знаю, его приказамъ не подчиняюсь и что вы только силою можете меня вытащить отсюда.

— Здѣсь имѣется еще приказъ, — поторопился проинести другой человекъ изъ этой группы почтительнымъ тономъ и прочиталъ приказъ общественнаго совѣта, которымъ, также безъ указанія причинъ, дѣлалось распоряженіе объ арестѣ Ролана и его супруги.

Во время чтенія этого приказа, мадамъ Роланъ обдумывала, слѣдуетъ ли ей сопротивляться до послѣдней крайности, или же просто подчиниться. Она хотѣла сослаться на законъ, запрещавшій ночные аресты; но, что значать законы тамъ, гдѣ господствуетъ лишь грубое насиліе! Съ другой стороны, и эти невѣжественные люди переступяютъ всякія границы, когда увидятъ, что имъ сопротивляются! Мадамъ Роланъ спокойно спросила ихъ, какъ же намѣрены они поступить. Они отвѣтили, что послали уже за судьей. Когда пришелъ судья, то они вошли въ залъ и вездѣ наложили установленныя печати. Одинъ особенно усердный требовалъ даже, чтобы печать наложена была и на фортепьяно. Съ трудомъ мадамъ Роланъ удалось достигнуть того, чтобы ей позволили взять изъ шкафовъ бѣлье и платья для дочери и самые необходимые предметы лично для себя.

Во все это время приходили въ квартиру и уходили постороннія лица съ улицы, толпою до сотни человекъ; воздухъ былъ совершенно испорченъ; но комиссары не осмѣливались препятствовать этимъ любопытнымъ, и хотя тотъ или другой отваживался на роб-

кую просьбу, но она оставалась безъ послѣдствій. При этомъ, повсюду были разложены всякія вещи, которыя легко можно было утащить безъ того, чтобы кто-нибудь могъ это замѣтить или отнять.

Вынужденная переносить всѣ подобныя сцены, мадамъ Роланъ присѣла къ столу, чтобы написать письмо одному пріятелю, которому она поручала попечительство надъ своей дочерью. Когда комиссаръ потребовалъ просмотра письма, она его разорвала, чтобы не повредить другу.

Въ семь часовъ утра мадамъ Роланъ покинула свою дочь, которую должна была оставить на попеченіе своихъ слугъ, уговаривая ихъ успокоиться и вооружиться терпѣніемъ; по ихъ слезамъ, она чувствовала всю ихъ преданность и уваженіе къ себѣ, но ничто не могло заставить ее лишиться присутствія духа.

— Вы окружены людьми, которые васъ любятъ, — замѣтилъ комиссаръ.

— Я никогда другихъ и не имѣла, — отвѣтила мадамъ Роланъ и сошла съ лѣстницы.

Передъ подъѣздомъ, отъ площадки лѣстницы до кареты на другой сторонѣ улицы, стояли двѣ шпалеры вооруженныхъ людей и много любопытныхъ. Мадамъ Роланъ небольшими шагами шла бодро впередъ, внимательно разсматривая эту малодушную, но обольщенную толпу. Вооруженная стража слѣдовала по обѣимъ сторонамъ кареты. Народъ все время сопровождалъ этотъ поѣздъ и кричалъ:

— На гильотину!

Комиссаръ спросилъ мадамъ Роланъ, не желаетъ-ли она, чтобы занавѣски у каретныхъ дверей были спущены.

— Нѣтъ, милостивый государь, — отвѣчала она, — невинность, даже если она и сильно угнетается, никогда не приметъ облика виноватыхъ. Я не страшусь человѣческихъ взглядовъ и не хочу скрываться отъ нихъ.

Комиссаръ высказалъ, что въ ней больше мужества, нежели у многихъ мужчинъ, и что она должна спокойно ожидать правосудія.

— Если бы правосудіе дѣйствительно выполнялось, то въ настоящее время я не была бы въ вашей власти, а чрезвычайно несправедливое примѣненіе его поведетъ меня на эшафотъ, на который я вступлю съ одинаковой твердостью и спокойствіемъ, какъ и сейчасъ отправляюсь въ тюрьму. Я вздыхаю о моемъ отечествѣ, но вижу ошибку, что считала его созрѣвшимъ для свободы и благоденствія. Я высоко цѣню жизнь; ничего другого я не страшилась, какъ преступленія, презираю несправедливость и хладнокровно смотрю въ глаза смерти, — сказала она этому жалкому комиссару, который едва ли много понялъ изъ сказаннаго и, конечно, принялъ слова ея за „аристократическую болтовню“.

Наконецъ, стали подъѣзжать къ Аббатству, мѣсту дѣйствій пресловутыхъ кровавыхъ событій. Сначала мадамъ Роланъ ввели въ небольшую мрачную комнату, гдѣ стояли шесть походныхъ кроватей, на которыхъ лежало такое же количество мужчинъ. Когда открыли тюремныя ворота, эти люди встали, и началось движеніе, послѣ чего провожатые повели мадамъ Роланъ по узкой грязной лѣстницѣ. Дошли до квартиры тюремнаго смотрителя и ввели ее въ нѣчто похожее на гостиную, содержащуюся довольно опрятно, предложивъ ей кресло. Мадамъ Роланъ спросила милостивую жену тюремнаго смотрителя, какое помѣщеніе предназначено ей. Женщина эта сказала, что не была предупреждена о прибытіи мадамъ Роланъ, поэтому никакого помѣщенія она еще не могла приготовить, но что пока она можетъ оставаться у нея.

Для содержанія мадамъ Роланъ предписаны были весьма строгія правила; но, она сама рассказываетъ, что тюремный смотритель былъ честный, веселый и услужливый человѣкъ, который въ отправленіе своихъ

служебныхъ обязанностей вкладывалъ все, что могли ему внушить справедливость и человѣколюбіе. По ея просьбѣ, ей предложили къ завтраку даже баваруазъ *). Прежде чѣмъ удалиться, комиссаръ позволилъ себѣ выразиться, что Ролану не слѣдовало бы скрываться, разъ онъ невиновенъ. Мадамъ Роланъ не могла воздержаться, чтобы не сказать ему въ отвѣтъ слѣдующихъ рѣзкихъ словъ:

— Достоино удивленія, что такой человѣкъ, который оказалъ столько услугъ свободѣ, могъ оказаться въ числѣ подозрѣваемыхъ. Министра, прошлое котораго такъ ясно, отчетъ котораго такъ искрененъ, видѣть оклеветаннымъ и преслѣдуемымъ съ такимъ ожесточеніемъ, просто отвратительно. Онъ справедливъ какъ Аристидъ, строгъ какъ Катонъ, и эти добродѣтели, кажется, доставили ему только враговъ; ихъ бѣшенство не вѣдаетъ никакихъ границъ. Если бы они направили его лишь противъ меня, то я презрѣла бы ихъ и пожертвовала бы собой. Но онъ долженъ быть сохраненъ для своей страны, которой можетъ еще оказать большія услуги.

Сопровождавшіе ее ушли смущенные. Пока для нея приготовляли помѣщеніе, мадамъ Роланъ спокойно позавтракала. При этомъ жена тюремнаго смотрителя сказала ей, что она можетъ провести у нея весь день; въ случаѣ, если до вечера не отвѣдутъ ей помѣщенія, то можно будетъ приготовить постель въ гостиной. Она сказала еще нѣсколько любезныхъ словъ, между прочимъ о томъ, какъ она каждый разъ страдала, когда видѣла, что какая-либо личность ея пола поступаетъ сюда, тѣмъ болѣе, что не всѣ такъ мужественны, какъ мадамъ Роланъ.

Мадамъ Роланъ, улыбаясь, поблагодарила ее за ея

*) Напитокъ изъ сиропа отъ растенія, такъ-наз., „женскій волосъ“.

участіе, послѣ чего эта особа удалилась и заперла за собою дверь.

„Итакъ, я въ тюрьмѣ, сказала я себѣ. Я сѣла и серьезно задумалась надъ своимъ положеніемъ. Не буду смѣшивать моменты, только что прошедшіе, съ тѣми, которые считаютъ счастливейшими въ моей жизни; я никогда не утрачу о нихъ воспоминанія. Они заставили меня почувствовать всю тягость моего положенія, съ тревожнымъ, неизвѣстнымъ будущимъ, и все значеніе силы и честности, заключающихся въ доброй совѣсти и большомъ мужествѣ. До сихъ поръ событія влекли меня за собой, и всѣ поступки мои въ этомъ переломѣ судьбы были слѣдствіемъ живѣйшаго чувства, которое и обрвалось вмѣстѣ съ ними; какую пріятность даетъ сознаніе, что всѣ они могутъ быть оправданы. Я вызвала въ своемъ воспоминаніи прошлое, обдумала наступающія событія, и если, прислушиваясь къ голосу чувствительнаго сердца, нашла въ себѣ нѣкоторыя увлеченія, то все же не нашла въ нихъ ни одного такого, которое заставило бы меня устыдиться, которое не питало бы моего духа и, въ то же время, могло бы обладать надъ нимъ. Я посвятила себя, такъ-сказать, добровольно своей судьбѣ, какою бы она ни была, и сама напросилась на ея жестокость. Я впала въ такое расположеніе духа, когда становятся болѣе склонными воспринимать настоящее, не заботясь ни о чемъ другомъ. Но такое спокойствіе, касающееся лично меня, я бы не осмѣлилась распространить въ себѣ на судьбу моего отечества и моихъ друзей. Съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ожидала я вечерней газеты и съ напряженіемъ прислушивалась къ крикамъ на улицѣ“.

Мадамъ Роланъ освѣдомилась у тюремнаго смотрителя о данныхъ ему относительно нея предписаніяхъ. Онъ всѣ ихъ перечислилъ, но сказалъ, что не будетъ очень строго придерживаться ихъ. Относительно могущихъ быть посѣщеній, онъ посовѣтовалъ мадамъ Роланъ

предупредить своихъ друзей, чтобы они вызывали не ее, а его жену, и, такимъ образомъ, кромѣ облегченія свиданій, о нихъ никто ничего не узнаеть.

Какъ иногда странно случается, что сами обстоятельства заставляютъ находить человѣку похвалу за его дѣйствія! Когда Роланъ былъ еще первый разъ министромъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что тюрьмы находятся въ ужасномъ состояніи запущенности. Желая упорядочить это дѣло, онъ пригласилъ нѣкогого извѣстнаго ему Гранпре и назначилъ его въ нѣкоторомъ родѣ инспекторомъ тюремъ, возложивъ на него обязанность о всѣхъ замѣченныхъ имъ недостаткахъ докладывать министру; заключеннымъ же, по возможности, оказывать всяческія попеченія и облегченія. Страшно подумать, сколько невинныхъ томилось въ то время въ разныхъ тюрьмахъ! Первое посѣщеніе, которое приняла въ Аббатствѣ мадамъ Роланъ, было посѣщеніе Гранпре. Онъ торопился сюда, сильно огорченный. Мадамъ Роланъ увѣряетъ, что никогда еще не испытывала на себѣ такого признака участія, какое выказалъ ей Гранпре. Къ этому онъ присоединилъ чувство благородной признательности, и она по достоинству оцѣнила въ немъ такой поступокъ. Онъ посоветовалъ ей написать въ національный Конвентъ, на что она немедленно же согласилась, и обѣщала зайти черезъ два часа за письмомъ. Содержаніе письма заключало въ себѣ описаніе ея ареста и водворенія въ тюрьму. Она жаловалась на незаконность поступка съ нею и требовала восстановленія своихъ правъ присущимъ ей благороднымъ и свободнымъ языкомъ. Гранпре взялъ это письмо, но на другой же день вернулъ его обратно, посоветовавшись съ Шампанье, однимъ изъ друзей мадамъ Роланъ. Оба пришли къ заключенію, что вступленіе слѣдовало бы написать въ болѣе мягкомъ тонѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо послать нѣсколько строкъ министру внутреннихъ дѣлъ, который уже отъ себя официально на-

править письмо въ Конвентъ. Она дѣлала все, что ей совѣтовали, но не слишкомъ охотно.

На другой день она осмотрѣла свою камеру и обдумала, какъ ей тамъ устроиться. Небольшой, очень грубого издѣлія, столъ она накрыла чистой салфеткой и придвинула его къ окну, предназначая его для письменныхъ работъ; она хотѣла содержать его въ чистотѣ и порядкѣ, такъ какъ обѣдать полагала на выступѣ отъ камина. Въ карманѣ ея платья оказался томикъ стихотвореній Томпсона, которыя она очень любила; но тутъ же она составила списокъ книгъ, которыя хотѣла получать для чтенія, напр., творенія Плутарха, не перечитанныя ею со времени ея дѣтскаго возраста, и англійскую исторію Юма. Она даже смѣялась надъ всѣми этими приготовленіями, вызывавшими столько хлопотъ, въ то время какъ снаружи ежеминутно доносились звуки сигнальной трубы и крики. „Они не могутъ“, говорила она, „препятствовать мнѣ до послѣдняго момента жить съ спокойною совѣстью, счастливые чѣмъ они, возбужденные своимъ бѣшенствомъ; я иду имъ навстрѣчу и ухожу отъ жизни такъ, какъ уходятъ на покой. Въ такихъ размышленіяхъ она была потревожена приходомъ жены тюремнаго смотрителя, которая и пригласила ее въ свою квартиру, гдѣ была посѣтительница—служанка мадамъ Роланъ. Лишь только это доброе существо, обливаясь слезами и дрожа отъ волненія, бросилось въ ея объятія, мадамъ Роланъ смутилась; при видѣ страдающей близкой и сочувствующихъ ей лицъ, сердце ея всегда сжималось. Мадамъ Роланъ рассказываетъ, что эта дѣвушка, кажется, только и жила заботами о ней и постоянно хлопотала о содержаніи наготовѣ всего того, что могло служить для ея здоровья и спокойствія въ домашнемъ быту. Когда мадамъ Роланъ случалось дѣлать ей замѣчанія, то эта дѣвушка огорчалась такъ сильно, что ей же потомъ приходилось и утѣшать ее. То же самое ей пришлось дѣлать и въ данный моментъ.

Она объясняла ей, что мало принесетъ ей пользы теперь, если будетъ слишкомъ предаваться отчаянію; и когда та просила, какъ милости, оставить ее у себя, то мадамъ Роланъ возразила, что внѣ тюрьмы она ей не-обходимѣе, чѣмъ здѣсь. Она старалась увѣрить ее, что все это, вмѣстѣ взятое, вовсе не дѣлаетъ ее такою несчастною, какъ можно себя представить, и это отчасти была правда. Когда мадамъ Роланъ случалось хворать, то обыкновенно на нее находило спокойствіе совсѣмъ особаго рода, при чемъ она поставила себя за правило никогда не препятствовать другимъ дѣлать то, что могло имъ казаться нужнымъ для облегченія ея положенія.

Въ тѣ промежутки, когда она лежала въ постели, ей казалось, что всѣ ея обязанности прекращались, и что никакая забота о ней, въ сущности, не имѣетъ значенія. Разъ она была вынуждена пребывать тамъ, то дѣлала это съ удовольствіемъ. Она давала полную свободу своему воображенію, вызвала въ себя пріятныя воспоминанія о пережитомъ, испытывая при этомъ какое-то пріятное ощущеніе. Избѣгая какихъ-либо напряженій ума и терпѣливо перенося всякія страданія, она была спокойна, и это значительно содѣйствовало сохраненію ея бодраго расположенія духа. Такъ и теперь, сравнивая свое вынужденное пребываніе въ тюрьмѣ съ болѣзнью, она увѣряла, что оно производитъ на нее такое же дѣйствіе, какъ и послѣдняя; это вынужденное пребываніе въ тюрьмѣ ни къ чему ее не обязываетъ, привычка же къ уединенію дала здѣсь недурныя послѣдствія.

Подъ окномъ ея камеры стояли часовые, и всю ночь мадамъ Роланъ должна была слушать ихъ громовые голоса: „Кто идетъ? Стрѣляй! Капраль! Патруль!“ Она часто просыпалась, но почти всегда могла опять скоро заснуть. По утрамъ она все убирала сама, предпочитая деньги, которыя должна была бы платить за эти услуги,

сберегать для того, чтобы помогать бѣднымъ заключеннымъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала она, когда отодвинуть тяжелый засовъ и повернуть ключъ въ замкѣ, чтобы передать ей утреннюю газету. Когда она прочитала приказъ объ арестѣ двадцати-двухъ жирондистовъ, газета выпала изъ ея рукъ и она съ глубокою горечью вскрикнула: „Мое отечество погибло!“ Она полагала, что томиться въ тюрьмѣ приходилось только ей одной, и была бодрой и спокойной, пока сохраняла надежду, что защитники свободы останутся неприкосновенными и могутъ еще спасти отечество. Но теперь все это исчезло! Прошелъ четвертый день, а мадамъ Роланъ все еще не вызывали къ допросу, и она написала по этому поводу жалобу. Первое письмо ея, несмотря на большія старанія Гранпре, такъ и не попало по своему назначенію.

Мадамъ Роланъ имѣла право доставлять себя за свои деньги всевозможныя облегченія и улучшенія, но она имъ совсѣмъ не пользовалась, желая провѣрить и испытать свои силы въ лишеніяхъ. Она почувствовала даже удовольствіе въ такомъ испытаніи, дающемъ возможность увидѣть, до какой степени человѣческое тѣло въ состояніи ограничивать свои потребности. Но она находила, что выполнять эту задачу необходимо постепенно, если желательно получить надлежащій результатъ. Изъ завтрака она отмѣнила шоколадъ и кофе и начала довольствоваться водой и хлѣбомъ; къ обѣду она брала кусокъ варенаго мяса и немного овощей, вечеромъ же только овощи. Всякіе напитки уже совершенно были изгнаны при ѣдѣ. Потребляя такую скромную пищу, она каждый разъ радовалась при мысли о сбереженіи, которое шло въ пользу бѣдняковъ, а равно и о томъ тайномъ благословеніи, которое они ей посылали. Нѣкоторую часть денегъ она отдавала и служителямъ, какъ-будто они для нея что-либо дѣлали, несмотря на то, что она, какъ уже было сказано, всякую

работу для себя производила сама; она просто не хотѣла лишать ихъ мелкихъ заработковъ, которыми они нѣсколько увеличивали свое скудное содержаніе.

Нѣкто Боскъ, одинъ изъ друзей мадамъ Роланъ, взялъ къ себѣ ея маленькую дочь, поручивъ ее попеченіямъ превосходной женщины, по имени Крезэ Ля-Тушъ, гдѣ она была принята какъ дитя собственной семьи и заботливо воспитывалась. Вотъ какъ мадамъ Роланъ изображаетъ этого ребенка въ своихъ мемуарахъ: „Я имѣю маленькую, достойную любви, дочь, но отъ природы она холодна и лѣнива. Я старалась подавать ей хорошіе примѣры, которые, будучи воспринятыми въ ея возрастѣ, уже никогда послѣ не забудутся, и она будетъ хорошей женщиной съ нѣкоторыми дарованіями, но ея упрямая душа и не особенно высокій умъ никогда не дадутъ моему сердцу той настоящей радости, на которую оно могло надѣяться. Ея воспитаніе можетъ завершиться и безъ меня, ея существованіе доставитъ много радостей отцу. Но она никогда не пойметъ ни моихъ горячихъ чувствъ, ни страданій и радостей. И однако, если мнѣ суждено еще разъ вернуться въ этотъ міръ, съ правомъ выбора своихъ предначертаній, то я не хотѣла бы быть сотворенной изъ другого вещества и умоляла бы боговъ, чтобы они сотворили меня опять такую же, какою я была первый разъ“.

Ея дочь, безъ всякаго сомнѣнія, находилась въ хорошихъ рукахъ; своя собственная участь казалась ей нестоющею особаго состраданія; но участь своего мужа она считала достойной сожалѣнія. Его преслѣдовали, включивъ въ списки преступниковъ, отказывались разсматривать его отчетъ; онъ вынужденъ былъ скрываться отъ слѣпой ярости своихъ враговъ, прятаться подобно несостоятельному должнику и дрожать за участь тѣхъ добрыхъ людей, которые дали ему у себя убѣжище. При всемъ этомъ, онъ долженъ былъ подавить въ

себѣ мученія по поводу сидѣнія въ тюрьмѣ своей жены, опечатанія своихъ пожитковъ и цѣнностей и съ неувѣренностью ожидать неизвѣстнаго правосудія, которое никогда не будетъ въ состояніи вознаградить его за все то, что оно у него отняло и какія страданія оно ему причинило!

Восемь дней уже прошло, о допросѣ же не было и помину. Мадамъ Роланъ написала министру юстиціи, напоминая о своемъ правѣ требовать исполненія законовъ. Она писала также министру внутреннихъ дѣлъ и депутату Дюлору. Во всѣхъ этихъ письмахъ она жаловалась на свое положеніе, увѣряла въ своей невинности, обращала вниманіе на несправедливость содержанія ея такъ долго въ заключеніи безъ допроса, не извѣщая ее даже о причинахъ этого заключенія. 12 іюня пришелъ, наконецъ, въ тюрьму Аббатства полицейскій комиссаръ Лувэ для допроса мадамъ Роланъ. Послѣ цѣлаго ряда пытливыхъ вопросовъ и вывѣдываній, ей все-таки не сообщили основанія ея ареста! Черезъ нѣсколько дней дознаніе это повторили, но потребовали, чтобы мадамъ Роланъ отвѣчала только „да“ или „нѣтъ“. Ея прежніе отвѣты объявили странной болтовней и злобно замѣтили, что здѣсь не министерскій дворецъ, гдѣ можно было бы забавляться остроуміемъ!

Въ особенно мрачномъ настроеніи находился при допросѣ публичный обвинитель, не скрывавшій своей предвзятой мысли, какъ-будто онъ былъ убѣжденъ, что видитъ передъ собой тяжкую преступницу и недоволенъ тѣмъ, что долженъ еще это доказывать. Когда судья обращался къ ней съ вопросами, которые не удовлетворяли взглядамъ публичнаго обвинителя, то послѣдній ставилъ ихъ въ другой формѣ, распространялъ ихъ и дѣлалъ болѣе запутанными и коварными; онъ ежеминутно перебивалъ мадамъ Роланъ и требовалъ въ ея отвѣтахъ побольше краткости. Въ дѣйстви-

тельности, это было продолжительнымъ мученіемъ. Мадамъ Роланъ допрашивали три часа подъ-рядъ, послѣ чего былъ сдѣланъ перерывъ, чтобы допросъ возобновить вечеромъ. Желаніе обвинить ее было очевиднымъ. Она, конечно, не хотѣла омрачать дни свои малодушіемъ заперательства; но рѣшила быть и менѣе откровенной, чтобы посредствомъ какого-либо лишняго слова не давать злонамѣренному публичному обвинителю возможности облегчить свою работу, который, казалось, желалъ, чтобы, посредствомъ отвѣтовъ мадамъ Роланъ на ревностно измышляемые вопросы, обвинительный актъ вышелъ какъ можно длиннѣе.

Когда мадамъ Роланъ, въ концѣ второго допроса, отказалась дать какія-либо свѣдѣнія о Роланѣ, сказавъ, что обвиняемый обязанъ давать показанія только о себѣ, но не о другихъ, публичный обвинитель пришелъ въ бѣшенство и вскричалъ, что съ подобной пустомелей никогда не управиться, закончивъ слѣдствіе.

— Какъ мнѣ васъ жалко,—весело сказала мадамъ Роланъ.—Я прощаю вамъ даже неучтивость, которую вы позволили себѣ въ отношеніи меня, въ предположеніи, что передъ вами великая преступница. Вы недовольны, что вамъ приходится это доказывать; но какъ несчастливъ тотъ, кто руководствуется такими предубѣжденіями! Вы можете отправить меня на эшафотъ, но не въ состояніи отнять радости, которую доставляетъ чистая совѣсть и убѣжденіе, что потомство отмститъ за Ролана и меня, обвинивъ нашихъ преслѣдователей въ подлости. Вмѣсто зла, которое причиняете мнѣ вы, я желаю вамъ такого же спокойствія, какимъ обладаю я, еслибъ это могло быть вознагражденіемъ за ваше чрезмѣрное усердіе.

Мадамъ Роланъ пользовалась временемъ своего заключенія для составленія мемуаровъ. Она составляла ихъ съ такою поспѣшностью и такъ была счастлива

за этой работой, что по истеченіи мѣсяца рукопись была готова и составила довольно объемистый томъ, которую она желала видѣть изданною подъ заглавіемъ „Notices historiques“ *). Мы уже знаемъ о ея предположеніи, будто бы другъ, которому она довѣрила рукопись, сжегъ ее изъ опасенія. Она говоритъ, что, если бы ей представлялся выборъ, она сама себя сожгла бы, чѣмъ подвергать такой участи драгоценныя записки, предназначенныя для оправданія Ролана и своего въ глазахъ потомства. Эта мнимая утрата была жестокимъ испытаніемъ въ ея столь богатой горемъ и превратностями жизни.

Въ этихъ историческихъ замѣткахъ даны ею подробности о событіяхъ и лицахъ, игравшихъ видную роль въ общественной жизни и которыя она могла изучить благодаря своему положенію. Она писала свободно, со свойственной ей энергичному характеру непринужденностью, правдивостью и съ тою гибкостью ума, которыя преобладаютъ надъ всѣми личными разсужденіями; однимъ словомъ, она съ удовольствіемъ изобразила все то, что видѣла или чувствовала, съ увѣренностью, что эти замѣтки послужатъ во всякомъ случаѣ хорошимъ матеріаломъ для будущаго историка. Несмотря на страшную запутанность обстоятельствъ и событій, частью влѣвшихъ одно на другое, частью одно изъ другого вытекавшихъ, всѣ они освѣщены ею вполне оригинально и въ строгой послѣдовательности.

Нѣкоторое время мадамъ Роланъ была больна и лежала въ больницѣ. Шли мѣсяцы со дня ея заключенія въ Аббатствѣ. Все это время, даже и въ болѣзненномъ состояніи, она проводила въ занятіяхъ наукой и сочиненіи. Однажды ее навѣстила мадамъ Лувэ, о которой мадамъ Роланъ говоритъ, что она не блистала умомъ и знаніями, но соединяла въ себѣ прелесть своего

*) „Историческія замѣтки“.

пола съ чувствительностью благородной души, что дѣлало ее весьма привлекательной и составляло ея преимущество. Эта женщина нашла способъ и дорогу проникнуть къ ней въ тюрьму. „Я была очень удивлена, увидѣвъ ея нѣжное лицо и почувствовавъ себя въ ея объятіяхъ, орошенной ея слезами. Я считала ее ангеломъ, и она, дѣйствительно, была таковымъ, такъ какъ была добра и прекрасна; она употребила всѣ усилія, чтобы собрать свѣдѣнія о моемъ лучшемъ другѣ (Бюзо) и даже нашла средство передавать ему мои письма. Это утѣшеніе заставило меня забыть о моемъ заключеніи“.

Въ тотъ же день пришла жена тюремнаго смотрителя, предложивъ мадамъ Роланъ сойти внизъ, гдѣ дожидался желавшій ее видѣть какой-то чиновникъ. Въ это время ей нездоровилось и она лежала въ постели; но тотчасъ же встала и сошла внизъ. Тамъ она увидѣла двухъ мужчинъ, которые сказали ей, что они пришли освободить ее. Но это сообщеніе не очень обрадовало мадамъ Роланъ. Она сказала, что это вполне справедливо; но какъ ей быть, чтобы попасть въ свою квартиру, въ которой все опечатано. Чиновникъ обѣщаль ей въ теченіе дня устранить это препятствіе. Послѣ этого онъ принялъ развязный видъ, стараясь внушить къ себѣ довѣріе, говорилъ о разныхъ вещахъ и, наконецъ, какъ бы невзначай, спросилъ, не знаетъ ли она, гдѣ находится Роланъ. При этомъ вопросѣ она улыбнулась и сказала, что онъ недостаточно благоразумно поставленъ, а потому и не заслуживаетъ отвѣта. Разговоръ наскучилъ ей, и мадамъ Роланъ пошла обратно въ свою камеру, чтобы собрать и упаковать свои вещи. Добрая служанка заплакала слезами радости, придя помочь мадамъ Роланъ при ея сборахъ.

Когда мадамъ Роланъ занимала проѣзжавшую мимо карету, то была очень удивлена, увидѣвъ чиновника у выходныхъ воротъ. Она приказала везти себя домой,

хотѣла сдать тамъ свои вещи, чтобы сейчасъ же отправиться на свиданіе къ дочери. Проворно выскочивъ изъ кареты, когда она остановилась передъ подъѣздомъ, и привѣтливо раскланявшись съ привратникомъ, она быстро поспѣшила на лѣстницу. Не успѣла она пройти и четырехъ ступенекъ, какъ услышала за собой крикъ двухъ слѣдовавшихъ за нею мужчинъ:

— Гражданка Роланъ!

— Что вамъ угодно?—спросила она, обернувшись.

— Мы арестуемъ васъ именемъ закона,—послѣдовалъ рѣзкій отвѣтъ.

„Кто способенъ чувствовать, тому не придется задуматься надъ тѣмъ, чтобы понять, что я пережила въ этотъ мигъ. Я заставила прочесть себѣ приказъ объ арестѣ и тотчасъ же приняла одно рѣшеніе; я сошла съ лѣстницы и быстро пересѣкла дворъ“.—„Куда вы идете?“ спросили полицейскіе.—„Къ хозяину дома, къ которому у меня есть дѣло; слѣдуйте за мною“. Хозяйка сама открыла дверь и засмѣялась отъ радости. „Позвольте мнѣ присѣсть и перевести духъ“, сказала мадамъ Роланъ; „но не радуйтесь; меня сейчасъ освободили, но, кажется, это только грубое издѣвательство“.

Она поспѣшно написала своимъ друзьямъ объ этомъ происшествіи; затѣмъ ее повезли въ тюрьму Сентъ-Пеллажи. Ей казалось весьма страннымъ, что, будучи освобожденной вслѣдствіе отсутствія какого-либо повода къ содержанію ея въ заключеніи, на пути изъ Аббатства къ дому успѣла сдѣлаться подозрительной, а потому она желаетъ знать, какія основанія послужили для ея новаго ареста. Слѣдственный судья сказалъ ей, что ея первый арестъ былъ незаконнымъ, а потому ее нужно было освободить для того, чтобы облечь арестъ въ законную форму.

Когда она прибыла въ тюрьму, ей было предоставлено на выборъ: помѣститься въ одиночную камеру

или вмѣстѣ съ какой-либо другой заключенной; она предпочла первое. Въ этой тюрьмѣ всѣ предметы обстановки пріобрѣтались самими заключенными; равнымъ образомъ, они должны были покупать себѣ и продовольствіе, если не могли выносить тюремной пищи. Правительство предоставляло каждому заключенному только одну порцію бобовъ и полфунта хлѣба въ день. Тюремный смотритель предупредилъ мадамъ Роланъ, что ей трудно будетъ выдерживать это. Но если такая пища ни въ чемъ не походила на ту, къ которой она привыкла, ей все-таки не хотѣлось пріобрѣтать себѣ другой; ей нравилось приспособляться ко всякому положенію, измѣрять свои силы и смѣло смотрѣть судьбѣ въ лицо. Однако, слабое состояніе здоровья и недостатокъ въ движеніи не позволяли ей продолжительнаго выполненія своего намѣренія. Ея мужество позволяло ей спокойно выносить новое несчастіе, но она чувствовала себя оскорбленной грубою хитростью, съ которой ей дали немного насладиться свободой для того, чтобы опутать ее новыми узами! Прежнее опредѣленіе называли неправильнымъ, допустили новый произволъ и придали ему законную форму. Мадамъ Роланъ находилась въ такомъ настроеніи духа, въ которомъ всякія впечатлѣнія чувствительнѣе отражались на состояніи ея здоровья. Она легла въ постель, но не могла спать. Умѣя владѣть собой, она находила глупымъ хотя немного сопротивляться преслѣдованіямъ, но не могла побороть въ себѣ чувства оскорбленія. Ея преслѣдователи покрыли себя только новымъ позоромъ и, въ сущности, мало измѣнили ея положеніе, къ которому она успѣла уже привыкнуть. Она имѣла время и книги! Здѣсь легче, нежели внѣ тюремныхъ стѣнъ, могла она сосредоточиться въ себѣ самой и ей совсѣмъ не нужно было притворяться. Въ концѣ-концовъ, она разсердилась сама на себя за то, что предалась излишнимъ волненіямъ. Запасшись новыми силами, она рѣ-

шила проводить время съ пользой; сознавая въ себѣ сильную душу, поддерживавшую въ ней независимость, она приводила въ заблужденіе своихъ жестокихъ враговъ. Ей пришла охота заняться рисованіемъ, въ чемъ она давно уже не упражнялась.

Женское отдѣленіе въ тюрьмѣ Сень-Пелажи было расположено по длинному, но очень узкому коридору, въ который выходили двери отъ маленькихъ камеръ. Здѣсь, отдѣленная лишь тонкой оштукатуренной перегородкой, жила мадамъ Роланъ подъ одной кровлей съ публичными женщинами и убійцами; ближе всѣхъ къ ней помѣщалась одна изъ тѣхъ тварей, которая занималась постыднымъ ремесломъ сводничества и торговлей невинностью; далѣе, женщина, уличенная въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ и въ разорваніи на куски, вмѣстѣ съ нѣсколькими соучастниками, на большой дорогѣ, существа своего же пола. Каждая камера была снабжена большими замками и засовами; по утрамъ являлся открывать камеры мущина и дерзко въ нихъ заглядывалъ. Обитательницы камеръ собирались затѣмъ въ проходахъ, на лѣстницахъ, на небольшомъ дворѣ или въ сыромъ, зловонномъ залѣ, достойномъ мѣстѣ сбора этого отброса рода человѣческаго. Легко себѣ представить, что мадамъ Роланъ предпочитала оставаться въ своей камерѣ; но тѣснота и такое близкое сосѣдство все же не могли ее избавить отъ невольнаго подслушванія разговоровъ этихъ женщинъ, но такихъ разговоровъ, которыхъ ея уши никогда еще не слыживали и которые страшно ее возмущали. Картина будетъ полнѣе, если добавить, что изъ расположеннаго напротивъ зданія мужского отдѣленія, черезъ окна, доносились самые неприличные возгласы, сопровождаемые неприличными жестами. И это было мѣстомъ заключенія достойной супруги почтеннаго человѣка! „Если это на землѣ награда за добродѣтель, то пусть не удивляются моему пренебреженію жизнью и моей рѣшимости,

съ которой я сумѣю пойти навстрѣчу смерти. Никогда она не казалась мнѣ страшной; теперь же я нахожу въ ней даже прелесть! Я съ восторгомъ обняла бы смерть, если бъ не требовала отъ меня моя маленькая дочь не покидать ее еще; если бъ я знала, что мое добровольное отступленіе не дастъ въ руки клеветникамъ моего мужа новаго оружія, славу котораго я могла бы возвеллчить, когда его осмѣлились бы показать мнѣ передъ революціоннымъ трибуналомъ. Смерть, которую я съ радостью привѣтствую, могла бы явиться въ тюрьмѣ Сенъ-Пелажи для меня только желательной, если бъ меня не притягивали къ землѣ эти важныя соображенія! Моя стража, болѣе нежели я сама, хлопочетъ о моемъ положеніи и его облегченіи!“ Мадамъ Роланъ имѣла намѣреніе покончить самоубійствомъ, сначала посредствомъ яда; но такъ какъ ей нельзя было добыть его, то хотѣла уморить себя голодомъ. Но вскорѣ она отъ этой мысли отказалась.

„Необыкновенная жара въ іюлѣ дѣлала мою камеру невозможною для жилья. Жена тюремнаго смотрителя предложила мнѣ въ теченіе дня проводить время въ ея квартирѣ, чѣмъ я и пользовалась послѣ обѣда; мнѣ тогда пришла мысль просить ее поставить къ ней фортепіано, за которымъ я иногда и развлекалась. Я знала, что Роланъ находился въ надежномъ убѣжищѣ, гдѣ ему оказывали всякія утѣшенія и дружеское вниманіе; дочь моя была въ семьѣ почтенныхъ людей и продолжала получать образованіе подѣ ихъ наблюденіемъ совмѣстно съ ихъ дѣтьми, такъ что въ ея воспитаніи не произошло никакого ущерба. Мои укрывшіеся бѣгствомъ друзья находились въ Канѣ подѣ охраной значительныхъ силъ. Тотъ изъ нихъ, кто былъ для меня дороже всѣхъ, Бюзо, нашелъ средство и пути доставлять мнѣ свѣдѣнія о себѣ; я могла писать ему, и вѣрила, что мои письма будутъ доходить до него. Благоденствіе республики я видѣла въ предстоявшихъ великихъ со-

бытіяхъ; что касается моей собственной судьбы, то я могла еще считать себя счастливой. Счастіе зависитъ менѣе отъ внѣшнихъ явленій, нежели отъ разумныхъ взглядовъ на нихъ и личныхъ душевныхъ свойствъ. Я проводила полезнымъ и пріятнымъ способомъ свое время и часто имѣла свиданія съ четырьмя лицами, которыя навѣщали меня еще и въ тюрьмѣ Аббатства: честнымъ Гранпрэ, должность котораго давала ему на это право; аккуратнымъ Боскомъ, который приносилъ мнѣ цвѣты изъ ботаническаго сада, яркія краски, прекрасныя формы и нѣжный запахъ которыхъ скрашивали угрюмость мѣста моего заключенія; затѣмъ, симпатичнымъ Шампанье, который такъ убѣдительно уговаривалъ меня братья за перо, чтобы продолжать мои историческія замѣтки, и, наконецъ, моимъ добрымъ геніемъ (мадамъ Лувэ), который приносилъ мнѣ письма“.

Жена тюремнаго смотрителя Бушо добилаь, чтобы мадамъ Роланъ освободили отъ ея мерзкаго сосѣдства, и предоставила ей небольшую комнату рядомъ съ своей квартирой. Мадамъ Роланъ украсила окно цвѣтами, за которыми не стало замѣтно рѣшетки; въ эту же комнату были перенесены фортепіано, шкафъ и всѣ прочіе предметы, необходимые для занятій и обихода. По-временамъ мадамъ Роланъ могла забывать, что была арестанткой.

„Парижъ—какъ второй Вавилонъ; народъ стремится по его улицамъ на шутовскія торжества, любитъ казнями толпы несчастныхъ, которые приносятся въ жертву его дикаго невѣжества, въ то время, какъ кучка эгоистовъ наполняетъ театры или какъ малодушные граждане трусливо прячутся въ своихъ жилищахъ, гдѣ они также не увѣрены въ безопасности, если какому-нибудь сосѣду взбредетъ на умъ утверждать, что кто-либо изъ нихъ велъ неподходящій разговоръ, порицалъ 2-е іюня или сокрушался о гибели орлеанидовъ. О, мое отечество, въ какія нечистыя руки ты попало! Всѣ мои

друзья въ изгнаніи, Роланъ скрывается, и только благодаря этому, имѣющему не менѣе сходства съ тяжелымъ арестомъ, положенію онъ избѣгъ жестокости своихъ враговъ. Остается только, чтобы и эти немногіе друзья, давшіе ему убѣжище, подверглись такому же гоненію“.

Мадамъ Роланъ обсуждала планъ воспитанія своей дочери и вдругъ воскликнула: „Но, Боже мой! Вѣдь, я арестантка; она же живетъ отдѣльно отъ меня. Я не могу даже рѣшиться допустить, чтобы она пришла ко мнѣ, чтобы прижать ее къ своему сердцу. Ненависть распространяется даже на дѣтей тѣхъ, кого преслѣдуетъ тиранія, и дочь моя, съ ея дѣвственнымъ личкомъ и чудными бѣлокурыми волосами, не можетъ показаться на улицѣ безъ того, чтобы эти подглядывающія, приученныя ко лжи и отъ нея погибшія, твари не обращали на нее вниманія, какъ на отпрыскъ заговорщика. Жестокіе, какъ умѣете вы надрывать сердце матери!“

Однажды утромъ въ комнату мадамъ Роланъ вошелъ тюремный инспекторъ и, пораженный предоставленными ей удобствами, отправился съ выговоромъ къ мадамъ Бушо. Эта сказала, что мадамъ Роланъ больна и потому она помѣстила ее поближе къ себѣ, чтобы легче наблюдать за ней; кромѣ того, она часто играетъ на фортепіано, но инструментъ не помѣщается въ ея камерѣ. „Вотъ въ этомъ-то ей и слѣдовало отказать“, сказалъ инспекторъ и приказалъ, чтобы мадамъ Роланъ немедленно отправлялась въ свою камеру и чтобы надзирательница строго соблюдала равенство для всѣхъ заключенныхъ.

Онъ назвалъ это „равенствомъ“, когда мадамъ Роланъ будетъ опять находиться по сосѣдству съ непопулярными женщинами! Мадамъ Бушо была этимъ опечалена сильнѣе, чѣмъ можно было себѣ представить. Но мадамъ Роланъ утѣшала ее, выказывая большое спо-

койствіе и покорность судьбѣ. Онѣ пришли къ соглашенію, что мадамъ Роланъ будетъ на день опять сходить къ ней, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ и предаваться своимъ занятіямъ. Въ комнатѣ, гдѣ она передъ этимъ поселилась, все оставалось въ нетронutomъ видѣ.

Тѣмъ временемъ сосѣднія камеры наполнялись другими женщинами, сноситься съ которыми не представлялось постыднымъ, и съ нѣкоторыми она обращалась даже очень любезно.

Въ день казни Бриссо *), мадамъ Роланъ была переведена въ Консьержери, гдѣ и была помѣщена въ вонючій казематъ, съ кроватью безъ одѣяла, которое, впрочемъ, ей было любезно предложено однимъ заключеннымъ. На другой день ее допрашивалъ въ судебной камерѣ судья Давидъ, въ присутствіи публичнаго обвинителя и одного депутата.

Проектъ защиты передъ революціоннымъ трибуналомъ.

„Возбужденное противъ меня обвиненіе основано исключительно на подозрѣніи моего соучастія въ дѣйствіяхъ лицъ, которыхъ назвали заговорщиками. Мои дружественныя отношенія къ нѣкоторымъ изъ нихъ не имѣли ничего общаго съ ихъ политическими стремленіями, благодаря которымъ въ настоящее время ихъ считаютъ достойными наказанія. Сношенія, которыя я поддерживала съ ними черезъ посредство другихъ лицъ, ко времени ихъ отъѣзда изъ Парижа, не находятся ни въ какой связи съ событіями. Въ настоящемъ смыслѣ слова, я не вела никакой политической переписки, и въ этомъ отношеніи я бы могла совершенно отказаться отъ показаній, такъ какъ нельзя же требовать отъ меня отчета въ моихъ личныхъ склонностяхъ. Но я могу только гордиться какъ своимъ, такъ и ихъ поведеніемъ,

*) См. примѣч. на стр. 49.

и мнѣ нечего скрываться передъ гласностью. Я подтверждаю, что мнѣ выражали сожалѣніе по поводу моего содержанія подѣ арестомъ и увѣдомляли о находящихся у дю-Перрѣ двухъ письмахъ для меня; но были ли эти письма написаны передъ или послѣ того, какъ мои друзья покинули Парижъ, а равно исходятъ ли они отъ одного или двухъ изъ нихъ, я не знаю. Они не дошли до меня. Дю-Перрѣ довѣрили ихъ въ другія руки, но ко мнѣ они не попали. Въ другой разъ я получила настойчивое требованіе рѣшиться сбѣжать изъ тюрьмы и даже предложеніе помочь мнѣ въ этомъ средствами, какія я найду подходящими, при чемъ мнѣ указывалось убѣжище, въ которомъ я могла бы считать себя въ полной безопасности. Ничему подобному я не хотѣла послѣдовать, какъ въ видахъ исполненія своихъ обязанностей, чтобы не подвергать опасности тѣхъ, надзору которыхъ я была довѣрена, такъ и изъ чувства чести, которое, во всякомъ случаѣ, я предпочитала; несравненно почетнѣе подвергаться опасности несправедливаго процесса, нежели избѣгать его недостойнымъ меня путемъ бѣгства. 31 мая я добровольно допустила арестовать себя, но не для того, чтобы послѣ сбѣжать“.

„Вотъ чѣмъ ограничиваются мои отношенія къ моимъ скрывшимся друзьямъ. Безъ сомнѣнія, я искала случая добывать себѣ о нихъ свѣдѣнія, и, конечно, нашла бы, если бы пути сношеній не были прерваны или если бы не препятствовало мнѣ къ этому мое заключеніе, такъ какъ я не знаю закона, который могъ бы мнѣ это воспретить. Ахъ! гдѣ или у какого народа на свѣтѣ дружба, уваженіе и братство, которыя люди завязываютъ между собою, когда либо вмѣнялись въ преступленіе? Я не обсуждаю намѣреній, которыми руководились бѣглецы; да я ихъ и не знаю. Но ни подѣ какимъ видомъ я не допускаю злого умысла у тѣхъ, честность, гражданская доблесть и великодушная преданность

отечеству которыхъ такъ наглядно были доказаны. Если они ошибались, то виною могло быть неправильное направленіе мысли, но хорошей мысли; они побуждены не будучи униженными, и, въ моихъ глазахъ, несчастны, не будучи виновными. Если бѣ въ ихъ положенія я сама была, то, оберегая свое благополучіе, я бы объявила объ этомъ всему міру. Я не беспокоюсь за ихъ славу и охотно соглашаюсь раздѣлить съ ними честь быть угнетенной ихъ врагами. Я видѣла этихъ людей, которыхъ обвинили въ заговорѣ противъ своего отечества. Это были гуманные, но отъявленные республиканцы, которые были убѣждены въ необходимости хорошихъ законовъ, чтобы возвысить республику въ глазахъ тѣхъ, кто сомнѣвался въ возможности ея сохраненія, что въ дѣйствительности труднѣе, чѣмъ подвергнуть ихъ смерти. Исторія всѣхъ временъ доказала, что нужно обладать высокими дарованіями для управленія людской добродѣтелью посредствомъ хорошаго закона, тогда какъ для того, чтобы держать людей въ страхѣ или уничтожать ихъ путемъ умерщвленія, достаточно примѣненія насильственной власти. Я слыхала, какъ они утверждали, что избытокъ и счастье вытекаютъ изъ справедливаго, благотѣльнаго и строго законнаго государственнаго устройства, тогда какъ постоянная угроза штыками навлекаетъ много страха, но не даетъ ни куска хлѣба. Я видѣла ихъ живо воодушевлявшимися благоденствіемъ народа, но не желавшими льстить ему, а рѣшившимися твердо пожертвовать собою вслѣдствіе его ослѣпленія, нежели обманывать его въ угоду ослѣпителямъ. Я утверждаю, что такія основанія и такіе поступки казались мнѣ совершенно несходными съ поведеніемъ тирановъ или честолюбцевъ, которые, желая нравиться народу, ищутъ способовъ къ его порабощенію. Я чувствовала глубокое благоговѣніе къ этимъ великодушнымъ мужамъ. Если это ошибка, то пусть она и остается во мнѣ вплоть до могилы, и я почту за

счастье слѣдовать за тѣми, которыхъ не могла опередить“.

„Моя защита, я должна говорить правду, имѣеть гораздо больше значенія для тѣхъ, кто желаетъ оправдаться, чѣмъ для меня самой Спокойно и съ полнымъ сознаніемъ я относилась къ своимъ обязанностямъ и съ яснымъ взоромъ выступаю навстрѣчу грядущаго будущаго. Мои серьезныя наклонности, моя привычка учиться держали меня вдали одинаково какъ отъ пустой суеты, такъ и отъ безпокойныхъ интригъ. Какъ приверженица свободы, значеніе которой научило меня размысленіямъ, я съ восторгомъ поклонялась революціи, въ твердомъ убѣжденіи, что она обозначаетъ эпоху паденія господствующаго произвола, который я ненавижу, уничтоженія злоупотребленій, которыя наводили меня на грустныя размысленія о положеніи нуждающихся классовъ. Я съ любопытствомъ слѣдила за успѣхами революціи, съ увлеченіемъ относилась къ ходу общественныхъ событій, но никогда не переходила границъ, указанныхъ мнѣ моимъ поломъ. Нѣкоторыя дарованія, порядочное философское воспитаніе, достаточная доля храбрости, не допустившей меня растеряться передъ грозившей моему мужу опасностью, вотъ, вѣроятно, все то, чѣмъ у однихъ, которые меня знали, я заслужила тайную похвалу, и что надѣлало мнѣ много враговъ среди тѣхъ, которые меня вовсе не знали“.

„Роланъ пользовался мною иногда для выполненія секретарскихъ обязанностей и, на примѣръ, знаменитое письмо къ королю написано моею рукою; оно явилось бы прекраснымъ документомъ въ моемъ процессѣ, если бы судили меня австрійцы и если бы имъ пришлось на умъ отвѣтственность министра распространить и на его жену. Но Роланъ уже съ давнихъ поръ доказалъ свои познанія и свою твердость въ высокихъ убѣжденіяхъ; доказательства эти существуютъ въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, которыя еще 15 лѣтъ тому назадъ

вышли изъ печати. Онъ обладаетъ собственными умомъ и честностью и не заимствовалъ ихъ отъ жены для того, чтобы стать мудрымъ министромъ. Никогда у него не происходило никакихъ противозаконныхъ засѣданій или другихъ тайныхъ сходовъ. Его товарищи, которые навѣщали его довольно часто, немногіе друзья и знакомые одинъ разъ въ недѣлю собирались къ его столу, при чемъ всѣ говорили совершенно открыто о томъ, что интересовало весь міръ. Впрочемъ, всѣ письменныя работы его, какъ министра, дышатъ любовью къ порядку и спокойствію и съ большимъ чувствомъ излагаютъ его высокіе принципы нравственныхъ и политическихъ воззрѣній и навсегда будутъ служить лучшимъ доказательствомъ его мудрости, какъ равно его отчетъ докажетъ его невиновность“.

„Возвращаясь къ проступку, въ которомъ меня обвиняютъ. Замѣчу при этомъ, что къ дю-Перрѣ я не имѣла никакого отношенія; иногда я видѣла его, во время министерства моего мужа, но вотъ уже шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ не состоитъ въ этой должности, и за все это время дю-Перрѣ уже ни разу не навѣщалъ меня. Такого рода отвѣтъ я могу повторить и относительно другихъ депутатовъ, моихъ друзей, что должно устранить всякое предположеніе о какомъ-либо соглашеніи или заговорѣ, которые намъ приписываютъ. Это съ ясностью можно вывести изъ письма къ дю-Перрѣ, которое именно этому депутату я и писала, вслѣдствіе невозможности обратиться къ кому либо другому, и въ предположеніи, что онъ охотно окажетъ мнѣ любезность. Такимъ образомъ, моя переписка съ нимъ не была предусмотрѣна и не являлась слѣдствіемъ предшествовавшего соглашенія, и только въ одномъ она могла бы подать ничтожный поводъ къ упреку. Это былъ случай получить извѣстія о тѣхъ, которые тогда находились въ отсутствіи, но съ которыми я была связана дружбой, совершенно независимой отъ

политическихъ соображеній. Она не имѣла также никакого значенія относительно способа сношеній, которыхъ я придерживалась въ первое время ихъ отсутствія. Ни одинъ поступокъ въ этомъ дѣлѣ не даетъ противъ меня никакой улики, а тѣ, которыя выставляются, даютъ лишь ничтожный поводъ къ догадкѣ, что я раздѣляла взгляды и чувства тѣхъ, кого называютъ заговорщиками. Такая догадка основательна, я громко это подтверждаю и горжусь своимъ сочувствіемъ къ нимъ. Но я не говорю о немъ съ полною откровенностью, за которую могли бы считать меня преступной и какимъ бы то ни было образомъ поднимать изъ-за него тревогу. Чтобы принять соучастіе въ исполненіи какого-либо намѣренія, слѣдуетъ поддерживать его совѣтами или средствами; я не сдѣлала ни того, ни другого, и въ этомъ отношеніи не преступила закона; нѣтъ повода судить меня, потому что не существуетъ проступка, который давалъ бы право примѣненія того или иного закона“.

„Мнѣ извѣстно, что во время революціи законъ и правосудіе часто забываются; доказательство этому, что я нахожусь здѣсь. Моимъ процессомъ я обязана только предвзятой и горячей ненависти, которая обыкновенно развивается въ смутныя времена противъ тѣхъ, кто стоитъ у всѣхъ на виду или за кѣмъ чувствуютъ какія-либо преимущества. При моемъ мужествѣ мнѣ легко было бы уклониться отъ слѣдствія, которое я предвидѣла, но я предпочла не избѣгать его. Я считала себя обязанной такимъ примѣромъ передъ моимъ отечествомъ; я думала, что въ случаѣ моего осужденія даже слѣдуетъ предоставить тиранніи такое мерзкое дѣло, какова казнь женщины, не имѣвшей никакой вины, кромѣ той, что она обладала нѣкоторымъ талантомъ, которымъ она пользовалась лишь для того, чтобы служить на благо человѣчества и имѣла мужество не отречься отъ своихъ друзей, рискуя жизнью за

честь свою. Великія души понимаютъ, что надо забывать самихъ себя, когда чувствуютъ, что обязаны посвящать себя общему благу и онѣ отразятся только какъ въ зеркалѣ передъ глазами потомства“.

„Я принадлежу добродѣтельному, преслѣдуемому Ролану и поддерживала знакомство съ мужчинами, отданными въ жертву заблужденію и ненависти завистливой посредственности. Необходимо, чтобы я тоже погибла, когда придетъ моя очередь, такъ какъ взглядамъ тиранніи соотвѣтствуетъ пожертвованіе тою, которая пренебрегла ею, и истребленіе тѣхъ свидѣтелей, которые могутъ изобличить ея поступки. По этимъ двумъ причинамъ я подлежу смерти и готовлюсь къ этому. Когда невинный подвергается смертной казни, къ которой приговариваютъ его заблужденіе и порокъ, то онъ достигаетъ этимъ только славы“.

„Ахъ, если бъ я могла быть послѣдней жертвой, которая приносится въ угоду неистоваго партійнаго духа! Я съ радостью покину эту несчастную землю, которая поглощаетъ честнѣйшихъ людей и напивается кровью праведниковъ!“

„Истина! Отечество! Дружба! Священныя блага! дорогія сердцу моему, примите мою послѣднюю жертву. Жизнь моя была вамъ посвящена. Вы, въ свою очередь сдѣлаете мою смерть привлекательной и славной!“

„Праведное Небо! просвѣти этотъ несчастный народъ, которому я желала свободы!.. Свобода! Она дается гордымъ душамъ, презирающимъ смерть и готовымъ умереть за нее когда это нужно. Она не для тѣхъ слабыхъ мужей, которые не задумываются передъ преступленіемъ, прикрывая свой эгоизмъ и свою трусость словомъ „осторожность“. Она не для тѣхъ испорченныхъ натуръ, которыя происходятъ отъ разврата или изъ грязи нищеты и упиваются кровью, брызгающей съ эшафота; она создана для народа мудраго, любящаго человѣчество, блюдющаго законность, презирающаго льстецовъ, познаю-

щаго истинныхъ друзей и высоко держащаго знамя правды. До тѣхъ поръ, сограждане, пока вы не будете такими, вы напрасно будете говорить о свободѣ! На долю каждаго изъ васъ будетъ выпасть лишь преимущество приносить самого себя въ жертву, когда до этого доидетъ очередь. Вы будете требовать хлѣба, вамъ укажутъ на трупы, и вы кончите тѣмъ, что будете поработаны“.

„Я не скрывала ни своихъ чувствъ, ни своихъ взглядовъ. Я знаю, что одна римская матрона при Ти-веріѣ была присуждена къ смерти за то, что она оплакивала своего сына. Я знаю, что въ періодъ заблужденія и неистовствъ партійнаго духа, каждый, кто осмѣлится признать себя другомъ приговореннаго или преслѣдуемаго, подвергается опасности раздѣлить съ нимъ его участь. Но, я презираю смерть и ничего болѣе такъ не страшилась, какъ преступленія. Своихъ дней я не буду охранять цѣною трусости“.

„Горе времени! горе народу, не имѣющему силы цѣнить истины, насильственно угнетаемой, только потому, что ему грозитъ опасность, которую онъ не въ состояніи предотвратить. Счастливы тѣ, кто способны итти ей навстрѣчу!“

„Теперь вамъ остается рѣшить, въ вашихъ ли интересахъ осудить меня, за неимѣніемъ уликъ, основываясь лишь на предубѣжденіи и не опираясь ни на какой законъ“.

Когда мадамъ Роланъ была переведена въ Консьержери, то поняла, что предназначена къ смерти; отсюда никто живымъ уже болѣе не выходилъ. Къ смерти она готовилась съ присущимъ ей философскимъ спокойствіемъ. Вотъ нѣкоторыя изъ ея прекрасныхъ прощальныхъ писемъ.

Къ моей дочери!

13 октября 1793 года.

„Не знаю, моя драгоценная, удастся ли мнѣ увидѣть тебя или еще разъ написать тебѣ. *Помни свою мать!*“

Эти немногія слова содержать въ себѣ все, что я могу сказать тебѣ хорошаго. Ты видѣла меня счастливою, когда мнѣ удавалось старательно выполнять свой долгъ и быть полезной тѣмъ, кто страдалъ; только этимъ путемъ и достигается счастье“.

„Ты видѣла меня въ несчастіи и сидящей въ заключеніи; но я утѣшалась воспоминаніями и радостью сознанія, что оставляю по себѣ хорошій слѣдъ. Только этимъ путемъ, кто на это способенъ, можно перенести страданія жизни и превратности судьбы“.

Быть можетъ, да я и надѣюсь также, что ты не будешь подвергаться такимъ же испытаніямъ, какъ я; но, существуютъ другія, противъ которыхъ тебѣ придется защищаться. Честная, трудовая жизнь есть наилучшее средство предохраненія противъ всякихъ опасностей. Нужда и разумъ налагаютъ на тебя обязанность честно трудиться“.

„Будь достойна своихъ родителей; они оставляютъ тебѣ почетный примѣръ и если ты сумѣешь извлечь изъ него пользу, то не будешь вести бесполезной жизни“.

„Будь счастлива, моя возлюбленная дочь; я, которая вскормила тебя молокомъ своей груди, хотѣла бы внушить тебѣ всѣ мои чувства. Придетъ время, когда ты будешь въ состояніи обсудить, какое самообладаніе должно было руководить мною, чтобы не разстроиться при взглядѣ на твое нѣжное личико. Я прижимаю тебя къ своему сердцу“.

„Будь счастлива, моя дорогая Евдора!“

Къ мадамъ Крезэ ля-Тушъ.

„Гражданка, вы отдаете долгъ несчастію и обязываете себя добромъ за довѣріе, что для меня очень дорого. Я вѣрю въ дружескій выборъ и на этомъ основаны мои надежды на облегченіе участи, которая дѣлаетъ мое настоящее положеніе весьма тяжелымъ.“

„Мужество даетъ возможность переносить легко собственные страданія; но сердце матери трудно успокоить относительно участи ребенка, отъ котораго она чувствуетъ себя оторванной“.

„Если несчастье сильнѣе отражается на заботахъ, вообще, то пусть оно не коснется моей милой Евдоры и да сохранить ее судьба, не скажу, отъ страданій, подобныхъ моимъ, но отъ такихъ, которыя въ моихъ глазахъ представляются гораздо болѣе опасными! Не лишилась бы она невинности, и въ одинъ прекрасный день достигла бы того, чтобы съ миромъ и съ полнымъ сознаніемъ могла бы начать выполненіе высокаго назначенія супруги и матери. Она должна подготовиться къ этому дѣятельнымъ и порядочнымъ образомъ жизни, и при склонностяхъ къ обязанностямъ ея пола присоединить еще нѣкоторый опытъ, могущій когда-нибудь и пригодиться ей; я знаю, что для этого у васъ она найдетъ все необходимое“.

„У васъ есть сынъ, хотя я не осмѣливаюсь сказать, что эта мысль меня очень беспокоитъ, такъ какъ у васъ есть и дочь, что меня даже, напротивъ, ободряетъ. Кажется, для такой чувствительной души и матери, для такого существа, какимъ я васъ себя представляю, этимъ много сказано“.

„Мое положеніе вызываетъ сильное чувство, но оно не позволяетъ мнѣ выразить его съ большей ясностью“.

„Примите мои наилучшія пожеланія и мою благодарность“.

„Мать Евдоры“.

Къ моей служанкѣ Флери!

„Милая дѣвушка, ты, вѣрность, служба и привязанность которой, начиная съ моего тринадцатилѣтняго возраста, были для меня такъ дороги, прими мой сердечный поцѣлуй и мои наилучшія пожеланія!“

„Сохрани воспоминанія о томъ, чѣмъ я была. Это утѣшитъ тебя за то, что я теперь переношу. Честные люди достигаютъ вершины славы, когда они сходятъ въ могилу. Моимъ страданіямъ наступитъ конецъ, умѣрь же и ты свои страданія и думай о мирѣ, который наступитъ для меня и которому уже никто не будетъ въ состояніи помѣшать“.

„Передай моей Агатѣ, что я уношу съ собою отъ раду сознанія ея любви ко мнѣ со времени моего дѣтства, какъ равно и сожалѣніе о томъ, что не имѣю возможности доказать ей своей привязанности. Я бы желала быть тебѣ полезной или, по меньшей мѣрѣ, не огорчать тебя“.

„Прощай, бѣдная моя дѣвушка, прощай!“

* * *

„А ты, назвать котораго я не осмѣливаюсь*), ты, котораго когда-нибудь узнаютъ лучше, когда займутся расслѣдованіемъ нашего общаго несчастья. Ты, который сумѣлъ превозмочь самую бурную страсть, чтобы не переступить предѣловъ добродѣтели, развѣ ты можешь огорчаться, что я раньше тебя прибуду въ тѣ мѣста, гдѣ уже никто не помѣшаетъ намъ соединиться? Тамъ безмолвствуютъ нечестивые предразсудки, условныя ограниченія, исполненныя ненависти страсти и всякаго иного рода тираннія. Я буду дожидаться тебя и отдохну сама. Оставайся пока здѣсь, если найдется убѣжище для сохраненія чести, оставайся, чтобы обличить несправедливость, подвергшую тебя опалѣ“.

„Но, если упрямый рокъ преслѣдуетъ тебя по пятамъ, то не позволяй наемной рукѣ подняться на тебя; умри свободнымъ, какъ ты умѣлъ жить, и пусть такое же великое мужество, какое не покидаетъ меня при моемъ стремленіи къ оправданію, будетъ сопровождать

*) Бюзо.

и твой послѣдній поступокъ. Прощай... Впрочемъ, нѣтъ, только съ тобой однимъ я не разлучаюсь. Оставить землю, это значить для насъ приблизиться другъ къ другу“.

„Вы, всѣ, которыхъ, по своей добротѣ, послало мнѣ Небо въ друзья, обратите ваши взоры и ваше попеченіе на мою сироту. Она, какъ молодое растеніе, вырванное изъ родныхъ нѣдръ земли, которыя его питали, можетъ завянуть и даже, можетъ быть, подвергнется оскорбленіямъ перваго встрѣчнаго. Вы дали ей надежное и благодѣтельное убѣжище и пусть она разцвѣтетъ тамъ, восхищая васъ своими душевными и физическими качествами. Я ничего не могу прибавить къ тому, что уже въ краткихъ словахъ написала благородной женщинѣ, съ такой добротой согласившейся занять мое мѣсто при моемъ ребенкѣ. Услуга, оказываемая мнѣ ею и ея мужемъ, наполняетъ меня чувствами, которыя я унесу съ собой въ могилу и для которыхъ на этомъ свѣтѣ не имѣется способа, чтобы достойно ихъ выразить“.

„Будьте счастливы! мое дитя, мой супругъ, моя служанка, мои друзья! Прощай солнце, блестящіе лучи котораго проникали въ мою душу и побуждали ее возноситься къ Небу! Прощайте, тихій деревенскій просторъ, красоты котораго я такъ часто созерцала, и вы, деревенскіе жители, тѣ, которые благословляли мое присутствіе, потъ которыхъ я утирала, бѣдствіе которыхъ я облегчала, болѣзни которыхъ я лѣчила! Прощай, уютная комната, въ которой я питала свой умъ познаніемъ истины, напрягала свое усердіе къ образованію, и въ тишинѣ которой научилась примѣнять свои способности и презирать суетность этого свѣта!“

Подруга дѣтства мадамъ Роланъ, которую мы знаемъ подъ дѣвическимъ именемъ Генріетты Каннэ, была уже вдовою въ то время, когда мадамъ Роланъ находилась въ тюрьмѣ Сень-Пелажи. Она посѣтила ее

тамъ и великодушно предложила ей пойти вмѣсто нея на эшафотъ. Мадамъ Роланъ должна была спастись бѣгствомъ, чтобы сохранить себя для своей семьи. Но, предоставимъ разказать объ этомъ самой вѣрной подругѣ мадамъ Роланъ: „Я была бездѣтной вдовой, мой мужъ, господинъ Вуглансъ, умеръ въ 1791 году. Мадамъ Роланъ имѣла пожилого уже мужа и маленькую, прелестную дочь, оба нуждались въ ея попеченіяхъ, какъ супруги и матери. Что было естественнѣе, какъ супруги и матери. Что было естественнѣе, какъ пожертвовать моей бесполезной жизнью, чтобы спасти столь необходимое существованіе для ея семьи. Я хотѣла помѣняться съ ней одеждой и сдѣлаться арестанткой вмѣсто нея, въ то время какъ она должна была попытаться выйти изъ тюрьмы въ моей одеждѣ. Но,... всѣ мои мольбы и слезы ни къ чему не привели. „Вѣдь, тебя же казнятъ, моя добрая Генріетта“, безпрестанно повторяла мадамъ Роланъ; „пролитая тобою кровь падетъ обратно на меня же; честнѣе претерпѣть тысячу смертей, нежели упрекать себя въ твоей смерти!“ Когда я убѣдилась въ ея непоколебимости, то сказала ей: прощай! Больше я никогда ее уже не видѣла“.

Этотъ великодушный поступокъ дѣлаетъ честь памяти Генріетты и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ славу мадамъ Роланъ, тѣмъ болѣе, что Генріетта принадлежала къ роялистской семьѣ и, раздѣляя воззрѣнія послѣдней, съ огорченіемъ порицала склонности своей подруги къ революціонному движенію и мечтамъ объ осуществленіи республики. Несмотря на явное вмѣшательство ея въ политику, во время министерства Ролана, Генріетта тѣмъ не менѣе сохраняла къ ней дружбу и развила ее до такой степени, что готова была даже пожертвовать собою для сохраненія ея жизни!

Мадамъ Вуглансъ впослѣдствіи вышла замужъ второй разъ и умерла въ Амьенѣ 27 января 1838 года 89 лѣтъ.

Когда пришелъ къ мадамъ Роланъ адвокатъ Шово-Лагардъ, чтобы переговорить съ ней, то она выслушивала его совершенно спокойно и хладнокровно обсуждала съ нимъ возможные средства къ своей защитѣ. Затѣмъ, растроганная его совѣтами, она сняла съ своего пальца кольцо и, передавая его адвокату, сказала:

— Завтра я перестану уже существовать, такъ какъ знаю участь, которая меня ожидаетъ. Ваши совѣты драгоценны для меня, но для васъ они могутъ быть роковыми. Иначе говоря, не спасши меня, вы сами можете подвергнуться несчастью. Я не хочу испытывать горечи чувствовать себя виновною въ смерти уважаемаго человѣка. Примите единственное доказательство моей благодарности, которое я въ состоянii вамъ представить. Не приходите завтра на судъ, я, все равно, откажусь отъ васъ.

9 ноября 1793 года (18 брюмера II года) мадамъ Роланъ была приговорена революціоннымъ трибуналомъ къ смерти.

Этому приговору предшествовалъ разборъ дѣла по формѣ и обычаю этого ужаснаго трибунала, при чемъ составлявшіе его грубые насильники стѣсняли мадамъ Роланъ въ ея защитѣ, пуская въ ходъ самую ужасную на нее клевету. Эти обстоятельства, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, не были занесены въ протоколъ. Только одинъ человѣкъ рѣшился придерживаться правды, но, вслѣдствіе этого, вскорѣ послѣ проявленія такой смѣлости, самъ былъ отправленъ на эшафотъ. Это былъ честный Лекокъ, который почти восемь мѣсяцевъ состоялъ на службѣ при Роланѣ, весьма достойный уваженія человѣкъ, благодаря своимъ превосходнымъ качествамъ заслуживавшій лучшей участи.

Когда былъ произнесенъ смертный приговоръ, мадамъ Роланъ крикнула своимъ судьямъ:

— Вы считаете меня достойной раздѣлить жребій великихъ мужей, убитыхъ вами. Благодарю васъ за честь и въ то же время могу васъ увѣрить, что, на пути къ эшафоту, я буду держать себя съ такимъ мужествомъ, какъ и тѣ герои.

Мадамъ Роланъ, какъ и ожидали отъ нея ея друзья, вступила на эшафотъ съ полнымъ спокойствіемъ великой души, превосходящей мысль о смерти, сохраняя въ самой себѣ столько твердости, чтобы преодолѣть естественный ужасъ.

Въ день, когда ей предстояло выслушать приговоръ, она одѣлась съ большимъ тщаніемъ.. Она избрала бѣлый цвѣтъ, какъ символъ ея душевной чистоты, и прислонилась къ тюремной рѣшеткѣ въ ожиданіи своей очереди. Одной рукой она придерживала шлейфъ отъ своего платья, другую предоставила толпѣ окружившихъ ее женщинъ и желавшихъ поцѣловать ее. Не всѣ знали, что мадамъ Роланъ шла на встрѣчу вѣрной и скорой смерти, тѣ же изъ нихъ, которыя лучше были освѣдомлены, рыдали и поручали судьбу ея Провидѣнію. Мадамъ Роланъ всѣмъ отвѣчала съ сердечной добротой. Хотя она и не обѣщала имъ вернуться, но и не говорила также, что идетъ на встрѣчу вѣрной смерти. Она упрашивала ихъ не предаваться отчаянію, но помочь ей съ мужествомъ покориться злему року. Старый тюремный смотритель, по имени Фонтеней, закаленный въ своей тридцатилѣтней службѣ видомъ столь многочисленныхъ человѣческихъ страданій, плакалъ, когда открывалъ рѣшетку для пропуску мадамъ Роланъ въ судебный залъ! Два часовыхъ у входа въ революціонный трибуналъ окликнули ее и при этомъ, для всякаго другого ужасномъ, окликъ она бодро выступила впередъ, сказавъ мимоходомъ одному изъ присутствовавшихъ друзей.

— Заклучимъ миръ, милостивый государь, теперь какъ разъ пора; прощайте!

Когда она увидѣла наворачнувшіяся на его глаза слезы, она крикнула:

— Мужайтесь!

Геройская смерть мадамъ Роланъ едва была замѣчена большой толпой. Умирать съ твердостью въ тѣ дни казалось обыкновеннымъ явленіемъ.

Этотъ день, 9 ноября 1793 года, былъ холодный. Лишенная зелени мрачная природа соотвѣтствовала унылому настроенію многихъ сердець. Между двумя садами съ безлиственными деревьями спускалась ночь. Было половина пятого часа вечера. На дрогахъ сидѣли мадамъ Роланъ и другая предназначенная къ смерти жертва, директоръ печатни ассигнацій, нѣкто Ламаркъ. Дроги тихо катились по привычной дорогѣ черезъ Мѣнновой мостъ, на набережную Мессажери. Толпа любопытныхъ, какъ и всегда, собиралась на улицахъ, чтобы поглазѣть на этотъ печальный поѣздъ, и изступленно кричала: „На гильотину! на гильотину!“ повода въ воздухѣ кулаками. Мадамъ Роланъ крикнула къ неистовавшимъ женщинамъ:

— Успокойтесь, вы же видите, что я уже на пути къ ней. Тѣ, кто отправляетъ меня туда, скоро сами послѣдуютъ за мной и вы совершенно одинаково будете рукоплескать ихъ смерти, какъ сегодня празднуете мою!

Сидѣвшій рядомъ съ мадамъ Роланъ товарищъ по участи чувствовалъ себя отвратительно отъ беспорядочныхъ криковъ толпы и страха передъ близкой смертью. Считаая себя обязанной выполнить свое послѣднее назначеніе какъ женщины, она отнеслась къ нему съ состраданіемъ. Она была утѣшительницей въ тюрьмахъ, теперь пожелала быть такою же утѣшительницей и передъ эшафотомъ, и начала говорить съ совершенно незнакомымъ ей человѣкомъ съ такой теплотой и участіемъ, вдохнула въ него столько бодрости, что онъ даже улыбнулся.

Стойкость мадамъ Роланъ во время этого длиннаго пути, на протяженіи котораго другія несчастныя жертвы чувствовали всегда всѣ муки своего безчестія, представляеть одно изъ выдающихся событій въ историческихъ воспоминаніяхъ о революціи. Тѣ немногіе, которые тогда это замѣтили, никогда не могли уже изгладить изъ памяти своего впечатлѣнія.

На продолжительномъ пути отъ Мѣнноваго моста по набережной Мессажери, мадамъ Роланъ долгое время имѣла въ глазахъ бывшую квартиру Флипоновъ. Событія въ ея дѣтствѣ, незадолго передъ тѣмъ съ такимъ чувствомъ описанныя ею въ своихъ мемуарахъ, во время сидѣнія въ тюрьмѣ, проходили теперь еще разъ передъ нею: ей снова представлялись большая комната, мастерская, маленькое уютное помѣщеніе, въ которомъ она жила, училась и предавалась дѣтскимъ мечтамъ. Кто это такъ кстаті открылъ окна? Кто это глядѣлъ на нее? Были ли это отрадныя годы ея жизни, привѣтствовавшіе теперь ея послѣдній день? Были ли это мертвецы, звавшіе ее къ себѣ?—ея мать, Флипонъ, слуги, ея двоюродный дядя? Что говорили ей эти воспоминанія? Говорили ли они ей: „Если бѣ ты была набожна и смиренна въ твоемъ сердцѣ, ты бы продолжала жить!“ Или же они укрѣпляли ее въ заблеставшей на ея пути къ эшафоту славѣ и напѣвали ей побѣдную пѣснь: „Ты, которая предпочла тернистый и полный опасностей путь, пролегающій чрезъ вершину жизни узкой и мрачной тропой, извиистой и теряющейся въ безконечности; ты, какъ жертва своей любви, умираешь за право и справедливость, да будетъ такъ, дочь моя, гордо подними твою голову и будь благословенна“.

Чувствовала ли она угрызенія совѣсти или гордилась содѣяннымъ? Кто могъ проникнуть въ ея послѣднія мысли? Какъ жаль, что ей, на ступеняхъ эшафота, отказали въ бумагѣ и перѣ, чтобы записать свои послѣднія ощущенія!

По этому поводу Гете говоритъ слѣдующее: „Мадамъ Роланъ на мѣстѣ казни потребовала письменныхъ принадлежностей, чтобы запечатлѣть совершенно особья мысли, навѣянные въ ея послѣднемъ путешествіи. Жаль, что ей въ этомъ отказали, такъ какъ именно подъ конецъ жизни въ сосредоточенномъ умѣ рождаются мысли, до тѣхъ поръ неизвѣданныя; онѣ, какъ праведные ангелы, блестяще парятъ надъ бездною прошедшихъ временъ“.

Когда дроги остановились у эшафота, она сказала Ламарку, чтобы тотъ вступалъ первымъ, иначе у него не хватитъ силы при видѣ ея смерти. Палачъ не рѣшался дать своего согласія на это предложеніе, вопреки данному ему распоряженію. Тогда мадамъ Роланъ съ улыбкой замѣтила:

— Можете ли вы отказать женщинѣ въ ея послѣдней просьбѣ?

Итакъ, наступила ея очередь. Когда ее прикрѣпили къ доскѣ, взоръ ея устремился на колоссальную статую свободы, высившуюся на площади Революціи.

— О, свобода, какія преступленія совершаются во имя твое!—воскликнула она.

Въ этотъ моментъ покачнулась роковая доска и жизнь мадамъ Роланъ прекратилась.

Въ лицѣ мадамъ Роланъ умерла одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ, которую выдвинуло новѣйшее время и которой даже въ прошлыхъ столѣтіяхъ едва ли можно противопоставить соперницу. Она принадлежала къ тѣмъ рѣдкимъ явленіямъ, для которыхъ природа, казалось, расточила всѣ свои дары и которыя она производитъ лишь черезъ весьма большіе промежутки времени.

Великая въ большихъ и малыхъ вещахъ, она соединяла въ себѣ грацію съ мужествомъ, разсудокъ съ веселостью и нѣжность съ высокимъ самоотверженіемъ. Воспоминаніе о ней сохранится навѣки, ея примѣръ

всегда будетъ имѣть значеніе для тѣхъ, кто вѣритъ въ великое и готовъ принести себя въ жертву ради идеи.

Здѣсь мы приведемъ содержаніе прекраснаго письма мадамъ Роланъ къ ея возлюбленному Бюзо, которое появилось въ печати благодаря одной весьма интересной случайности.

Въ концѣ ноября 1863 года, нѣкій молодой человѣкъ зашелъ къ одному книгопродавцу въ Парижѣ, на набережной Вольтера, съ пачкой какихъ-то старинныхъ рукописей подъ мышкой. Онъ разсказалъ, что нашелъ ихъ въ ящикѣ, когда-то принадлежавшемъ его дѣдушкѣ, большому любителю старыхъ книгъ и рукописей. Книгопродавецъ отказывался отъ пріобрѣтенія этой пачки и, по обзорѣ ея, сказалъ, что она ничего интереснаго въ себѣ не заключаетъ. Молодой человѣкъ обѣщавъ зайти опять и принести другія рукописи. Такъ онъ заходилъ нѣсколько разъ и всегда приносилъ новый пакетъ; когда все это было пересмотрѣно, книгопродавецъ согласился, наконецъ, купить доставленное и уплатилъ молодому человѣку пятьдесятъ франковъ.

Мѣсяцъ спустя появился въ свѣтъ сборникъ, въ которомъ заключались четыре письма мадамъ Роланъ къ Бюзо, одно письмо Бюзо къ его другу Жерому Летеллье, неизданные мемуары Лувэ и Петіона, копія мемуаровъ Бюзо, трагедія Салля съ собственноручными помѣтками Барбару. Все это заключалось въ пачкахъ рукописей, казавшихся неимѣвшими никакой цѣнности и уступленныхъ молодымъ человѣкомъ книгопродавцу за пятьдесятъ франковъ.

Отецъ этого молодого человѣка никогда не говорилъ ему, что рукописи представляютъ собою большую цѣнность, а равно и о томъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ онѣ попали къ его дѣду.

Вотъ содержаніе перваго письма мадамъ Роланъ къ Бюзо.

Аббатство, 22 іюня.

„Какъ часто я ихъ перечитываю! Я прикладываю ихъ къ своему сердцу, покрываю ихъ поцѣлуями, въ-которыя изъ нихъ я не надѣялась получить. Тщетно просила я мадамъ Шоле доставлять мнѣ о тебѣ свѣдѣнія: я написала однажды господину Летеллье въ Эвре, чтобы подать тебѣ вѣсть о себѣ, но почтовые сношенія прервались“.

„Я не хотѣла посылать къ тебѣ прямо, такъ какъ было бы достаточно одного твоего имени, чтобы письмо задержали, тебѣ же это принесло бы вредъ. Я вошла сюда гордая и спокойная, таила желанія и питала еще нѣкоторую надежду относительно защитниковъ свободы. Когда я узнала объ арестованіи двадцати-двухъ, я воскликнула: „Мое отечество погибло“. Я все время находилась подъ гнетомъ страха, пока не была увѣрена въ твоёмъ бѣгствѣ: страхъ этотъ возобновился вслѣдствіе приказа о твоёмъ арестѣ. Но твое мужество спасло тебя; я вновь успокоилась, когда узнала, что ты находишься въ Кальвадосѣ. Продолжай свои душевныя напряженія, другъ мой. Брутъ очень рано отчаялся въ исходѣ битвы при Филиппахъ за спасеніе Рима. До тѣхъ поръ, пока республиканецъ еще дышитъ, пользуется своею свободою и обладаетъ мужествомъ, онъ обязанъ и можетъ быть полезнымъ. Югъ Франціи даетъ тебѣ во всѣхъ отношеніяхъ хорошее убѣжище: оно будетъ пристанищемъ достойныхъ уваженія людей. Да, оно тамъ, и туда ты долженъ направить свои взоры и стопы. Тамъ ты долженъ жить, такъ какъ тамъ ты принесешь пользу равнымъ тебѣ и проявишь свою добродѣтель“.

„Что касается меня, то я сумѣю спокойно дожидаться возвращенія торжества справедливости или пре-

доставлю тиранніи направить противъ меня ея послѣднія насилія, но такимъ образомъ, чтобы мой примѣръ не остался безъ пользы. Если я чего и опасалась немного, такъ это, чтобы ты не предпринималъ ради меня чего-либо необдуманнаго“.

„Другъ мой! спасая наше отечество, ты можешь способствовать и моему спасенію, но я не желаю получить его въ ущербъ другимъ. Я спокойно разстанусь съ жизнью, если буду знать, что ты дѣйствительно съ пользою служишь отечеству. Смерть, пытки, страданія ничего не значатъ для меня, я со всѣмъ этимъ могу примириться. Будь спокоенъ, я доживу до моего послѣдняго часа, не теряя ни одного момента на то, чтобы предаваться безпокойству и недостойному меня волненію“.

„Впрочемъ, какъ бы ни овладѣвало ими неистовство, должны же они имѣть хоть каплю чувства стыда за необоснованность приказа о моемъ арестѣ. Они тайно сговорились о томъ, что меня необходимо было арестовать, но не осмѣлились изложить этого на бумагѣ. Благодаря челоуѣколюбію моей стражи, я пользуюсь нѣкоторыми облегченіями, о которыхъ я скрываю, чтобы не повредить ей. Но этотъ любезный поступокъ связываетъ меня крѣпче цѣпей, и еслибы мнѣ предстояла возможность спастись бѣгствомъ, то я не сдѣлала бы этого, чтобы не подвергать опасности добраго тюремнаго смотрителя, который употребилъ всевозможныя усилія, чтобы облегчить мое заключеніе. Многіе заблуждаются, думая, что я нахожусь уже въ Консьержери. Въ дѣйствительности же произошло слѣдующее: въ то время, когда я входила сюда, другая женщина, носившая такое же имя, переводилась туда. Меня водворили въ ея камеру, и я пользуюсь тою же самою постелью, на которой она спала. Мой добрый Плутархъ, которымъ я наслаждаюсь въ своемъ досугѣ, не замедлил бы усомниться въ этомъ предзнаменованіе. Женщина эта была

Анжелика Дезиль, жена Ролана де-ля-Фоше, сестра того Дезиля, который умеръ славною смертию въ Нанси; третьяго дня она уже испустила духъ свой на эшафотъ, въ возрастъ двадцати четырехъ лѣтъ, обнаруживъ большое мужество. Даже назначенный трибуналомъ защитникъ клялся въ невиновности этой жертвы, вѣжное, милостивое лицо которой отражало прекрасную душу“.

„Первымъ своимъ днемъ я воспользовалась, чтобы написать нѣкоторыя замѣтки, которыя когда нибудь доставятъ тебѣ утѣшеніе; я передала ихъ въ надежныя руки и сообщу тебѣ, гдѣ онѣ находятся, чтобы во всякомъ случаѣ онѣ попали къ тебѣ. Я имѣю при себѣ Томпсона (который дорогъ мнѣ по нѣкоторымъ особымъ причинамъ), затѣмъ Шефтсбюри, англійскій словарь, Тацита и Плутарха. Я веду здѣсь такой образъ жизни, какой вела бы въ моей небольшой комнатѣ министерскаго дворца или гдѣ бы то ни было; большой разницы нѣтъ. Еслибъ я не боялась производить шума, то распорядилась бы поставить у себя музыкальный инструментъ. Живу я въ камерѣ размѣромъ почти десять футовъ въ квадратъ и въ ней, между рѣшеткой и запорами, наслаждаюсь независимостью мысли, вызывая въ своихъ воспоминаніяхъ дорогихъ мнѣ людей; мнѣ гораздо спокойнѣе съ моимъ сознаніемъ, нежели моимъ преслѣдователямъ съ ихъ властью. Повѣришь-ли, что лицемѣрный Пашъ просилъ сказать мнѣ, будто его очень огорчаетъ мое печальное положеніе. „Скажите ему, что я не принимаю никакихъ оскорбительныхъ выраженій его сочувствія и что я предпочитаю быть его жертвой, нежели предметомъ сокрушенія, что только безчестить меня“, было моимъ отвѣтомъ. Ты увидишь также, изъ приложенія, что я писала Гарату; это не первое мое письмо къ нему, однако, въ немъ заключается мое окончательное требованіе. Отъ этихъ людей ожидать нечего, но надо держать ихъ въ надлежащихъ границахъ и обличить передъ потомствомъ, вотъ все, что я намѣре-

ваюсь дѣлать. Еслибы 1 іюня я не писала Конвенту, то не подверглась бы позднѣе настоящей своей участи. Это я помѣшала Ролану что либо писать Конвенту послѣ 2 іюня. Въ настоящее время я не знаю въ Парижѣ такой власти, не исключая и Конвента, у которой, при моихъ убѣжденіяхъ и характерѣ, я бы о чемъ либо просила; я готова скорѣе сгнить заживо, нежели унижаться до такой степени. Тираны могутъ угнетать меня, но унижить—никогда, никогда! На всѣ мои вещи въ квартирѣ, бѣлье, платье, даже на двери и окна, наложены печати, и только одинъ небольшой уголокъ остался свободнымъ въ распоряженіе моихъ людей. Повидимому, моя бѣдная служанка совсѣмъ упала духомъ; она заставляетъ обливаться кровью мое сердце и, тѣмъ неменѣе, мнѣ иногда удается доводить ее до смѣха. Мои честные тюремщики время отъ времени допускаютъ ее ко мнѣ: послѣ обѣда, когда ихъ нѣтъ, они уступаютъ мнѣ даже свою квартиру, гдѣ я имѣю и больше воздуха, нежели въ моей камерѣ“.

„Дочь моя взята матерью семейства, женою почтеннаго Крезе ля-Тушь, къ себѣ, гдѣ она принята какъ ихъ собственное дитя. Несчастный Роланъ, въ продолженіе двадцати-двухъ дней скрывался попеременно у двухъ, самихъ подвергавшихся за это большой опасности, друзей, никому не показываясь на глаза, при худшихъ условіяхъ, нежели мои; я опасалась даже за его разсудокъ и здоровье. Теперь онъ находится въ твоемъ сосѣдствѣ, но жаль, что онъ не имѣетъ достаточно мужества. Я не осмѣливаюсь высказаться; но, ты единственный въ мірѣ, кто можетъ оцѣнить то, что я не ропщу по поводу своего ареста!“

„Они будутъ менѣе неистовы, менѣе внимательны и злобны въ отношеніи Ролана, сказала я себѣ. Если они затѣвуютъ какой-либо процессъ, то я сумѣю помочь ему такимъ образомъ, чтобы онъ послужилъ ему лишь къ увеличенію его славы; мнѣ кажется, что должна же

я дать ему хоть какое-либо удовлетвореніе за причиненное ему горе. Вѣдь, поймешь же ты, что, несмотря на мое одиночество, я пребываю съ тобою!»

„Итакъ, моимъ заточеніемъ я жертвую собою для своего супруга и сохраняю себя для моего друга; благодаря своимъ мучителямъ, я должна быть въ состояніи согласовать свои обязанности и свою любовь. Не обвиняй меня! Другіе удивляются моему мужеству, но они не знаютъ моихъ радостей; ты, который долженъ ихъ чувствовать, поддержи всю ихъ прелесть твердостью твоего мужества“.

„Что за любезная эта мадамъ Гуссаръ! Какъ я была удивлена, увидѣвъ ея нѣжное лицо, почувствовавъ себя въ ея объятяхъ, орошенная ея слезами; какъ торжественно вытаскивала она изъ за корсажа твои два письма! Но, я не могла заставить себя прочесть ихъ въ ея присутствіи и находила ея визитъ слишкомъ продолжительнымъ. Она даже хотѣла, чтобы я написала при ней отвѣтъ, который бы и передала ей, но это казалось мнѣ еще тяжелѣй, и я почти разсердилась на нее за такую ревностную услужливость“.

«Другъ мой! письмо твое отъ 15-го написано такимъ мужественнымъ слогомъ, въ которомъ видна гордая и свободолюбивая душа, занятая рѣшеніемъ великихъ задачъ, пренебрегающая судьбой, способная на великодушные подвиги и твердыя рѣшенія, и по этимъ признакамъ я сразу узнала своего друга; въ моемъ сердцѣ опять возродились всѣ тѣ чувства, которыя меня связываютъ съ тобою. Письмо же отъ 17-го очень печально. Какою грустною мыслью оно заканчивается! Будто, ужъ дѣйствительно такъ важно знать, будетъ жить или нѣтъ послѣ тебя нѣкая женщина! Надо, чтобы твоя жизнь была сохранена и принесла пользу нашему отечеству, остальное приложится послѣ!»

„Меня посѣщаетъ здѣсь одинъ мущина, нѣкій Гранпре, которому Роланъ предоставилъ должность ревизора

тюремъ, на обязанность котораго возложилъ наблюденіе за тѣмъ, что тамъ происходитъ, для искорененія злоупотребленій приема жалобъ отъ заключенныхъ и вообще доносить министру внутреннихъ дѣлъ. Эту должность создалъ Роланъ, и я указала ему на лицо, къ которому она должна быть замѣщена. Это бывший адвокатъ, о несчастьяхъ котораго мнѣ много рассказывали, и мнѣ казалось, что онъ, будучи честнымъ человѣкомъ и испытаннымъ всякія лишенія, являлся необыкновенно подходящимъ для этой сострадательной должности. Съ тѣхъ поръ я забыла о немъ. Но, нельзя представить себѣ его волненій, когда онъ узналъ о моемъ арестѣ, и его поспѣшность скорѣе посѣтить меня была для меня пріятною неожиданностью. Такъ какъ его должность даетъ ему извѣстныя права и вліяніе, то онъ и воспользовался ими относительно тюремнаго смотрителя и, вмѣстѣ съ этимъ честнымъ человѣкомъ, ему удалось значительно ослабить подлости, направленныя противъ меня тиранніей“.

„Я просила мадамъ Гуссаръ передать ему, чтобы онъ разрѣшилъ тюремному смотрителю допустить ко мнѣ одного изъ твоихъ друзей, о которомъ она мнѣ говорила. Между прочимъ, мадамъ Гуссаръ сказала, что ко мнѣ писалъ также Барбару; но я письма его не получила. Кажется, его получила ошибочно бѣдная мадамъ Роланъ*) въ Консьержери, если его не конфисковали, чтобы предъявить революціонному трибуналу, который судилъ эту несчастную женщину“.

„Какое оправданіе въ этомъ письмѣ найдутъ недобрыя своему безпрестанному лаю по поводу вашего мнимаго соглашенія съ Вандеей; подлость, которую они ежедневно повторяютъ народу этого несчастнаго города“.

„Я посылаю Горзасу нѣкоторыя брошюры, въ которыхъ говорится обо мнѣ. Я не хочу, чтобы ты читалъ

*) Однофамилица, см. выше.

„Père Duchesne“; это заставило бы тебя выругаться, но было бы еще досаднѣе, если бы ты сталъ слушать сплетниковъ, которые превосходно дополнили бы текстъ“.

„Партія поступила хорошо, что не захотѣла выступать 2 июня съ другими. Граждане сказали, что они хотятъ остаться въ тюрьмѣ. 10000 вооруженныхъ собралось вокругъ тюрьмы Аббатства. Предводитель этой вооруженной силы, извѣстный Жансонъ, кажется, порядочный человекъ; онъ навѣрное освѣдомлялся, правда ли то, что это была я, которую перевели сюда“.

„Ахъ, если бы эти подробности внесли успокоеніе въ твое сердце!“

„Будь, что будетъ! Мы не можемъ перестать быть достойными тѣхъ чувствъ, которыя мы взаимно внушили другъ другу. Черезъ это нельзя быть несчастнымъ. Прощай, другъ мой, будь счастливъ, мой возлюбленный!“

Другие материалы о мадам Ролан:

из личной переписки (письма М.Робеспьеру, Бюзю)

А.Олар. Друзья госпожи Ролан (главы из книги «Ораторы французской революции»)

Г.Серебрякова. Манон Ролан / Женщины эпохи Французской революции

С.С. Госпожа Ролан

9 брюмера II года они поднимались на эшафот с пением «Марсельезы» - дискуссия о жирондистах

http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#manon